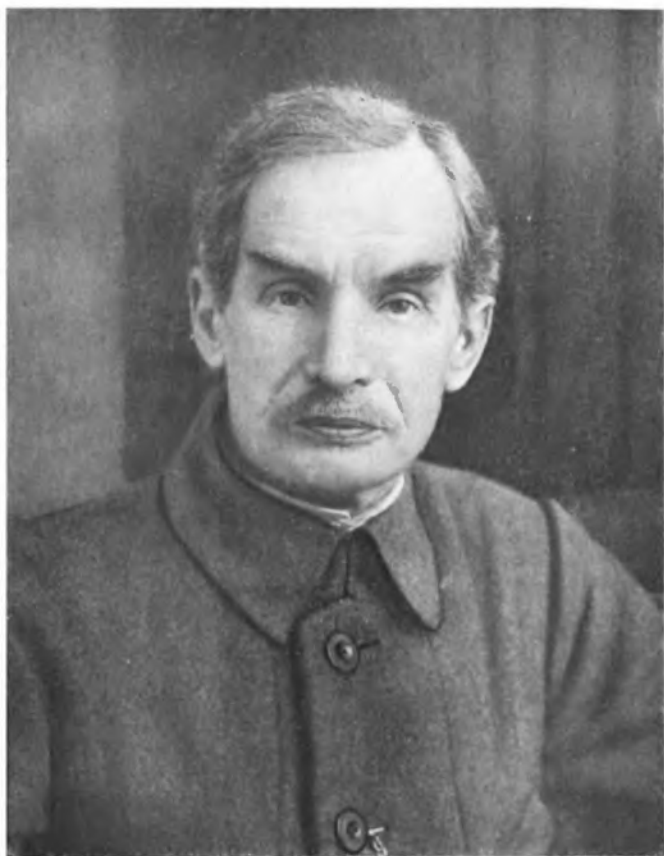

П. К. КОЗЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В
МОНГОЛИЮ

ГЕОГРАФИЗ-1949

И. К. Розлов

ЗАПИСКИ ВСЕСОЮЗНОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
НОВАЯ СЕРИЯ *том 7*

П. К. КОЗЛОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ В МОНГОЛИЮ

1923—1926

*Дневники,
подготовленные
к печати
Б. В. Козловой.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1949

Редакция и вступительная статья

Э. М. Мурзаева

ЭКСПЕДИЦИЯ П. К. КОЗЛОВА В МОНГОЛИЮ (1923—1926)

В 1909 году Петр Кузьмич Козлов возвратился из своей очередной экспедиции в Центральную Азию. Эта экспедиция была очень плодотворной и богатой результатами. Тогда П. К. Козлов ушел из Монголии далеко на юг к Куку-нору и к верховьям Хуан-хэ.

Именно в этом путешествии у Козлова появился интерес к изучению не только природы, но и истории народов Центральной Азии. Его внимание привлекли археологические памятники, встречающиеся в степных и пустынных районах этой обширной страны.

Сухой континентальный климат способствует сохранению древних городищ, курганов, могильников, башен и других свидетелей прошлого. Среди последних выдающееся место занимает мертвый город Хара-хото — детище Козлова. Открытие и раскопки Хара-хото вызвали интерес и отклики во всем мире.

По приезде из Монголо-сычуанской экспедиции в Петербург Петр Кузьмич замышляет новое путешествие. Он торопится в Южный Тибет, в Лхасу, в те запретные места, куда стремился, но так и не попал, его учитель и друг — Н. М. Пржевальский, скончавшийся на пороге своего пятого центрально-азиатского путешествия — в г. Караколе.

Личное знакомство П. К. Козлова с тибетским владыкой — тринадцатым далай-ламой, — радужное приглашение последнего посетить его дворец Поталу в Лхасе позволили бы нашему путешественнику беспрепятственно достигнуть Южного Тибета и подробно описать его столицу.

Но обстоятельства сложились не в пользу экспедиции. Началась мировая война, царское правительство не позволило П. К. Козлову выехать в Центральную Азию, и готовая, налаженная и скомплектованная экспедиция была расформирована. Грустно было расставаться с мыслью, что намечавшаяся

шестая по счету¹ поездка в Центральную Азию, на которую возлагалось много научных надежд, отложена неизвестно на сколько лет.

После окончания мировой, а затем и гражданской, войн П. К. Козлову уже не сидится в Петрограде; его вновь тянет Центральная Азия: «Душу номада даль зовет... Таинственный голос дали будит душу: властно зовет ее снова к себе»².

И, подчиняясь этому зову, мечтая о новых открытиях в азиатских просторах во славу Родины и науки, Петр Кузьмич хлопочет о поездке в Монголию и Тибет.

В 1920 году П. К. Козлов опубликовал свою книгу «Тибет и далай-лама», в 1923 году в Государственном издательстве выходит его полный отчет о работах Монголо-сучуанской экспедиции Географического общества: «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», привлекающий внимание читателей.

Получив горячую поддержку Географического общества и Академии наук, П. К. Козлов представляет план поездки в Монголию и Тибет.

Ю. М. Шокальский, В. Л. Комаров и другие видные деятели этих научных учреждений помогали Петру Кузьмичу в его организационной работе. Советское правительство сочувственно отнеслось к планам Козлова и утвердило их. Таким образом начала свою работу Монголо-тибетская экспедиция Русского Географического общества под руководством П. К. Козлова. Но экспедиция по существу оказалась не Монголо-тибетской, а, как мы увидим ниже, лишь Монгольской. Ее работы касались исследования только Монголии, главным образом Монгольской Народной Республики. Экспедиция незначительно углубилась в пределы Внутренней Монголии, пройдя к развалинам Хара-хото. Это обстоятельство очень огорчало Петра Кузьмича, который рвался в Тибет, строил более широкие планы, обсуждал их и мечтал...

Казалось, все было готово к поездке в дальние края. Петр Кузьмич сам поехал в Бэйпин и получил там согласие китайского правительства на следование экспедиции в западные провинции Китая. Тибетское правительство прислало специального посланника в Ургу (Улан-Батор) для свидания с путешественником. Однако сошлемся на Н. В. Павлова, работавшего в Монголии с Козловым:

«Кроме участников экспедиции, мало кому известно, что ей было обеспечено достижение Лхасы, ибо когда далай-лама

¹ Впервые П. К. Козлов отправился в Центральную Азию с четвертой экспедицией Пржевальского в 1883—1885 гг., вторично — с экспедицией М. В. Певцова в 1889—1890 гг., третий раз — с В. И. Роборовским в 1893—1895 гг., четвертый раз — во главе Монголо-камской экспедиции в 1899—1901 гг., пятый раз — во главе Монголо-сучуанской экспедиции в 1907—1909 гг.

² Из первых строчек сочинения П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», М.—П., 1923 и М., 1947.

Тибета узнал о готовящемся путешествии, то он, выполняя обещание, данное Козлову, выслал навстречу в Ургу весьма важного ламу Галсана, долженствовавшего служить проводником экспедиции в Лхасу. Лама был снабжен так называемой «пилой» — собственноручно надписанной далай-ламой пропускающей шелковой карточкой, причудливо, в виде пилы, разрезанной на две половинки. Одну из них Галсан привез П. К. Козлову в Ургу, другую же половину должна была иметь и приложить к первой стража горных перевалов на подступах к Лхасе.

Все это, к сожалению, было напрасным. Из-за протеста Англии экспедиция в Тибет не попала, ей пришлось работать только в Монголии, но и здесь опытный, зоркий глаз и неизменное счастье не обманули П. К. Козлова»¹.

Ограничившись исследованиями Монголии, Петр Кузьмич смог больше времени уделить стационарным работам, более детально изучить природу и археологию этой части Центральной Азии.

Научные результаты Монгольской экспедиции П. К. Козлова, еще полностью не обработанные и до настоящего времени, были очень широкими и разнообразными по содержанию и тематике. Экспедиция была многолюдной по составу, но скомплектованная главным образом из молодежи, которую руководитель не устал учить и направлять. Соединение маршрутных рекогносцировок со стационарными углубленными работами позволило П. К. Козлову сравнительно полно охватить географию, зоологию (главным образом орнитологию), ботанику, этнографию и археологию.

П. К. Козлов оставил за собой общее руководство экспедицией, в частности, занимался и общегеографическими, зоологическими, этнографическими и археологическими наблюдениями. Е. В. Козлова — специалист-орнитолог — посвятила все свое время орнитофауне, Н. В. Павлов плодотворно занимался изучением растительности и сделал большие флористические сборы, главным образом в Хангае. Отряд географа С. А. Глаголева прошел самостоятельным маршрутом через всю Монгольскую Народную Республику, произвел съемку и задержался в Хара-хото, продолжая здесь раскопки, начатые Козловым еще в предыдущей экспедиции.

С. А. Кондратьев, помимо записи образцов монгольского народного музыкального творчества, вел раскопки знаменитых Ноинульских курганов, а затем занялся плодотворными географическими исследованиями Хэнтэйских гор.

Оценивая результаты своей экспедиции, П. К. Козлов считал ее основными итогами и достижениями следующее.

¹ Н. В. Павлов. Путешественник и географ Петр Кузьмич Козлов (1863—1935), почетный член Московского общества испытателей природы. Москва, 1940, стр. 12.

1. В Северной Монголии, в Хэнтэйских горах, открыты и исследованы глубокие могилы двухтысячелетней давности.

2. Отрядами экспедиции пройдено с маршрутно-глазомерной съемкой 3 500 км пути. Съемка опиралась на астрономические и частые гипсометрические пункты.

3. Изучен Южный Хангай, степные и пустынные части Монголии вплоть до Хара-хото.

4. Исследованы озера, измерены их глубины, собраны их флора и фауна.

5. Проведены многочисленные метеорологические наблюдения, особенно интересные в местах длительных стоянок.

6. Собраны многочисленные коллекции: млекопитающих 60 видов (600 экземпляров), среди них оказался замечательный тушканчик из Хара-хото — редкий *Salpingotus kozlowi*; птиц — 300 видов (2 000 экземпляров), гнезд с яйцами 40. Собраны и привезены также рыбы, пресмыкающиеся и земноводные. Коллекция насекомых насчитывает до 30 000 экземпляров.

7. В Северной Гоби проведены раскопки палеонтологического материала и собраны остатки третичных позвоночных: носорогов, жирафов, трехпалой лошади, коз, оленей, грызунов и гиены.

8. Проведены этнографические наблюдения. Открыты и сфотографированы древние погребения, развалины и другие памятники старины с рисунками и письменами. Произведены дополнительные раскопки города Хара-хото в низовьях Эдзин-гола (Эцзин-гола).

9. Исследованы минеральные источники — аршаны; открыт водопад на реке Улан, низвергающий свои воды в базальтовый каньон Орхона.

10. Произведены фотоснимки 300 объектов: ландшафтов, предметов этнографии и археологии¹.

Но не только этим сухим перечнем итогов и результатов можно охарактеризовать работу П. К. Козлова в 1923—1926 гг. Им положено начало сближения советских ученых с учеными Монгольской Народной Республики, другом которой до самой смерти оставался путешественник.

Монгольские научные работники и общественные деятели хорошо знали и уважали Петра Кузьмича, а Комитет наук МНР в 1924 г. избрал его своим почетным членом. Некоторые сотрудники Козлова после окончания работы экспедиции продолжали, по приглашению Комитета наук, свои исследования природы Монголии и способствовали развитию научных и культурных связей между Советским Союзом и МНР.

¹ Краткий отчет о Монголо-тибетской экспедиции... Северная Монголия, вып. 3, 1928, стр. 41—43.

Кроме того, работы П. К. Козлова в Монголии привлекли внимание советских ученых к этой стране, вызвали поездки сюда археологов, почвоведов, минералогов, геологов, лингвистов и других ученых и способствовали организации Монгольской комиссии, и ныне работающей при Академии наук СССР.

Материалами, привезенными П. К. Козловым из Монголии, больше всего заинтересовались археологи, этнографы, историки, обрабатывшие часть находок из ноинульских курганов. Один из советских ученых, занимавшихся изучением археологических предметов П. К. Козлова — А. Н. Бернштам, пишет, что «находки 1924 г. советской экспедиции под руководством П. К. Козлова в курганах-могильниках Ноин-ула по праву принадлежат к числу наиболее ценных открытий XX века»¹.

В 1947 году появилась специальная статья, освещающая значение археологических сборов П. К. Козлова и работ советских археологов над его материалами, где автор — В. П. Козлов — пишет: «Научная ценность находок П. К. Козлова увеличивается еще и тем, что памятников истории в Центральной Азии открыто очень мало. С археологическими находками П. К. Козлова могут быть сопоставлены лишь орхонские открытия Ядринцева в Монголии и открытые пещеры Дунь-хуана, близкие по времени к Хара-хото, и древности Лоу-лана в Восточном Туркестане, аналогичные ноинульским.

Обработка огромного археологического материала еще далеко не закончена»².

Орнитологические сборы и наблюдения экспедиции обработаны и получили детальное освещение в монографии Е. В. Козловой «Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби» (1930). Сюда вошли также и некоторые физико-географические данные, особенно района озера Орок-нур, где в течение долгого времени работала Е. В. Козлова.

Ботанические наблюдения Н. В. Павлов опубликовал в «Известиях Государственного Географического общества» (1925, т. 57, вып. 1), а затем частично включил в свою работу «Введение в растительный покров Хангайской горной страны»³.

¹ А. Н. Бернштам. Гуньский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение. «Известия» Академии наук СССР, отд. общественных наук, 1937, вып. 4.

² В. П. Козлов. Научное значение археологических находок П. К. Козлова. См. книгу П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото». Географгиз, М., 1947, стр. 9—18.

³ Предварительный отчет ботанической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР, вып. 2, Л., 1929.

Результаты обработки млекопитающих, энтомофауны еще до настоящего времени не опубликованы.

Печальнее всего, что общий отчет об экспедиции так и не успел выйти из-под пера П. К. Козлова. Если обратиться к прошлой деятельности П. К. Козлова как путешественника, то можно заметить замечательное свойство, воспринятое им от Н. М. Пржевальского: возвращаясь из экспедиции, Петр Кузьмич немедленно садился за составление полного отчета. Так было, начиная с участия в работах Тибетской экспедиции Географического общества под руководством М. В. Певцова в 1889—1890 гг. Отдельной большой книгой вышел «Отчет помощника начальника экспедиции» — П. К. Козлова (Центральноазиатская экспедиция РГО под руководством В. И. Роборовского). В этом отношении очень показательна Монголо-камская экспедиция, труды которой были прекрасно изданы Географическим обществом. Два объемистых тома из этих трудов написаны самим П. К. Козловым — уже начальником экспедиции. Наконец Монголо-Сычуанская экспедиция увенчалась опубликованием уже в советское время его известной книги «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото».

Вернувшись в 1926 году из Монголии, П. К. Козлов намерен был написать общий отчет в том же плане, как и предыдущие. Материала для этого было более чем достаточно. Пять книжек (1 099 стр.) личных дневников, специальные дневники по метеорологии, гисометрии, записи по археологии и млекопитающим и многочисленные дневники, журналы, съемки, карты, планы его сотрудников и сотни фотографий давали ему возможность создать большой труд, достойный автора.

Однако обстоятельства не позволили П. К. Козлову довести начатое дело до конца. Сначала задерживала обработка коллекций, привезенных экспедицией и переданных специалистам в Академию истории материальной культуры, Русский музей (Ленинград), Азиатский музей Академии наук СССР (ныне Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде), Зоологический, Геологический и Палеонтологический музеи АН и главный Ботанический сад (ныне Ботанический институт Академии наук) в Ленинграде. Пока обрабатывались коллекции, П. К. Козлов использовал время и опубликовал несколько статей в журналах и выпустил две небольшие книги. Одна из них является записью популярных лекций, мастером которых был путешественник, и носит название: «Три года по Монголии и мертвый город Хара-хото» (М., 1927). Вторая книга представляет предварительный отчет ученого и опубликована Академией наук в 1928 г¹. Обе книги читаются с неослабевающим интересом; они написаны хорошим, простым языком, что вообще было характерно для работ П. К. Козлова.

¹ Мы выше приводили полное название этой работы.

Дальнейшая деятельность путешественника не была столь кипучей, целеустремленной. Сказывался возраст. Время неумолимо отсчитывало годы, завершался седьмой десяток, и уже не было сил поднять большую работу. Так и остался недописанным полный отчет Петра Кузьмича Козлова о его экспедиции в любимую Центральную Азию. Сердце путешественника, выдержавшее заоблачные высоты Тибета и Куэнь-луня, крутые подъемы Кама и Амдо, зной и сухость Лоб-нора и Гоби, бури и морозы Северной Монголии, сдавало под натиском лет.

А ведь еще совсем недавно перед этим Петр Кузьмич писал: «Вчера мне исполнилось 62 года. Какой я уже старик! Счастлив, что, несмотря на свои годы, я еще продолжаю делать свое любимое дело!»¹. И действительно он с юношеским вдохновением молодого человека увлекался своей работой, спартанской простотой и неугомонной энергией поддерживал молодых, неискушенных в трудностях путешествий, сотрудников. «Как много значит подъем духа, страстное желание проникнуть во все детали жизни природы исследуемой страны, вскрыть историю населяющих ее народов... Все эти стремления вливают новые силы, и усталости будто не замечаешь...»².

Окруженный вниманием близких и чувствуя постоянную заботу о себе со стороны советского правительства, ученый живет в деревне под Старой Руссой и все же мечтает о новых путешествиях: «...я не могу представить себе, что можно положить свой страннический посох. Путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях существования. Всегда грезятся мне картины прошлого и неудержимо влекут к себе...»³.

Петру Кузьмичу было уже под 70 лет, когда он хотел отправиться в новое путешествие в Центральный Тянь-шань, куда Украинская Академия наук направляла комплексную экспедицию. Академия наук просила Козлова, как своего действительного члена, возглавить эту экспедицию.

Уже давно Петр Кузьмич мечтал провести старость среди природы, на берегу замечательного тяншанского озера Иссык-куль. Многие связывало его с этими чудесными местами. Здесь в 1885 г. заканчивал свое первое путешествие в Центральную Азию начинающий исследователь Петя Козлов — младший помощник великого путешественника Пржевальского. Отсюда уходил в новый неведомый путь в 1883 году Петр Кузьмич Козлов — помощник замечательного русского географа М. В. Певцова. Здесь, на берегу глубокого Иссык-куля, в 1888 году на руках у Петра Кузьмича умер учитель, наставник и дорогой

¹ См. ниже. Запись в дневниках от 17 октября 1925 г.

² Там же, запись от 24 июля 1926 г.

³ Цитирую из статьи В. П. Козлова «Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова — путешественника, исследователя Центральной Азии». В книге «Монголия и Кам», М., 1947, стр. 22.

друг — Николай Михайлович Пржевальский, указавший Петру Кузьмичу жизненный путь, увлекательный и длинный путь исследователя, путешественника.

На этот раз не исполнились мечты Петра Кузьмича Козлова, он не попал на Иссык-куль... Зимой 1934/1935 года П. К. Козлов серьезно заболел. 26 сентября 1935 года он скончался в Старом Петергофе.

Географическое общество Союза ССР обратилось к жене покойного путешественника Е. В. Козловой с просьбой подготовить к печати дневники его последней экспедиции в Монголию.

Работа над дневниками началась давно, но эвакуация Е. В. Козловой из Ленинграда в Таджикистан в годы Великой Отечественной войны прервала ее труд, который был закончен только в 1948 г.

Дневники — это не систематизированный отчет путешественника, подобный тем, которые публиковал Петр Кузьмич о предыдущих экспедициях. Это полевые записки исследователя, то есть только та основа, которая должна была явиться содержанием новой книги П. К. Козлова. Публикация этих дневников в известной мере заменит ненаписанный отчет и даст новый материал о работах советской экспедиции 1923—1926 гг. в Монголии. Естественно, что дневники очень пестры по содержанию. Сюда заносилось все, что привлекало внимание путешественника: все наблюдения, события, встречи, мысли и даже воспоминания о прошлом.

Экспедиция работала в 1923—26 гг., когда новая Монголия делала только первые шаги революционного переустройства. В 1924 году, после смерти крупнейшего феодала и первого ламы страны — Богдо-гэгэна, — была провозглашена Монгольская Народная Республика. За четверть века Монголия проделала большой и замечательный путь хозяйственного, культурного и политического развития. Монгольский народ покончил с феодализмом, засилием буддийско-ламаистской церкви, освободился от кабалы иностранного торгового и ростовщического капитала. Монголы построили свободное демократическое государство нового типа, добились признания независимости своей родины со стороны Китая, колонией которого Монголия была в течение долгого времени. Естественно, что Монголия, ее столица Улан-Батор, монгольский народ за время революционных преобразований сильно изменились и мало похожи на то, чем были в годы путешествия П. К. Козлова.

По предложению ученого секретаря Географического общества Союза ССР профессора, доктора географических наук С. В. Калесника и с согласия Е. В. Козловой, я принял на себя редакцию этого труда Петра Кузьмича Козлова, посвященного его последней экспедиции. В меру сил своих я постарался выполнить это лестное для меня предложение Гео-

графического общества. Внимательно читая текст рукописи, я заметил, что автор упоминает некоторые монгольские термины, как родные слова, — так близко сроднился с ними путешественник. Однако многие из них могут быть незнакомы даже специалистам-географам. Возникла необходимость в объяснении местных терминов, почему мною и составлен словарь, приложенный в конце книги. Некоторые библиографические ссылки и пояснения я сделал в подстрочных примечаниях; однако они немногочисленны. Пользу окажет и список опубликованных трудов, появившихся в результате обработки материалов Монгольской экспедиции. Список этот составлен Е. В. Козловой и дополнен мною. Дневники Петра Кузьмича иллюстрированы его собственными фотографиями (за исключением одной панорамы, любезно предоставленной С. А. Кондратьевым). Транскрипция географических названий в настоящей работе не подвергалась каким-либо изменениям и исправлениям. Это сделано сознательно. Изменение топонимических форм привело бы к трудностям при сопоставлениях названий, встречающихся в дневниках, с названиями, имеющимися в ранее опубликованных работах П. К. Козлова.

Подобно всем крупным предыдущим работам Петра Кузьмича Козлова, вышедшим в изданиях Русского Географического общества, данный труд преимущественно печатается в «Записках Географического общества Союза ССР».

Следует отметить большой и кропотливый труд Елизаветы Владимировны Козловой по выборке и подготовке к печати дневниковых записей путешественника. Только благодаря ее энергии мы имеем возможность опубликовать эти дневники.

Э. М. Мурзаев.

*Москва
2 февраля 1949 г*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Совет Географического общества Союза ССР поручил мне подготовить к печати дневники последнего путешествия в Монголию (1923—1926 гг.) моего покойного мужа Петра Кузьмича Козлова.

Это путешествие было задумано Петром Кузьмичем еще в 1914 году, но империалистическая война разрушила все его планы накануне их осуществления. Уже снаряженная и готовая к выступлению экспедиция Русского Географического общества в Монголию и Тибет была расформирована. Только через 9 лет, в 1923 году, П. К. Козлову удалось, наконец, осуществить свою мечту. После его личного доклада в Совете Народных Комиссаров о планах и целях экспедиции, поездка была утверждена, отпущены большие средства (100 000 золотых рублей) и наилучшее снаряжение.

Первые полтора года экспедиция работала стационарно в районе города Улан-Батора — в горной системе Кентея и в долине реки Толы. Этот этап деятельности П. К. Козлова и его спутников ознаменовался открытием целого ряда могильных полей в горах Ноин-ула. Раскопки двенадцати древних курганов дали богатейший археологический материал, хранящийся в настоящее время в Государственном Эрмитаже в городе Ленинграде. Погребения, по мнению специалистов, принадлежат вождям племени гуннов и относятся к I веку до нашей эры.

Одновременно с раскопками в Кентее велись сборы зоологических и ботанических коллекций.

Летом 1925 года Козлов закончил работы в районе Улан-Батора, и экспедиция выступила из столицы Монголии в глубь страны, разделившись на две группы. Партия старшего помощника начальника экспедиции — географа С. А. Глаголева — направилась к югу на пересечение Гоби, в горы Ноин-богдо, а затем и на реку Эцзин-гол, чтобы произвести дополнительные раскопки в городе Хара-хото, открытом Козловым в песках пустыни в предыдущее его путешествие 1907—1909 гг.

Партия начальника экспедиции взяла западный курс — в горную систему Хангая, где провела зиму 1925—1926 гг.

Весною 1926 года П. К. Козлов занялся палеонтологическими раскопками на юго-восточной окраине Хангая, в урочище Холт, а выделенная им партия орнитолога экспедиции Е. В. Козловой переместилась к подножию Гобийского Алтая, на озеро Орок-нор, для орнитологических сборов и наблюдений.

Летом 1926 года П. К. Козлов налегке, в сопровождении переводчика и проводника, совершил большую поездку из урочища Холт на озеро Орок-нор, в лагерь Е. В. Козловой, а затем посетил и мертвый город Хара-хото (где работала партия С. А. Глаголева), сделав в один месяц около 1 000 км на верблюде по знойной пустыне.

Обычно в прежние годы после возвращения из экспедиции в Центральную Азию Петр Кузьмич сразу принимался за обработку своих путевых дневников и, дополняя их еще свежими живыми впечатлениями, давал детальное географическое описание посещенных им стран. После путешествия 1923—1926 гг. П. К. Козлов, впервые за свою многолетнюю исследовательскую работу, почувствовал сильную физическую усталость. Здоровье его пошатнулось, и он вскоре заболел тяжелым сердечным недугом, который помешал ему написать труд об его последней экспедиции.

Предлагаемые ныне вниманию читателей дневники могут лишь до некоторой степени восполнить этот пробел.

Е. В. Козлова

Май 1948 г.

ДНЕВНИКИ

1923 — 1926

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ЕЕ РАБОТЫ В РАЙОНЕ УЛАН-БАТОРА

12 июля 1923 г.

Итак, путешествие решено! Я вновь во главе экспедиции Географического общества в Центральную Азию. Конечно, годы мои теперь уже не те, но я еще здоров, бодр и физически крепок, а главное, как говорил мой незабвенный учитель Н. М. Пржевальский, — «опытности много».

Чувствую необыкновенный радостный подъем, я счастлив... Мне кажется, что я сейчас помолодел на два десятка лет. Живу мечтами о предстоящих странствованиях. Больше всего манят меня те районы Тибета, где берет начало Янцзы-цзян. Много интересного ждет нас еще в южных частях нагорья, в крайне размытых, расщепленных ущельях южных склонов тибетских хребтов. Помимо природы, влечет меня к себе и человек — обитатель тибетских пустынь и культурных долин, где бирюзовое небо и яркое солнце превращают страну в цветущий сад. Здесь в долинах можно найти хорошие места для зимовки и в самое суровое время года не прекращать экскурсий в соседних лесах и на альпийских лугах. Только было бы счастье — самый важный союзник, никогда не изменявший мне в экспедициях. Верю в счастье. Хочу непременно в третий и, может быть, в последний раз свидеться с далай-ламой. После экспедиции, если все пройдет удачно, можно будет успокоиться и переселиться на Иссык-куль, в соседство с могилой моего друга и учителя — Николая Михайловича.

Экспедиция снаряжена отлично. Советом Народных Комиссаров отпущено 100 000 золотых рублей на ее осуществление. Мы имеем достаточное количество охотничьих ружей, трехлинейных винтовок, все необходимые астрономические приборы, несколько фотографических аппаратов, плотные, теплые брезентовые палатки, крепкие выючные ящики и сумы, складную брезентовую лодку, портативную чугунную печку для обогрева палатки или юрты, войлоки, бараньи тулупы и многое,

многое другое. Участников пока 21 человек. В Улан-Баторе прибавится еще несколько спутников.

25 июля.

Сегодня покинули Ленинград. Весь наш багаж — около 400 пудов — погружен в отдельный товарный вагон, где по-сменно несут дежурство сотрудники экспедиции. Все спутники вместе со мною едут в классном вагоне.

Вчера, накануне отъезда, в Географическом обществе был устроен чай, собрались друзья и знакомые проводить нас в далекий путь. Был академик А. П. Карпинский, академик В. В. Бартольд, Ю. М. Шокальский, от Ботанического сада — Б. А. Федченко и Н. И. Кузнецов, от Зоологического института Академии наук А. А. Бялыницкий-Бируля и А. П. Семенов-Тянь-Шанский, много членов Географического общества, и в их числе Г. Е. Грумм-Гржимайло. Все выражали искренние пожелания успеха; в общем, речей было много, вечер носил очень приятный, дружественный характер.

15 августа 1923 г.

В серое, дождливое утро мы прибыли в Верхнеудинск (Улан-Удэ) и, оставив железную дорогу, перебрались на берег Селенги в ожидании парохода, который должен был доставить нас в Усть-Кяхту.

Береговые террасы сплошь покрыты зеленью, преимущественно кустарниками; на ближайших горных склонах — лиственничные и сосновые рощи. Над рекой проносятся стаи уток; в вечерней тишине слышали свист мелких куликов. После надоевшего вагона так отрадно дышать ароматным, свежим воздухом!

19 августа.

Несколько дней пути по широкой, мощной реке на хорошо обставленном пароходе были прекрасным отдыхом после суеты и хлопот переправки. В Троицкосавске [Кяхте] экспедиция была встречена председателем местного отделения Географического общества П. С. Михно и моими старыми сотрудниками по прежним путешествиям: П. П. Телешовым, приехавшим нарочно из своей станицы для свидания со мною, и А. У. Бохиным, который работает в Троицкосавске фельдшером. Здесь же явился ко мне и бывший препаратор Зоологического музея — В. А. Гусев — с просьбой принять его в число сотрудников экспедиции.

Встреча с милым «Телешкой» была трогательная. Мы не могли наговориться, воспоминания о прежних совместных странствованиях уносили нас в далекое прошлое.

Город Троицкосавск отвел экспедиции прекрасное помещение в отдельном доме, на окраине, откуда были видны холмы, степи и дальние хребты соседней Монголии.

21 августа.

Сегодня — один из лучших дней моей жизни. Совершенно неожиданно, по собственной инициативе, милый «Телешка» решил отправиться со мною в далекое путешествие. По этому поводу мы все ликуем; у младших сотрудников есть учитель, у нас сохраняются лучшие традиции моего незабвенного Николая Михайловича.

Телешов сразу стал заниматься своим делом по части снаряжения, налаживая выюки. Он будет у меня хозяином каравана и старшим препаратором.

27 августа.

Дни бегут незаметно. Встаем около 5 часов утра, сразу всем отрядом отправляемся за город стрелять из винтовок по мишеням. Я доволен результатами. Одним из лучших стрелков оказался мой самый юный спутник — К. К. Даниленко. Все винтовки уже пристреляны и бьют отлично. Около 8-ми часов сотрудники идут на экскурсии — начали собирать растения, млекопитающих и птиц. Перед отъездом из Троицкосавска сможем отправить первые посылки с зоологическими коллекциями в Академию наук.

14 сентября 1923 г.

За время пребывания в Троицкосавске нами сделано три доклада. В местном отделении Географического общества я сообщил о планах и задачах предстоящей экспедиции. Мой старший помощник С. А. Кондратьев прочел лекцию о генетических связях восточной музыки и о своих предполагаемых работах в области изучения монгольского музыкального творчества. В Народном доме, при большом стечении граждан, я рассказал о результатах моей последней экспедиции и об открытии города Хара-хото.

Получено печальное известие о смерти моего спутника: по двум большим экспедициям в Центральной Азии — В. Ф. Ладыгина. Он скончался 21 августа текущего года в Харбине, в больнице. До последних дней своей жизни мой дорогой друг мечтал о новом путешествии, надеясь поправиться и догнать меня. Вечный покой тебе, хороший, добрый товарищ и чуткий человек! Вениамин Федорович умел любить и понимать природу и, не зная усталости, отдавал все свои силы ее исследованию; глубокое знание китайского языка делало Ладыгина незаменимым помощником во время моих странствований.

Ведем переговоры с переводчиками по доставке груза экспедиции в Улан-Батор. У нас будет около 35 телег.

6 октября 1923 г.

Наконец, весь наш транспорт прибыл в Улан-Батор. Путь в 355 км был совершен в 10 дней. По ночам температура

опускалась до $-3-4^{\circ}\text{C}$, несколько раз начинал идти снег, оставшийся лежать только на горах. Лиственничные леса позолотились, листва берез и осин уже опала. Птицы сбивались в стаи, летели серые гуси и благородные утки разных видов. Между Кяхтой и Улан-Батором мы пересекли несколько горных хребтов, из которых самыми значительными были Манхадай и Тологойту. Горный рельеф изрезан здесь сетью ущелий и широких долин, по которым протекают реки бассейна Селенги: Ибицик, Иро, Байн-гол, Хара и другие. В долинах — везде монгольские стойбища, стада овец и рогатого скота, табуны лошадей.

В Улан-Баторе устроились отлично. Для нас был нанят обширный двор с юртами для спутников и с деревянным сараем для имущества экспедиции. Со двора видна широкая долина, по которой, разбившись на многочисленные рукава, течет река Тола, а за нею, замыкая южный горизонт, вздымается величественный, с мягкими очертаниями массив Богдо-ула, покрытый хвойными лесами.

4 марта 1924 г.

В Улан-Баторе, как оказалось, нам пришлось задержаться на очень продолжительное время. Международная конъюнктура не благоприятствовала научным исследованиям в глубине Монголии, а тем более в Тибете, и мы были вынуждены ограничить свои работы ближайшими окрестностями Улан-Батора. В связи с изменившимся положением в составе экспедиции были произведены необходимые сокращения.

В течение зимы 1923—1924 г. мы периодически совершали небольшие экскурсии на неделю или на 14 дней, километров за 30 вниз или вверх по долине реки Тола или вверх по реке Сельбе — в леса ближайших предгорий Кентея, где собирали млекопитающих и птиц и вели расспросы о памятниках старины.

Несколько раз удалось съездить и подальше в глубь Кентея, километров за 80, в селения Мандал и Сугнур. Познакомившись там с местными охотниками, мы и их вовлекли в свою работу. Особенно большую помощь по части сборов млекопитающих — кабанов, маралов, косуль, кабарги, волков, лисиц, колонков и пр. — нам оказали И. Д. Тугаринов и П. Борисов. Прекрасно зная местность и повадки животных, эти люди давали ценные указания по охоте на зверя и служили лучшими проводниками моим спутникам. В самом Улан-Баторе работа тоже не прекращалась.

Мой помощник — композитор С. А. Кондратьев — с первых же дней приезда в Монголию начал усиленные занятия по изучению монгольской музыки.

По части памятников старины мы в эту зиму узнали немало интересного. В одну из своих поездок вверх по Толе, на

Терельджу, С. А. Кондратьев познакомился с местным бурятом, показавшим ему древнюю пещеру с субурганом, а в другом месте — каменную фигуру, которую впоследствии, по описанию в Ученом комитете МНР, датировали VII веком нашей эры.

Хуторянин И. И. Ежо, которого мы нередко посещали в лесистой пади Баин-булак (по реке Сельба), где устраивались облавы на коз, заинтересованный моими рассказами о раскопках в Хара-хото, также сообщил нам ценные сведения. Иосиф Иоганович припомнил, что здесь же по соседству, в горах Ноин-ула, близ Цзун-модо, когда-то нашли под землей всякие золотые и нефритовые предметы.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в Кентее велась разработка золота, и в одном из заложённых шурфов были обнаружены деревянные постройки с шелковыми обоями на стенах, с коврами на полу; в одном из помещений нашли золотую вазу, которая позднее была поднесена монголами правителю Монголии — богдо-гэгэну, несколько золотых пуговиц, нефритовые мундштуки и прочие мелкие вещи; здесь же лежали человеческие скелеты. Часть вещей, добытых при этих случайных раскопках, попала, по словам Ежо, в Иркутский музей.

По сведениям сотрудников Ученого комитета МНР, в долине Толы, в 120 км к западу от Улан-Батора, среди песчаных барханов, также таятся под землей какие-то древние постройки. Не так давно компания местных жителей, вооружившись ломом и лопатами, самочинно начала раскопки, обнаружившие черепичную кровлю, глиняную посуду и всякую домашнюю утварь. По приказанию монгольского правительства эти раскопки были прекращены.

Как-то в январе ко мне неожиданно зашел учитель из Сайн-нойна, некто Доной-бэйсэ; услышав о том, что я интересуюсь, между прочим, палеонтологией, он принес мне несколько отдельных зубов ископаемых животных и рассказал о их местонахождении.

По его словам, местные жители находят палеонтологический материал преимущественно в двух пунктах Сайн-ноинского хошуна: по обрывам речки Холт, в урочище Хадату, в горах Хотонтэ, а также в районе колодца Хобур, залегающего среди солончаков при устье речки Аргуин-гол.

Из всех этих рассказов и многих других, слышанных мною от разных лиц, самое большое впечатление произвело на меня бесхитростное сообщение И. И. Ежо о шурфах в Цзун-модо. Какое-то чутье подсказывало мне, что необходимо тщательно проверить именно эти данные и что Хэнтэй может быть подарит нас сокровищами, не уступающими моему «Великому субургану» в Хара-хото.

В двадцатых числах февраля 1924 г. я снарядил своего старшего помощника С. А. Кондратьева, с несколькими младшими сотрудниками, в разведывательную экспедицию в горы Ноин-ула, а 1 марта и сам съездил на 2 дня в Цзун-модо. Поездка вышла восхитительной во всех отношениях.

До станка Боротай по тракту Улан-Батор — Кяхта мы следовали на автомобиле полпредства. Везде лежал снег, но, солнце ощутительно притревало, показались кое-где первые ручейки талой воды, дорога почернела. В Боротае мы пересели в тележку и поехали к востоко-юго-востоку по набитой тропе вдоль широкой долины, по которой вскоре поднялись до лесистого ущелья. В его вершине лежало селение Цзун-модо, привольно раскинувшись по одному из отлогих склонов. Сейчас здесь царила тишина; большинство чистых, аккуратных деревянных домиков, построенных когда-то обществом Монголов, стояли заколоченными. В некоторых жили бывшие служащие прииска и в их числе представитель Монголаора — А. А. Кузнецов, оказавший нам позднее большую помощь своим знанием горного дела.

От Цзун-модо мы направились на ближайший перевал по отличной приисковой дороге. Восемь километров мы поднимались около двух часов. На всем пути нас обступал высокоствольный хвойный лес; к могучим соснам кое-где примешивалась лишь береза.

С перевала открывались широкие дали беспредельных лесистых хребтов, расчлененных долинами речек. В одной из падей, известной под названием Суцзуктэ, под самым перевалом стояло несколько приисковых построек, где устроили базу мои разведчики-археологи; ниже, над самым дном долины, в разреженном лесу я увидел разбросанные поодаль друг от друга небольшие возвышения в форме усеченных конусов разных размеров, замаскированных снегом. Это и были курганы; вершина каждой могилы представляла невысокий вал, окружавший центральную воронку. Повидимому, эти памятники старины были когда-то разрыты и потому утратили свою первоначальную естественную форму. На некоторых из них росли высокие сосны, что свидетельствовало о давности раскопок, хищнически производившихся здесь неизвестными искателями кладов.

Трудно было предвидеть результаты предстоящих работ. Будем надеяться, что ограблены лишь предметы, представлявшие очевидную ценность — главным образом золото, а научные сокровища остались нетронутыми. Кроме того, могил много — по приблизительному подсчету более 200 в нескольких соседних друг другу падах — Суцзуктэ, Гуджиртэ и Цзун-рунтэ, — и я рассчитывал, что нам удастся найти хоть один не разрытый курган. Так или иначе, я твердо решил попытаться счастья и начать раскопки.

10 апреля 1924 г.

Двадцать дней назад — 20 марта — С. А. Кондратьев вместе с помощниками выехал на работы. А. А. Кузнецов в Цзунмодо обещал помочь нам найти рабочих — русских или китайцев, — ранее работавших на приисках и знавших технику раскопок шурфов. Мы решили работать наиболее примитивным и дешевым способом, так как было бы легкомысленно бросать сразу большие средства на разработку могил, в ценности

Ландшафт в горах Ноин-ула (Северная Монголия)

которых нет уверенности. Раскопки шурфами должны обойтись сравнительно недорого.

Суцзуктинские курганы делятся на две группы: первая — небольшая, — состоит из 13 крупных могил, во второй Кондратьев насчитал около 50 воронок, среди которых большинство мелких. Работу начали сразу в трех местах: на двух курганах в первой суцзуктинской группе и в долине Цзурунтэ, в старом шурфе, который надо было очистить от засыпавшей его земли и всяческого мусора. Вести раскопки ранней весной довольно затруднительно. Сначала приходится откапывать курган из-под снега, потом ежедневно раскладывать костры, чтобы несколько оттаять мерзлую почву. В день рабочим китайцам удавалось снять слой земли не более 1 м глубиной. На глубине 1½—2 м открылась талая, вязкая, глинистая

почва; в верхнем суцзуктинском кургане на шестом метре в изобилии начали попадаться кусочки древесного угля, на седьмом метре обнаружили первую находку — сломанные удила, а немного глубже — маленькое медное колесо, диаметром в 10,6 см; на глубине 10,4 м наткнулись на поставленное вкось бревно. Между тем через стенки шурфа стала просачиваться вода. Во избежание обвалов, поставили крепи в виде сруба. В старом Баллодовском шурфе на глубине 5 м все еще продолжали отбрасывать лед, а на шестом метре показалась вода, которую в течение нескольких дней откачивали пожарной машиной. На девятом метре обнаружилась, наконец, погребальная постройка. Крыша ее была в 130 см высотой и состояла из целого ряда слоев земли и бревен, перемежавшихся друг с другом. Получая частые донесения о ходе работ от своего старшего помощника С. А. Кондратьева, я почувствовал, что не могу больше сидеть в Улан-Баторе. Мне необходимо навестить своих археологов и самому осмотреть шурфы. Решил сначала проехать в Сугнур, оставить там для зоологических сборов Елизавету Владимировну, а самому направиться в Суцзуктэ, на курганы.

11 апреля.

Сегодня мы с Е. В. Козловой выехали из Улан-Батора. Массив Богдо-ула был еще скован сплошным снежным покровом; навстречу нам дул пронизывающий ветер, а через некоторое время началась пурга. Дорога оказалась очень трудной. Свежевыпавший снег облепил колеса, лошади едва тащились по ухабам. Кругом ничего нельзя было рассмотреть. Мы двигались местами со скоростью 1—2 км в час. К вечеру едва добрались до грека, державшего нечто вроде заезжего двора; здесь мы переночевали. На утро буря продолжалась. Метель слепила глаза, лошади при подъеме в гору рвали постромки. Промучившись немного, решили остановиться в Санзайхэ и переждать непогоду. К вечеру выступило несколько подвод гуськом, поочередно прокладывая дорогу. Так, общими усилиями удалось, наконец, взобраться на перевал Халцзан, за которым открылись долины, почти лишенные снега. Здесь можно было ехать рысью, и мы сравнительно скоро увидели селение Мандал, где нам предстоял удобный, теплый ночлег в гостеприимном доме нашего знакомого Воробьева.

13 апреля.

Дневали в селении Мандал. Утро рассвело холодное и ясное; вскоре запели полевые жаворонки; около девяти часов протянула стая серых гусей. В долине речки Мандал заметил чибисов (*Vanellus vanellus*), стайку даурских галок (*Coloeus dauricus*) и изредка видел маленьких сокольников *Tinnunculus*;

в предгорьях пели чеканы-плешанки (*Oenanthe pleshanka*). На болотах лежал еще основательный лед.

14 апреля.

Ранним, полуясным, снежным утром нас доставили в маленькое селение Сугнур, в котором было всего 5 домов; по дороге мы пересекли широкую долину с речкой Баин-гол, верховья которой залегают в горных лесах. В Сугнуре нас ожидал охотник И. Д. Тугаринов, много работавший для нашей экспедиции по доставке зоологических материалов. Он уступил нам свою маленькую хатку и поднес на новоселье только что добытого ястреба-тетеревятника (*Astur gentilis*). Сосед — охотник Павел Борисов — принес белку. В долине реки Сугнур видел несколько пролетных степных орлов и белохвостых орланов. Из нашего селения хорошо были видны Сугнурские голыцы, еще покрытые снегом, блестящим на солнце. В верхней и средней зоне темнели кедровники и лиственничники, по узким падам — небольшие ельнички, а в нижнем поясе и в речной уреме господствовали береза, осина, черемуха, яблоня. Местами зеленели яркие пятна лугов. Речка премела, неся свои воды по каменистому ложу. Высокие скалы подходили в средней части долины к самой воде.

По словам охотников, в сугнурских лесах водятся изюбри, косули, кабарга, а также медведь, волк, лисица, рысь, колонок и другие. Очень обыкновенны летяга и белка; в верховьях речки есть соболь, которого ежегодно промышляют. В предгорьях много тарбаганов, в долине есть тушканчики. Из рыб мне называли только ленка, хариуса, налима и усача.

15 апреля.

Снова снег и ветер. В бурном холодном воздухе парят пара серых журавлей (*Grus grus*) и несколько степных орлов. Пронесются красные утки, гуси. Снежная крупа прикрыла зеленую траву. Речка еще не везде освободилась от льда.

16 апреля.

Наблюдал первого рыжегорлого дрозда (*Turdus ruficollis*), первую муху — блестянку — и первого жука — дровосека. Видел также чекана (*Oenanthe oenanthe*). У серых журавлей начались любовные игры. Добыто несколько пролетных гуменников (*Melanopus fabalis*). Вечером появилась большая стая этих гусей, которая направилась сначала вверх по Сугнuru, но затем повернула к западо-северо-западу, в сторону долины реки Хара.

17 апреля.

Ездил в долину реки Мандал, где наблюдал стайку кормившихся дроф (*Otis tarda*); на болоте держались чибисы;

вдали темнели полосы сидевших по лугам серых гусей; объявились грачи. Чаще других хищников встречались степные орлы.

18 апреля.

Пролетных гуменников очень много. По утрам слышно пение тетеревей по луговым увалам. На заре часто кричит в скалах филин. К вечеру начал падать мокрый снег, покрывший землю на 2 см.

19 апреля.

Мокрый снег продолжался весь день. Из вновь прибывших птиц отметил серую цаплю (*Ardea cinerea*) и серебристую чайку (*Larus argentatus*).

23 апреля.

Четыре дня длилась непогода. Иногда свирепый ветер с севера достигал напряжения бури; холодно, снег покрыл землю на 5 см. По ночам разъясневало, и при лунном свете странно было видеть в весеннюю пору совсем белые, молчаливые горы. Сегодня направился в Суцзуктэ. В долине Мандала пели жаворонки, несмотря на снег и холод. В предгорьях токовали тетерева. На болотах видел много гусей гуменников. Сухоносы (*Cygnopsis*) встречались редко и держались в стороне маленькими обществами. Добыли самку дрофы и серебристую чайку. Остались ночевать в Мандале, чтобы на утро следовать дальше.

24 апреля.

Решили ехать верхом, с одной выючной лошадей. Сначала вышли на большую дорогу, свернули с нее на запад по долине Хунцал, а затем на север — вверх по Цзурунтэ. Здесь в лесах было много снега; вверх уходили величественные горы с острыми гребнями; с перевалов виднелись все удалявшиеся от нас сугнурские гольцы. В сухой части Цзурунтэ отметил пару беркутов (*Aquila chrysaetus*), на болоте — двух чибисов, а повыше — пустельгу. На оголенных горных скатах резвились суслики, выскакивали из россыпей и грелись на солнце скалистые пищухи.

В верховьях Цзурунтэ подъем был довольно крутой, ущелье каменистое. Вблизи перевала, к западу от дороги, залегала группа курганов. Один из них, стоявший несколько особняком на доминирующей высоте, окруженной соснами, был только недавно обнаружен и назван «Андреевским». В общей группе могил находился так называемый Баллодовский шурф, где работали наши китайцы. Заглянув мимоходом на работы, мы направились в лагерь на Суцзуктэ.

Мои археологи очень удобно устроились в приисковом домике и вполне обжились. Работа налажена хорошо, время каждого сотрудника распределено целесообразно. Кроме на-

блюдений за раскопками, они ежедневно еще до зари отправляются зверовать: надо пополнять запасы продовольствия вкусным козым мясом; ходят на экскурсии за птицами, учатся у препараторов набивке шкурок, ведут метеорологические наблюдения, а по вечерам успевают не только записывать все необходимые данные в дневники, но еще и занимаются интересным чтением. С. А. Кондратьев прекрасно справляется

Домик в Суцзуктэ, где жили сотрудники экспедиции

с организацией всех разнообразных работ и пользуется большим авторитетом у своих младших товарищей.

25 апреля.

Облачно, идет мокрый снег. По обрывам и ложбинам снеговой покров достигает двух и более метров толщины. Ходили осматривать верхний курган; я спустился на дно шурфа, достигающего более 10 м глубины; там сыро, холодно, сочится вода, временами обваливаются комки земли и камни. На глубине около 30 см ломом нащупывается сплошной деревянный настил — крыша погребальной постройки. Посоветовавшись с сотрудниками и с милейшим, опытным в этих делах, А. А. Кузнецовым, я дал соответствующие указания и наставления Кондратьеву и был рад снова вернуться на воздух, в лес. Там господствовала тишина. Молчаливо стояли вокруг

меня сосны, невдалеке тихо журчал ручеек, со всех сторон обступали горы. Птиц не было слышно.

26 апреля.

Отправился в Цзун-модо к Кузнецову. По дороге остановился на перевале и долго любовался панорамой. На востоке вздымался хребет Манхадай, в гольцовой зоне которого сплошь залегали снега. К югу виднелся Тологойту — с более мягкими лесистыми склонами. Всюду кругом горы, сплетаясь между собой своими отрогами, образовывали бесчисленные ущелья. У нашего лагеря видели первую крапивницу и довольно много мух. На южных склонах начинают появляться проталины.

27 апреля.

Вечером в Цзун-модо стояли с Кузнецовым на тяге, но вальдшнепов не оказалось. Все же приятно было побыть в тишине в лесу, наблюдать, как погасает день, загорается заря и вспыхивают звезды, слышать, как поют дрозды, овсянки, как токуют бекасы, кричат кулички и гогочут гуси.

29 апреля.

Вновь посетил Суцзуктэ, на пути в Сугнур. В верхнем шурфе докопались до угла крыши погребальной постройки. Китайцы рабочие привезли из Цзун-модо пожарную машину и усиленно выкачивают воду; самый склеп, повидимому, полон воды. После обеда за мною прибыли лошади из Мандала. Распростившись с сотрудниками и взяв с собой ящик орнитологических коллекций, собранных в Суцзуктэ, я отправился в путь. За перевалом Цзурунтэ сразу стало теплее. Снег в этих местах значительно стаял. В одном месте увидел пожар: ярко пылали пышные желтые прошлогодние травы. Нам с моим возчиком удалось затоптать огонь. В долине реки Мандал застал многочисленных пролетных птиц.

30 апреля.

На скате к ущелью Байн-гол, вблизи дороги, заметил степного орла, сидевшего у кочки, поросшей камышом. Хищник подпустил нашу телегу в меру выстрела, и я его добыл. Экземпляр оказался прекрасным, но с одной лапой. Другая была, очевидно, когда-то оторвана капканом или отбита выстрелом.

Дома не все благополучно. Елизавета Владимировна прихворнула. Оказывается, несколько дней тому назад, переходя речку по перекладине, она оступилась и упала, погрузившись в ледяную воду выше пояса. Так как на реке были порядочные ледяные забереги, а в руках у Елизаветы Владимировны — ружье и бинокль, то выбраться было не так легко,

на это потребовалось известное время. Без меня в Сугнуре был добыт целый ряд хороших птиц, коллекция пополняется!

1 мая 1924 г.

Сегодня Елизавета Владимировна возвратилась с экскурсии с дрофой и серым журавлем, добытыми в низовьях Сугнура в степи. Весь день было ясно и холодно; вечер облачный, теплый, такая же ночь.

2 мая.

С утра моросил дождь. Тетерева токовали на ближайших холмах часов до 10-ти. Около полудня показалось солнце и стало ощутительно пригревать. Снег в лесу тает, горные ручьи бушуют.

3 мая.

Утро облачное. В еловом лесочке-впервые за эту весну наблюдали горихвостку (*Phoenicurus aureus*). Внизу, у сухих глинистых каменистых оврагов видел компанию удонов (Урира ерорс), которые громко кричали и вели себя очень оживленно. Ниже по долине Сугнура встретил пустельгу, речную скопу (*Pandion haliaetus*), серебристую чайку, степного орла, стайку больших крошкеедов (*Numenius arquatus*) и несколько дроф. Одного петуха добыл. Погода испортилась, подул сильный северо-западный ветер, пошел мокрый снег. Удалось убить в непогоду серого гуся и черного аиста (*Ciconia nigra*). По южным склонам гор распустились лиловые цветы (*Pulsatilla patens*), которые так любят лесные косули. Подле ближайшего стойбища, в логу, на скате лежал труп монгола, прикрытый белой тряпкой.

Вечером ясно, яркие звезды.

5 мая.

Утро облачное. На соседнем поле опустилась стая гусей (*Anser anser*). Они ходят, кормятся, не обращая внимания на прохожих. То и дело принимается идти снег. На берегу реки в стайке рыжегорлых дроздов попался одиночный *Turdus fuscatus*.

6 мая.

Небо в слоистых облаках, сквозь которые кое-где видны полоски синей лазури. На вершинах гор серебрится снег. Ко мне заходили две бедные монголки — мать и двенадцатилетняя дочь. Они просили подаяния. Вечером, в полной темноте, далеко вверх по ущелью, в лесу наблюдали пожар. Яркое пламя, как гигантский красный цветок, обозначилось на темном фоне леса. Обильный мокрый снег вскоре погасил огонь.

7 мая.

Все вокруг укрыто снегом. Облачно. В ближайшей пади волк сегодня ночью задавил жорнову. Наш охотник Борисов

ходил сторожить на падали, видел волка, но не добыл. Зимой волки заходят во дворы поселян и похищают скот.

8 мая.

Долина Сугнура зеленеет. Над зоной кедровников, на гольцах сплошь лежит снег. По словам местных жителей, он стаивает лишь на 2 летних месяца. Ночь облачная, тихая и темная.

9 мая.

Снова облачно. С реки Сугнур раздается грохот мощных льдин, надвигающихся друг на друга и временами падающих в воду. Мы с Елизаветой Владимировной собираемся в Суцзуктэ к археологам. При выезде начался снег при сильном северо-западном ветре.

10 мая.

Едем по снегу. В горах пасутся табуны лошадей, по отлогим скатам, ближе к речкам — рогатый скот. Бараны сбились около юрт, поставленных вокруг. Повыше, в долине Цзурунтэ мы следили за дрофами, на которых я охотился, но неудачно.

Наконец — знакомый лес, перевал Цзурунтэ и по другую сторону его — встреча с сотрудниками, работающими на курганах. Они нас радуют сообщениями об интересных богатых находках в главном кургане на Суцзуктэ. Через полчаса мы уже — в нашем симпатичном лагере, на берегу горного ручья, среди соснового леса. Сегодня я только внимательно выслушал доклад С. А. Кондратьева, ознакомился с пояснительным чертежом раскопок. Шурф, оказывается, вывел на крышу южного коридора погребальной помещения.

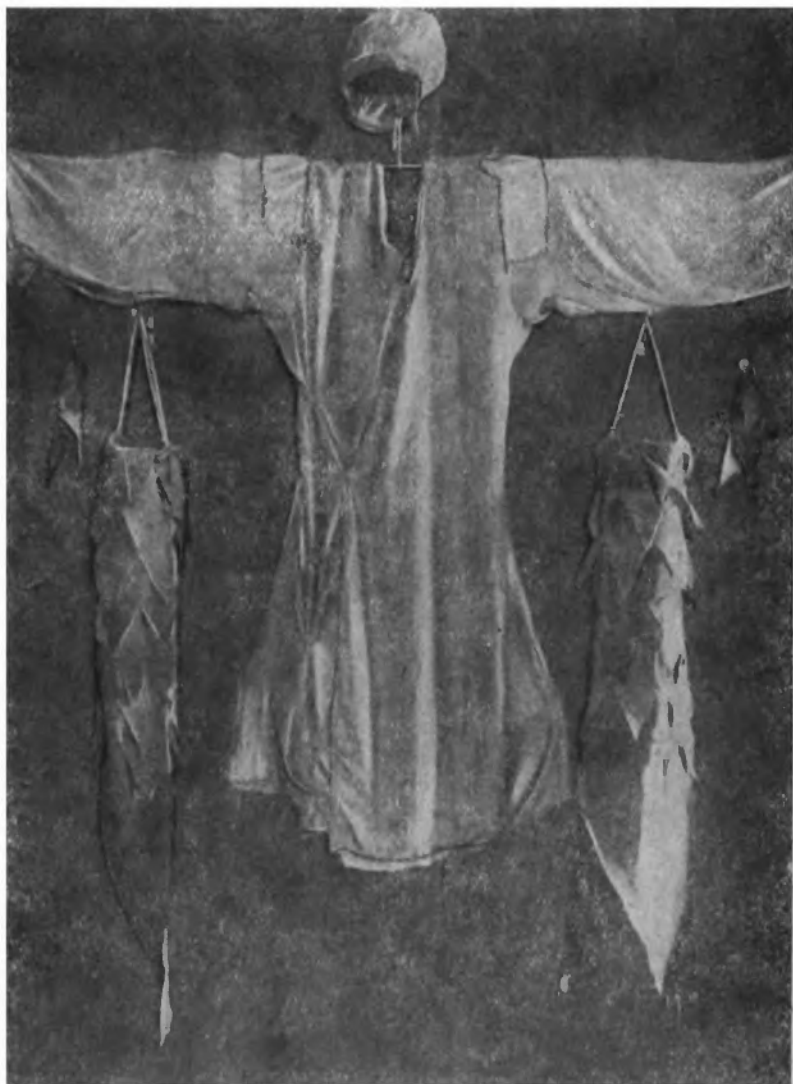
Чудный, ясный звездный вечер.

11 мая.

Небо облачное. Слышится песнь горихвостки. Подле лагеря часто пролетают пустельги. Их желудки полны недавно появившимися зелеными ящерицами. К вечеру на сухом южном каменистом склоне вспугнул вальдшнеп.

Сегодня много говорили с Кондратьевым о раскопках. Сделано очень много. Нами найдены художественные шелковые ткани, шерстяные вышивки, бронза, керамика, деревянные и каменные изделия, волосы, заплетенные в косы, седла и многое другое. Все в сумме представляет большой интерес. Самым ценным кажется мне большой шерстяной ковер, оббитый по краям шелком. На нем изображены животные и древнее китайское письмо.

Мы подошли к погребальной камере с юго-запада. К сожалению, гроб был найден открытым. Массивная крышка его была прислонена к восточной стене помещения.

Из раскопок Ноинкульских курганов

Я решил дать С. А. Кондратьеву командировку в Улан-Батор. Он уже более двух месяцев безвыездно работал на Суцзуктэ, и в городе накопилось много дел.

12 мая.

Ранним утром, в 3 часа 30 минут, Кондратьев отправился в путь пешком, налегке.

Обычно все сотрудники встают около 6—7 часов утра, в 7 часов — первые метеорологические наблюдения. Здесь, кроме двух термометров (обыкновенного и минимального), имеется анероид. Археологическая группа, кроме своего прямого задания, продолжает собирать растения, птиц и зверей. Все делается очень тщательно и умело. Для более обстоятельных сборов насекомых я вызвал из Улан-Батора еще одного сотрудника.

С отъездом Кондратьева все руководство раскопками в Суцзуктэ легло на меня. Вместе со всеми извлекал из кургана различные предметы, приводил в систему записи и планы, а потом укладывал находки в ящики. Сейчас работы сосредоточены в западном углу коридора, который почти целиком очищен. Вынут из него и ценнейший ковер. Между прочим, найдены длинные довольно прозрачные камни и очень любопытный деревянный сосуд с пробкой, покрытый буроватым лаком.

Извлечено также множество кос, исключительно из черных волос. Некоторые косы уложены в специальные шелковые футляры с нашитыми на них украшениями. Одна коса оказалась вместе со скальпом. Она перевязана двумя красными шелковыми шнурками — по середине и на конце. Вновь стали попадаться шелковые ткани и узорчатые вышивки, шелковый широкий китайский халат, с юбольшей оторочкой, на ватной подкладке. Много деревянных изделий, имеется и первобытное деревянное орудие для добывания огня.

На ковре мы рассмотрели изображение лося, хищника, напоминающего тигра, и буйвола. На спине у бегущего лося сидит крылатая рысь, впившаяся зубами в спину сохатого. На матерчатой вышивке интересны изображения стрелка с копьем и стрелой и огромной птицы со змеею в клюве¹.

Наряду с главными работами в верхнем кургане Суцзуктэ, у нас продолжались работы на Баллодовском кургане. Там погребальная комната имела размеры 4×2 м. В коридорах, кроме илистого песка, ничего не было, под капитальным полом — также. Баллодовский шурф помог нам ориентироваться при наших последующих работах на новых курганах.

¹ Предметы, добытые в Ноинкульских курганах, относятся к I веку до нашей эры.

Облачно, свежо, температура воздуха $0,5^{\circ}\text{C}$. В 7 часов начал падать снег. Мимо нашего крыльца быстро пробежал под гору рабочий китаец с полуторапудовым мешком муки за спиною. Он нес его за 8 км, из Цзун-модо, причем 7 км надо было идти в гору. Все наши китайцы — очень хорошие рабочие. Относятся к делу добросовестно, никогда не ссорятся между собою, и с ними у нас не бывает никаких недоразумений.

Деталь подгробного ковра из Нойнульских курганов

Прибыл А. А. Кузнецов, усердно помогающий нам в организации земляных работ. Сейчас мы нуждаемся в его советах по двум вопросам. Во-первых, нам не удастся справиться с водою, заливающей погребальное помещение, а, во-вторых, следует основательно укрепить потолок в погребальной камере, прежде чем начать ее очистку. План крепежных работ надо разработать совместно. Обстановка внутри кургана такова: западный коридор сильно загроможден развалившимися бревнами западной стены; в восточной стене погребальной камеры, вверху ее, имеется узкое отверстие, в которое может с трудом протиснуться человек. Одному из моих помощников удалось проползти в помещение, где он, стоя в воде выше щиколотки, зажег свечу и показал мне внутренний вид камеры с пробом. Все кругом было мокро и покрыто липкой грязью, вода каплет сверху, временами осыпается земля.

Южный коридор, — наиболее доступный и очищенный нами от археологических материалов, казался более пригодным и для последующих работ. Мы рассчитывали, что нам удастся пробить брешь в южной более прочной стене камеры (в ней уже было когда-то сделано окно — вверх у потолочной перекладки; вероятно, это был грабительский ход), проникнуть внутрь, сделать подпорки в более опасных местах и начать выемку земли и песка, пропитанных водою и наполненных неведомыми пока сокровищами.

А. А. Кузнецов вполне одобрил наши планы и дал ценные советы.

14 мая.

Проснулись среди зимнего пейзажа. Все кругом покрыто снегом. Утром мы спустились в шурф, начали ставить подпорки и откачивать воду. Южную стену прорубили, а постепенно и совсем вынули из нее бревно, когда в достаточной мере укрепили столбами крышу погребальной камеры. Теперь подход ко гробу стал совершенно свободный. Из водянистой илистой грязи непрерывно извлекаются археологические объекты. Под гробом оказались поперечные подставки, а под ними — большой ковер такого же типа и с таким же рисунком, как тот, что был вынут из южного коридора.

15 мая.

Ночь и утро превосходны. Тихо, ясно, довольно тепло. Среди дня появились первые шмели на согретой поверхности земли, у ручейка. Летали бабочки — крапивницы. Воздух полон жужжанием насекомых. Я сегодня не пошел на курган, занимался писанием отчета. К вечеру спутники принесли кости покойника, с остатками мышц, костюм, четыре полуотделанных прозрачных камня, обрывок ковра. Все это было извлечено из юго-западного угла погребальной камеры верхнего кургана на Суцзуктэ. Работы на Цзурунтэ в Баллодовском кургане решили прекратить, так как археологических материалов там не было.

Вечером беседовал со спутниками и с рабочими китайцами о наших достижениях. Все мы сетуем на то, что во всех курганах побывали до нас грабители, которые не только произвели большие опустошения, несомненно похитив ценности, но и нарушили весь порядок в погребальной камере. Раскрыли тробы, отбросили в сторону их крышки, вынули скелеты погребенных людей и разбросали одежды и всю утварь.

Наши рабочие прониклись интересом к находкам, но жалуют огромных затрат, которые приходится делать на разработку уже «отрабленных» могил. «Надо поискать могилу-курган без воронки посередине», — говорили они, — «мы найдем человека, который укажет нам нетронутый курган». Впослед-

ствии оказалось, что китайцы имели в виду монгольскую могилу при устье долины Суцзуктэ, у подножья гор...

16 мая.

Опять солнечное утро. Долго любовался с нашего крыльца ближайшими сосновыми лесами, впивая свежий, ароматный воздух, уносился воспоминаниями в прошлое, в хребты Наньшаня, Куку-нора и Тибета. Неужели никогда больше не удастся побывать на далеком юге, посетить еще неисследованные истоки Голубой реки?..

Во вторую половину дня отправился на раскопки. В погребальной камере попрежнему везде сочится вода, падают камни, грязь невозможная, тяжелый, сырой воздух. Все держится только на наших подпорках. Последив за работой, пошел в падь Цзурунтэ на осмотр курганов, расположенных в соседстве Баллодовского. Меня повел один из наших рабочих, китаец Чен-фа, и указал на очень большой курган с глубокой воронкой, наполненной грязной водой. Этот курган лет десять тому назад был раскопан. В отваленной по сторонам его земле виднелись кости, клочки материи, керамика, осколки китайского фарфора и блески золота. Мы с Чен-фа стали собирать все эти предметы и пробыли на кургане до вечера. Подле нас, в лесу, сильно кричал гуран (самец лесной косули), пара сарычей (*Buteo buteo*) играли высоко в воздухе, куковала кукушка.

Вечером обсуждали вопрос, как скорее справиться с водой, которая все прибывает в верхнем Суцзуктинском кургане. Решили поставить пожарную машину и отрядить специальных рабочих для непрерывного откачивания воды в течение всего времени работ.

17 мая.

В 3 часа утра пошел на глухариный ток. Было облачно, темно. Вблизи перекликались ушастые лесные совы (*Asio otus*). Кричали гураны. По тропе мы поднялись в гору, покрытую смешанным лесом. Токовало 3 глухаря (*Tetrao parvirostris*). Слышалось быстрое щелканье, похожее на звук кастаньет. Птицы сидели на ветвях тонкоствольных берез, в полдеревя, на расстоянии 60—70 шагов одна от другой. После первого выстрела оставшиеся глухари переместились на вершины высоких сосен. Здесьний скалистый длиннохвостый глухарь менее осторожен, чем наш европейский, и подходить к нему легче. Следует приближаться быстрыми шагами во время щелканья и останавливаться, если птица замолкает. Мне удалось подойти к глухарю на 20 шагов. Добыча его доставила мне большое удовольствие. Вес местного глухаря от 3 до 4 кг.

К восьми часам утра я был уже дома. Вскоре приехал А. А. Кузнецов с двумя глухарями, которых он привез нам

в коллекцию. Ночью прошла настоящая гроза, на утренней заре был дождь.

18 мая.

Сегодня устроили праздничный день. Китайцы топили баню, мылись, стригли и брили друг друга. Выкачивание воды из шурфа все же не прерывалось, иначе на завтра нельзя было бы работать. Во вторую половину дня занялся препарировкой своего глухаря.

19 мая.

Из верхнего кургана на Судзуктэ начали извлекать гроб. Оказалось невозможным вынести через шурф целые, нераспиленные доски гроба, ввиду их величины и тяжести. С тяжелым чувством пришлось решиться на их распиловку. На одной из досок крышки гроба были обнаружены остатки золотых украшений и обрывки шелковой ткани. Очевидно вся крышка была покрыта шелком с художественным орнаментом. Снова стали попадаться волосы и керамика. Вода попрежнему мешает работам, несмотря на усиленное откачивание пожарной машиной. Очень боюсь, чтобы не рухнула вся постройка, несмотря на наши крепы.

Каждый раз, поднимаясь из погребальной камеры на поверхность земли, испытываю большое облегчение: так отрадно после темноты, холода и мокроты очутиться на солнце, под открытым небом, и слышать птичьи голоса.

Во вторую половину дня из Улан-Батора прибыл Кондратьев. Он привез почту, продукты и московские сплетни. Будто бы в Москве считают, что весь уклад нашей экспедиции недостаточно современен.

Уклад наш спартанский, дисциплина строгая. Сам я беззаветно люблю природу Центральной Азии и стремлюсь к ее исследованию. Тому же стараюсь научить спутников. Стремления и цели наши ясны: исследовать природу и памятники старины, высоко держать знамя науки и престиж Родины. По маленькой горсточке русских путешественников, по их поведению и деятельности здесь, на чужбине, местное население судит о всем нашем великом народе. Это всегда нужно помнить.

20 мая.

В верхнем кургане обвалился потолок. С большим трудом удалось извлечь последние находки и часть гроба: две листовичные доски гробовой крышки. Вынули также часть ковра из-под гроба. Этот ковер аналогичен тому, который был найден в южном коридоре.

Мы с Кондратьевым совершили обход и обстоятельный осмотр всех курганов. Они сейчас все зарегистрированы, измерены и нанесены на карту под определенными номерами. Решили продолжать раскопки нижнего кургана и начать раз-

работку одиночного Андреевского кургана на восточном скате Цзурунтэ. Между делом надо попытать счастья в раскопках самых маленьких курганов.

Из прочих могил, по моему мнению, заслуживает внимания так называемый «Кондратьевский» курган — первый в лесу, через ручей на юго-запад, в группе Цзурунтэ. Он большой, с глубокой воронкой, наполненной водой. По краям воронки — резко выраженный каменный вал.

21 мая.

С ночи — крепкий ветер с северо-северо-востока, на утро — сплошной туман. Весь день — холодно, не более 3° С. Барометр повышается. Приступили к работам на Цзурунтэ; в Суцзуктэ продолжаем вскрывать нижний курган. Разработка его была начата одновременно с верхним, оказавшимся столь добычливым. Впоследствии этот верхний курган потребовал стольких усилий и трудов, что раскопки нижней могилы были приостановлены.

Я поручил К. К. Даниленко специально заняться сбором насекомых на Суцзуктэ. По вечерам он очень хорошо помогает подбирать и составлять осколки керамики из «Монгольского» кургана.

Сегодня впервые слышал оригинальный крик глухой кукушки (*Cuculus optatus*). А. А. Кузнецов сообщил, что наблюдал тягу вальдшнепов. Он же привез нам известие о смерти богдо-гэгэна Чжэб-цзун-дамба хутухты. Для всех ясно, что этот хутухта был последним в Монголии. Еще при его жизни все было подготовлено к провозглашению республики в Монголии.

22 мая.

К нам на Суцзуктэ заехал китаец В. В. Смирнов. Это — хорошо грамотный человек, давно живущий в Монголии и в значительной мере обрусевший. Он очень интересовался нашими археологическими изысканиями и, рассматривая извлеченные из курганов ткани и другие предметы, старался прочесть отдельные китайские иероглифы, что ему удалось лишь в немногих случаях.

Среди керамики обнаружены черные черепки какого-то сосуда с печатью на дне.

Наступила прекрасная погода: тихо, ясно; в лесу и по южным скатам гор много цветов. Токуют тетерева, поют мелкие птицы — настоящая весна. Холодов больше не будет.

24 мая.

Ходил в Цзун-модо с Кузнецовым. Там больше заметны распускающиеся березы, и все горные скаты розовеют от цветущего рододендрона.

По возвращении на Суцзуктэ увидел убитую самку изюбря. Шкура и череп были уже отпрепарированы. Охотник с

увлечением рассказал, как ему удалось выследить трех изюб-рей в урочище Бальджа. Среди них два зверя показались ему меньших размеров, — возможно, это были прошлогодние молодые. Отличного вкусного мяса оказалось 64 кг.

26 мая.

Вечером был на глухарином току. Сначала услышал, как прилетело несколько самок. Солнце стало уже спускаться за ближайший хребет. В сумерках появились два самца глухаря и с шумом уселись на деревья. Щелканье началось через 20 минут после прилета птиц. Глухари токовали очень оживленно, их трели иногда сливались, иногда расходились. Когда почти совсем стемнело, я отправился домой. Пришлось вспугнуть великолепных птиц, но они перелетели недалеко, и, спускаясь с горы, я долгое время продолжал слышать их возобновившееся «пение».

28 мая.

Погода попрежнему превосходная. В 7 часов утра было 17° С тепла. Жаль только, что последнюю неделю воздух омрачен дымом отдаленного лесного пожара. Мы с Елизаветой Владимировной собираемся в Сугнур. Написал небольшой отчет в Главнауку и Ю. М. Шокальскому — в Географическое общество.

На курганах работы продолжают: шурф Андреевского кургана углубили уже на 4 м, нижний — в суцзуктинской группе — на 6 м. Последний наполнен водой. Каждую ночь смена рабочих откачивает ее пожарной машиной.

30 мая.

Вчера прибыли в Сугнур. Здесь в открытой долине речки около домов реют и щебечут даурские ласточки (*Hirundo daurica*), прилетевшие с неделю тому назад. Вечером наблюдали летучих мышей.

Вода в Сугнуре высокая, это значит, что на гольцах стали усиленно таять снега. Рыболовы успешно вылавливают ленков и хариусов. Урема вся зазеленела. Много кустов цветущей черемухи, кое-где по склонам цветет и дикий персик. По вечерам и утрам еще холодно, а днем жарко, и воздух полон жужжания насекомых.

3 июня 1924 г.

В коллекцию добыта первая змея, а также лягушка и жаба. Завтра собираюсь в Улан-Батор, везу с собой два ящика птиц и столько же археологических коллекций.

5—21 июня.

Эти дни пробыл в Улан-Баторе. Показывал востоковедам — ученикам С. Ф. Ольденбурга — материалы, добытые из курганов. Все выражали большое восхищение. Несколько раз имел деловые разговоры с политкомом экспедиции — полпре-

дом А. Н. Васильевым. С ним же вместе съездили на два дня в Суцзуктэ, где А. Н. подробно ознакомился с нашими археологическими работами.

За последние две недели никаких особых достижений у археологов не было. На нижнем кургане в Суцзуктэ прекратили раскопки из-за сильного напора подпочвенных вод. На кургане Цзурунтэ, на глубине около 8 м, наткнулись на каменную плиту, которую приходится обходить боковыми штреками. Над этой плитой находился сильно сгнивший деревянный настил, на котором был обнаружен целый ряд предметов, поступивших в коллекцию. В конце мая в Суцзуктэ температура воздуха доходила до 24,5° С, а 7 июня выпал снег, и несколько дней держалась ненастная холодная погода, так что работать на кургане было невозможно.

В Улан-Баторе удалось сдать в Полпредство СССР 4 ящика коллекций для отправки в Ленинград. В двадцатых числах июня снарядил и отправил большую экскурсию в Хангай ботаника Н. В. Павлова. Павлов должен обследовать верховья Орхона и Байдарика, а также спуститься в озерную котловину, к озеру Цаган-нор.

21 июня.

С большой радостью простился с пыльным городом и в 6 часов утра выехал обратно в Сугнур, где Елизавета Владимировна во время моего отсутствия непрерывно вела орнитологические сборы и наблюдения.

Урочище Сугнур, избранное нами для стационарных зоологических работ, очень привлекательно по своему ландшафту. В верховьях речки, на востоке, высятся гольцы. Северные склоны широкого ущелья покрыты лиственничными лесами, южные — круто обрываются к руслу скалистыми выходами. На более отлогих местах лепятся кустарники. По дну ущелья пышно разрослась урема, прерываемая кое-где лужайками, покрытыми сейчас коврами цветов. Прозрачная речка Сугнур берет начало на склонах самых высоких гольцов Кентейских гор. Она бежит по галечному руслу. Глубина в местах бродов небольшая — до 0,5 м. По выходе в степную долину Сугнур сливается с рекой Мандал и, повернув на север, дает начало реке Хара. В своей нижней части Сугнурская падь становится широкой, рельеф приобретает мягкие очертания. Здесь расположено несколько домов русского поселка. В долине Мандала русские жители — выходцы из Забайкалья — обрабатывают землю, имеют довольно много рогатого скота и баранов, а некоторые занимаются охотой — промышляют белку и соболя. В той же долине кое-где разбросаны юрты монголов и бурят. На реке Мандал и на ближайших лугах весною и осенью останавливается много пролетных птиц — главным образом гусей и уток, — но немало и хищников —

степных орлов, орланов и крупных соколов. Здесь же мы много раз видели дроф, черных аистов и журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*). Все эти три вида в окрестностях же и гнездились.

22 июня.

Привел в порядок энтомологические и прочие зоологические коллекции. Для насекомых я привез из Улан-Батора деревянные коробки с прослойками ваты. Высохшие шкурки птиц и млекопитающих тщательно завернул в бумагу и также упаковал. Во вторую половину дня отправился верхом в поселок Нижний Мандал, к знакомому охотнику; с интересом слушал его разъяснения о дороге к Сугнурским гольцам, которые следует непременно изучить с разных точек зрения. На пути в Мандал, на болоте, встретил пару больших кроншнепов у гнезда. Убил влет самца. Рядом с кроншнепом ютился бекас, взлетевший вне выстрела.

26 июня.

Узнал, что на кургане в Цзурунтэ Кондратьев приостановил работы из-за громадного камня, который пока не смогли ни обойти, ни взорвать. Нижний курган в Суцзуктэ (№ 23) вскрыт на глубину 6 м. В маленьком кургане на глубине 2 м нашли немногочисленные коллекционные предметы (имеется список).

27 июня.

Утро облачное. Упало несколько капель дождя. После обильной снегом зимы и богатой осадками ранней весны в Кентее наступила засуха. Сейчас поля выгорели. На степных увалах потрескалась земля. Пышно зеленеют только заливные луга по Мандалу. Несколько раз собирались тучи, гремел гром, но настоящего дождя так и не было. Мои знакомые из Мандала принесли мне живого тушканчика. Это уже третий экземпляр из этой местности.

30 июня.

На утренней заре, наконец, пошел обложной дождь, который не переставал до глубокой ночи. Охотник И. Д. Тугаринов видел в скалах над Сугнуром филина.

1 июля 1924 г.

Дождь продолжается. Вода в реке сильно прибыла и стала очень мутной. Со склонов потекли ручьи. Подобные же ручьи текут сквозь крыши всех построек в нашем селении. Я не спал всю ночь, пряча коллекции под кровать и под стол... Самому пришлось в конце концов лечь под брезент. Ненастье принесло холод. На гольцах выпал снег.

3—5 июля.

Ездили с охотником И. Д. Тугариновым за 15 км вверх по Сугнурскому ущелью до пади Хермлюк (что значит — бел-

ка). Чем дальше в горы, тем уже становится долина реки Сугнур. Правый берег — очень крутой и скалистый на большом протяжении. Левый склон гор — мягкий, отлогий, одетый сосной и лиственницей. Хвойный лес спускается местами в тальвег и вместе с тополем, осиной, березой, черемухой и дикой яблоней образует густые заросли. Птиц видели очень мало и нового — ничего. По соседству с нами ночевали монголы-охотники, сторожившие изюбря на солонцах. Я долго любовался недалекоими теперь гольцами, где ясно чернела полоса кедровника, а за ними расстилались альпийские луга. Ввиду неудачной охоты, нам пришлось ограничиться усердной ловлей бабочек, шмелей, мух, клопов и жуков. Энтомологическая коллекция пополнилась многими видами.

По возвращении в селение Сугнур застал там С. А. Кондратьева, который еще накануне пришел пешком за 30 км из Суцзуктэ. Решили пока не продолжать раскопок на Андреевском кургане в Цзурунтэ, а приналечь на нижнюю могилу в Суцзуктэ (№ 23), кроме того, вскрыть еще два малых кургана. В № 23 дошли уже до погребального помещения.

11—21 июля.

Ездили с Елизаветой Владимировной и охотником Борисовым по направлению к Сугнурским гольцам. Тропа проходила сначала по ущелью Сугнур, а затем вдоль его левого, самого крупного притока Верья и, наконец, речки Безымянной. В устье Верья, за 30 км от нашего дома, мы ночевали и сделали дневку. Ночью вблизи нашей палатки прошли к броду медведь и два кабана. Свежие следы их, совсем близко один от другого, ясно запечатлелись на грязи у воды. В сумерках на нас почти набежала лесная косуля. Она, видимо, шла по ветру, не чуя присутствия людей, и вдруг, увидев нас, с шумом ринулась в кустарник.

Борисов на утренней заре добыл гурана, и мы лакомились жареной печенкой. Как ни странно, но эта безобидная пища, повидимому, послужила причиной моего заболевания. У меня сделался сильнейший колит. Надеюсь, что все пройдет при соблюдении почти голодной диеты, я решил двигаться к гольцам. Тропа вдоль Верья проходила по крутому, каменистому склону, а местами становилась незаметной, так как ее прерывали крупные россыпи. Ущелье узкое, глубокое, темное, сплошь укрытое лиственничным лесом и густыми кустарниками. Река Безымянная течет по более мягкой долинке, заросшей ерником. Пройдя 15 км, мы остановились у трех камней (урочище Гурбун-чулу) — в урочище, где часто бывают золотискатели и с успехом промывают золото. Сюда же местные жители экскурсируют за кедровыми орехами. Зона кедрового стланца начиналась уже в расстоянии не более 1 км от нашей

стоянки. Голец имел очень крутые склоны, по которым, как широкие серые реки, спускались полосы россыпей. В ущелье Верья в кустарниках было довольно много птиц — соловьев, славок, горихвосток, пеночек. На луговых увалах, по отдельным камням, виднелись малые чеканчики (*Pratincola torquata*) семьями, а также каменные дрозды (*Monticola saxatilis*). Над речкой несколько раз пролетали 2 речные скопы. Здесь же, среди ерников у маленькой речки, царили безмолвие и тишина, нарушавшиеся только свистом скалистых пищух на ближайшем увале. Ни зверей, ни птиц: полный покой.

Болезнь моя становилась все серьезнее. Я чувствовал сильную слабость и головокружение. Елизавета Владимировна и охотник Борисов экскурсировали без усталости. Я же вынужден был лежать на биваке и сторожить лошадей. Положение было неважное. Никакая телега не могла бы проехать к нам из Сугнура, чтобы доставить меня в более культурные условия. Мне стало ясно, что пока силы не вполне покинули меня, мне надо тотчас поворачивать обратно. Я плохо помню, как я проехал по узким тропам над шумящей рекой, как держался на лошади, иногда скачками переступавшей по отдельным камням россыпей... Борисов был отправлен вперед, в спешном порядке, домой, а оттуда в Улан-Батор за врачом. К тому времени, как мы добрались до Сугнура, нас там уже ожидал только что прибывший из Улан-Батора на автомобиле доктор П. Н. Шастин. С его помощью я начал быстро поправляться. Не могу сказать, до какой степени мне было досадно, что такая несчастная случайность помешала нам пожить и поработать в Сугнурских гольцах!

26 июля.

После сильных и частых дождей в течение первых 20 дней июля снова наступила сухая, ясная и жаркая погода. Температура в час дня в тени достигает 30—32,2° С. Росы обычно не бывает. Жизнь идет попрежнему. Елизавета Владимировна ежедневно экскурсирует пешком или верхом, а я поблизости ловлю бабочек. В эту экспедицию я больше занимаюсь энтомологическими сборами. Дальние походы с ружьем стали для меня затруднительны.

Сегодня вернулся из Суцзуктэ наш охотник Борисов, которого я посылал в археологический лагерь за сведениями о раскопках. Он привез 4 ящика коллекций — археологических и зоологических. Надо сказать, что наша суцзуктинская пруппа молодежи работает чрезвычайно интенсивно под умелым руководством С. А. Кондратьева. Кроме своих прямых обязанностей по раскопкам курганов, все в свободное время собирают птиц, насекомых, а Кондратьев составил полный гербарий растений, встречающихся в районе Ноин-ула. Из письма Сергея Александровича я узнал, что два малых кур-

гана не дали никаких находок. Из № 23 извлечено много золотых пластинок, небольшие лоскуты различных тканей, рог, похожий на изюбриный, выкрашенный в синий цвет, деревянные кольца и другие мелочи. Разработка этого кургана закончена. Кондратьев приступает к вскрытию нового, очень крупного, кургана № 25 с глубокой воронкой. Интересная новость: наш препаратор во время охоты в пади Гуджиртэ нашел новую группу могил. Ему же повезло встретиться двух волков, из которых он добыл одного.

Борисов в передний путь на Суцзуктэ убил двух орлов, а видел их всего 6 особей в долине Цзурунтэ, около небольшого монгольского стойбища.

2 августа 1924 г.

Снова начались дожди и грозы, сильно мешающие экскурсиям. За последние дни местные жители принесли мне несколько тушканчиков, которых много в долине Мандала, и змей. В Сугнурской пади змей приходится встречать очень часто; к сожалению, все попадается один и тот же вид гадюки. В горах поспел дикий крыжовник, которым нас не один раз уже баловали соседи.

Елизавета Владимировна весь день сидела над отчетом о своей работе, который она предполагает отправить П. П. Сушкину.

9 августа.

Выехал из Сугнура в Суцзуктэ. На пути, в долине Цзурунтэ, сейчас довольно много монголов. До тех пор тихая, безлюдная падь теперь оживилась.

В лагере археологов все нашел в полном порядке. Ботанические сборы, которые ведет С. А. Кондратьев,—превыше всех похвал. Даниленко прекрасно справляется с энтомологией, представленной очень полно. Птиц при случае коллектируют все сотрудники, а Гусев очень хорошо их препарирует.

Археология привела меня в восхищение. В кургане № 23 дополнительно найдены золотые художественные изделия в виде серег и колец, а также отдельных пластинок с орнаментом. Добыты целые, не разбитые, лаковые чашечки. Гроб на этот раз удалось извлечь целиком, не распиливая его на части. В общем вся погребальная камера совершенно такого же типа, как и в верхнем кургане в Суцзуктэ. Отличия сводятся к размерам и к отсутствию южного коридора. Вся обстановка в кургане № 23 несколько скромнее. Все же имеются обрывки шелковых материй и узорчатые вышивки.

11 августа.

Ясная теплая погода испортилась. Мы проснулись в облаках. Кругом на расстоянии 50—60 метров ничего не видно.

Сеет дождь. Из-за ненастья работы на кургане № 25 задерживаются.

Сегодня вновь занимался просмотром археологии и дневников, где детально описывается местоположение каждого найденного предмета. Интересно, что в могиле № 23 совсем не оказалось кос. Я думаю, что здесь была погребена женщина. При полном беспорядке расположения всяких предметов в погребальной камере (беспорядок, вероятно, произвели грабители), поразительно, что все лаковые чашечки стояли в ряд, одна подле другой, у северной стенки гроба.

12 августа.

Весь день ушел на приведение в систему денежного отчета экспедиции, который надо сдать для отправки в Москву. С отчетом придется отправить в Улан-Батор С. А. Кондратьева, а если понадобится и мое присутствие, то меня вызовут. Здесь происходит слишком важная работа. Пока в кургане № 25 еще не дошли до погребального помещения, но, если погода не помешает, дойдем дня через два.

14 августа.

Из кургана № 25 извлечены первые находки — золотые пластинки. Утром ко мне в окно влетела горихвостка (*Phoenicurus auroreus*) и, стукнувшись об стекло, упала на лавку, где осталась лежать на спине. Я вынес ее на воздух и положил на плоскую кровлю; через несколько минут она пришла в себя и благополучно улетела.

Спускался в шурф на глубину 9 м. Потолка у погребальной камеры не оказалось, он, очевидно, разрушен, и мы своим шурфом сразу достигли пола помещения. Там, как полагают, сыро, прохладно, грязно. На полу беспорядочно разбросаны полусгнившие доски. Под этими досками лежали золотые и медные пластинки, последние со следами лакировки, и медный пестик. По углам — остатки войлочного с вышивками ковра. Южная часть камеры и боковые коридоры находятся еще под землей. Приходится делать штрек в южном направлении. Пока здесь добыты еще: керамика, волосы, обрывки грубой ткани с орнаментом. Повидимому, были две урны. Одна, большая, стояла посредине, у северной стенки гроба, другая, меньших размеров, располагалась рядом, несколько восточнее. В обоих сосудах находились зерна чумизы¹ и куски кирпичного чая. Думаю, что из отдельных черепков мы, вероятно, сумеем составить обе урны. Уже сейчас намечается орнамент, украшавший стенки сосуда.

¹ Чумизой на Дальнем Востоке называют головчатое или итальянское просо, злак *Setaria (Panicum) italica*. Разводится человеком для употребления в пищу в виде крупы или муки. Встречается в диком состоянии в виде сорняка. (Прим. ред.).

16 августа.

Отправил Елизавету Владимировну с охотником П. Борисовым и проводником-монголом в долину реки Хара, где, по слухам, также есть древние могилы. Необходимо сделать рекогносцировку.

В кургане № 25 поставили подпорки и стали освобождать южную стену камеры. В этом месте ничего интересного не обнаружено. На полу, где лежали доски, найдены обрывки шелковых одежд покойника с остатками меховой оторочки (соболь), второй медный пестик и бусинка янтаря. Среди лоскутов одежды находились части скелета, повидимому, мужчины. Рабочие сообщили мне, когда они разбирали одежду, то сразу появился такой неприятный запах, что всем пришлось временно выбраться на воздух.

Удалось подвинуть работу и в западной части погребальной камеры. Прорубили западную стену, но за ней оказался навал крупных камней, шириною менее полуметра, а дальше — нетронутая порода. Таким образом, второй стены за пределами погребального помещения не было, другими словами, с запада коридор отсутствовал.

17 августа.

Сегодня радостный день. В кургане № 25 найдено довольно много бронзовых предметов, не встреченных нами в других могилах. У восточной стены в восточном коридоре под изогнутым бревном находилось 18 подставок или наверший из бронзы, два странных предмета, вроде колпаков, большие и малые стаканчики, нечто вроде бронзовой тарелки на трех ножках, обломки глиняной посуды и отбитый край металлического блюда с орнаментом.

18 августа.

Утро ясное, тихое, температура воздуха в 6 часов утра — 6°C. На ближайшей к дому лужайке у ручья впервые наблюдал иней. Листья на березах стали желтеть. Наступила осень.

Работы на кургане № 25 закончены. Попробуем теперь еще раз приступить к откачиванию воды из нижнего шурфа группы курганов на Суцзуктэ. Неужели нам не удастся справиться с водой, и это заставит отказаться от разработки могилы, на которую уже было истрачено столько сил и энергии!

Получил записку от Елизаветы Владимировны с Хары. Прославленные «курганы» в долине этой реки оказались обыкновенными керексурами. Елизавета Владимировна остается в разъезде еще на два дня для сборов птиц.

Ночь тихая, ясная, прохладная. В лесу кричат совы.

19 августа.

В погребальном помещении кургана № 25, где работы уже закончены, случился обвал. Какое счастье, что это не

произошло раньше! Раскопки шурфом и необходимые при этом штреки очень опасны, несмотря на самые солидные подпорки и крепления. Впредь нужно действовать еще осмотрительнее и осторожнее.

Сегодня на утренней заре мы с Даниленко отправились осматривать третью группу курганов в долине Гуджиртэ. На восточном склоне перевального гребня, отделяющего Гуджиртэ от Цзурунтэ, расположено 12 могильных холмов средней величины на расстоянии 15—20 шагов друг от друга. На расстоянии 1 километра ниже по склону имеется еще 24 кургана.

Осмотрев эти могильные поля, мы посетили вновь так называемый Кондратьевский курган в Цзурунтэ, который мне очень хотелось бы вскрыть.

Внизу под перевалом наблюдал целый выводок рябчиков. Над нами несколько раз пролетел тетеревиный, державший в когтях какую-то добычу. Птица присаживалась на деревья и издавала протяжный писк.

К полудню выяснилось, что откачать воду из Мокрого кургана вновь не удастся. Я спустился в шурф и убедился, что в северо-западном углу непрерывной струйкой течет вода, быстро наполняя яму, только что очищенную с помощью пожарной машины. Решили перенести работы на Кондратьевский курган в Цзурунтэ. Здесь я сам сделал все необходимые промеры и отметил колышками углы квадрата на дне воронки, где следует закладывать шурф. Наши рабочие китайцы в тот же день перешли на новое место и стали налаживать здесь свое хозяйство. Они выстроили себе шалаш и в хорошую погоду думают ночевать в лесу, чтобы не ходить ежедневно на раскопки за 5 км от дома. Место здесь прекрасное, но есть одно неудобство: отсутствие воды для питья. Придется доставлять ее из ручья, со дна долины.

21 августа.

Возвратилась из разъезда с реки Хара Елизавета Владимировна, привезла птиц и сделала много интересных наблюдений. Осенний пролет уже начался. На реке и в ее широкой долине много куликов и уток. К вечеру к нам в Суцзуктэ с Хары прибыло несколько человек монголов с чиновником во главе. Они приехали из управления хошунного начальника Батыр-вана для ознакомления с раскопками. Молодой, хорошо грамотный монгол быстро прочитал мои бумаги — разрешение на право археологических изысканий, — а потом с интересом рассматривал наши коллекции. В заключение он предложил для нужд экспедиции хорошие покосы в долине реки Хара, от которых я отказался...

Был на Кондратьевском кургане. Рабочие углубились на 1,5 м, где их задержал очень большой обломок крупнозерни-

стого выветрелого гранита. Его пришлось раздроблять и вынимать по частям. Вокруг кургана лес поредел: сосны спиливаются на сруб для шурфа.

22 августа.

Занимались сортировкой, регистрацией и укладкой археологических коллекций, которые надо отправить в Улан-Батор. Во вторую половину дня писал отчет о летней деятельности экспедиции. Выйдя на крыльцо подышать воздухом, был поражен количеством вóронов, летевших мимо нас со стороны перевала. Они следовали на довольно большой высоте, разрозненно, по 2—3 особи вместе, с громким карканьем. Всего я насчитал более 50 птиц. В моей практике это был первый случай, когда мне пришлось увидеть стаю вóронов. Обычно они держатся парами или одиночками и ни в какие сезоны стай не образуют.

23 августа.

Туманное, свежее утро. К восьми часам туман стал клубиться и скатываться вниз по долине Суцзуктэ. День выдался ясный, ночью была гроза с сильными раскатами грома, но дождя выпало всего несколько капель. Приближается осень, но на солнце тепло, еще цветут цветы и жужжат насекомые. Кондратьев прислал письмо, собирается на днях вернуться к нам из Улан-Батора, где он заканчивает последние дела. В последнем номере «Известий» напечатана моя статья о раскопках с чертежом погребальной камеры.

В Кондратьевском кургане, на глубине от 1,5 до 2 метров, грунт был мерзлый. На третьем метре мерзлота кончилась. Работы сейчас идут медленнее, так как несколько наших китайцев рабочих попросили расчет и ушли на сенокос.

Охотник Борисов вечером отправился на экскурсию и с торжеством принес трех «филинов», которые оказались обыкновенными лесными совами (*Asio otus*).

24 августа.

С утра до полудня дождь. Пишем дневники и отчеты. Вася Марчук (сын местного сторожа) принес много грибов — маслянок, моховиков и несколько красных. Сейчас это — наша основная пища. Давно нет мяса — охота на коз последнее время неудачна. Вечером Борисов принес все-таки козу и уральскую сову (*Strix uralensis*), к сожалению, последняя испорчена пулей.

25 августа.

Снова дождь, да еще со снегом вперемежку. Тем не менее, командирую Елизавету Владимировну на 2—3 дня в Сугнур. Надо привезти оттуда кое-какое имущество и книги, а затем Елизавета Владимировна отправится на Хару продолжать наблюдения над осенним пролётом. К вечеру температура

воздуха 0° С, прояснело. Шурф в Кондратьевском кургане понемногу углубляется. Всем сотрудникам теперь приходится поочередно помогать рабочим, чтобы ускорить раскопки. На глубине около 4 м обнаружили довольно много угля; здесь же стали попадаться камни разной величины и даже целые гранитные глыбы. Песчано-глинистый грунт постепенно становится более влажным.

Тропа, которой мы ходили на раскопки, проходит как раз мимо Баллодовского кургана, и я им постоянно интересуюсь, рассматриваю там разные детали. Эта могила все же самая большая из всех, виденных мною. Курганы несколько меньших размеров более обычны, например, «Верхний» в Суцзуктэ, а также номера 24, 25, 26 и Кондратьевский.

В большинстве крупных и в некоторых средних по величине курганах с южной стороны можно различить довольно длинное покатое заложение. Это, по всей вероятности, насыпь, сделанная над входом в погребальное помещение, через которое вносили покойника.

28 августа.

С четырех часов утра пошел дождь, вскоре сменившийся мокрым снегом. Облака ползут низко вдоль гор. Ввиду непогоды китайцы не вышли на работу. У гребня ближайшего перевала сегодня видели свежие следы кабана. В долине Суцзуктэ, около могильного поля, несколько дней тому назад заметили рытье того же зверя.

29 августа.

Дождь перестал, но облачность низкая. Около 10 часов приехала верхом из Сугнура Елизавета Владимировна. На пути, в Цзурунтэ, видела орлана (*Haliaeetus leucogyrphus*), и даже стреляла по нему, но не добыла. В Сугнуре в нашей хатке стало сыро, и нужно спешно вывозить оттуда коллекции.

В Кондратьевском кургане углубились на 5 метров. Здесь, в юго-восточном углу шурфа, найдено 3 медных предмета, напоминающие огромные гвозди с крючком пониже шляпки. Основная часть такого «гвоздя» — полая внутри, и в нее вставлена деревянная лакированная палочка. Между шляпкой и крючком, отходящим в сторону, имеется отверстие, в которое вдет ремешок.

1 сентября 1924 г.

В Кондратьевском кургане дошли до крыши или потолка погребального помещения. Матица¹ проходит не по середине потолка, а ближе к восточной его стороне. В юго-восточном углу найдены волосы, посередине — 2 нефритовые пластинки с дырочками, золотые пластинки, кусочки собольего меха; об-

¹ Матица — балка, поддерживающая потолок. (Прим. ред.).

Панорама долины Суцзукте в горах Ноин-ула

(фото С. А. Кондратьева)

рывки войлочного ковра и тонкая пластинка сердцевидной формы, покрытая красным лаком. Глубина шурфа от дна воронки — 5 м. В общем, глубина погребений в могилах в долине Цзурунтэ несколько меньше, чем в Суцзуктэ. Разобрав тщательно всю землю, покрывавшую потолок, мы вынули потолочные бревна. Под ними наметились коридоры, окружающие камеру, а посередине находился второй потолок — самого погребального помещения. Ширина верхнего потолка, покрывавшего все погребение вместе с коридорами, — 3½ м. В шурфе показалась вода. Начали откачивать пожарной машиной.

Погода стоит прекрасная. Ясно, прохладно. По утрам — иней. Луга и березы пожелтели. Около дна долины Суцзуктэ кабанам разрыты большие площади. Повидимому, сюда стали приходить на кормежку целые общества кабанов.

Вечером, уже в темноте, прибыл С. А. Кондратьев и сообщил, что на утро к нам приедет А. Н. Васильев. Получил письмо от В. Л. Комарова, где он извещает меня, что на раскопки в Суцзуктэ командирован целый ряд специалистов: археологи, почвовед и минералог.

Придется воспользоваться приездом А. Н. Васильева и отправиться вместе с ним на его машине в Улан-Батор, куда думаю захватить все добытые за последнее время археологические коллекции.

3 сентября.

В Улан-Баторе на складе экспедиции все благополучно.

Сегодня пришел к нам в гости недавно прибывший в Монголию исследователь Рой Чэпман Эндрюс¹. Он с большим интересом ознакомился с нашими археологическими сокровищами, наговорил много комплиментов. Это уже не молодой, но очень энергичный и, видимо, крайне нервный человек, горящий одушевлением. Эндрюс приехал оформлять документы по своей экспедиции. Он думает начать исследования Монголии с окрестностей Калгана, причем несколько самостоятельных отрядов по разным специальностям будут работать одновременно в различных районах страны. Все члены его экспедиции находятся пока в Китае.

7 сентября.

В Улан-Баторе дни проходят в большой суете. Беседы с А. Н. Васильевым меня очень волнуют. Он не теряет надежды на возможность исхлопотать нашей экспедиции разрешение

¹ Р. Ч. Эндрюс сотрудник Естественно-исторического музея в Нью-Йорке. Впервые посетил Внешнюю Монголию в 1918 г. и 1919 г., после чего организовал большую экспедицию по изучению геологического строения и палеонтологии Монголии и Северного Китая, работавшую в 1922, 1923 и 1925 гг. Экспедиция занималась раскопками меловой и третичной фауны позвоночных (*Прим. ред.*).

на исследование Тибета... Виделся с представителем Тибета в Улан-Баторе, посещаю Ученый комитет Монголии по разным делам и т. д.

Надюсь на этой неделе уехать обратно в Суцзуктэ. Со мною, вероятно, поедет Р. Ч. Эндрюс и представители Ученого комитета. Всех живо интересуется разработка курганов.

9 сентября.

Выехали ранним утром в Суцзуктэ. На пути к нашему лагерю заглянули на раскопки; все гости по очереди спускались в шурф, где шла интересная работа. Мои сотрудники находились уже внутри погребальной камеры, очищали гроб. Эндрюс всем восхищался, вспоминал все читанное им о Хара-хото и расспрашивал меня о подробностях открытия этого мертвого города. Со своей стороны он рассказывал нам о своих палеонтологических изысканиях у подножья Ихэ-богдо и Арца-богдо¹, а также о сборах грызунов, которые особенно его интересуют.

Беседы наши носили оживленный характер благодаря хорошему переводчику — Елизавете Владимировне. Между тем, погода испортилась, пошел дождь, а к вечеру — снег. Мы были рады обогреться и посушиться у огня в нашей кухне. Всех гостей разместили на хорошем свежем сене на полу. Сами мы также спали на полу на войлоках. Днем все постели убираются, и комната приобретает вид походной лаборатории, где одни заняты препарировкой птиц, другие — вычерчиванием планов и карт, третьи — регистрацией археологических объектов.

11—16 сентября.

Эти дни пробыл в Сугнуре, где надо было ликвидировать нашу летнюю станцию. Сделал несколько последних экскурсий вверх по хорошо знакомой речке с фотографическим аппаратом. Снимал большей частью ландшафты, а также некоторые растения.

Часть нашего имущества отправил в Суцзуктэ, все коллекции возьму с собой в Улан-Батор для отсылки в Ленинград.

19 сентября.

Уже несколько дней вновь нахожусь в столице Монгольской Республики. Сегодня, наконец, прибыли из центра командированные на несколько месяцев в состав нашей экспедиции специалисты: археологи, почвовед и минералог (Б. Б. Полюнов, В. И. Крыжановский и другие). Все очень интересные, симпатичные люди, с которыми мы прекрасно работаем.

¹ Ихэ-богдо и Арца-богдо — два высоких хребта в группе Гурбан-богдо системы Гобийского Алтая. Ихэ-богдо — высочайшая вершина этой системы (4 000 м). (Прим. ред.).

В первый же вечер мы с археологами занялись осмотром наших находок. Некоторые бронзовые предметы оказались им знакомыми. По некоторым образцам керамики они сразу же датировали наши находки эпохой Ханьской династии (от I до III веков до нашей эры). Беседы с археологами доставили мне истинное удовольствие и большое удовлетворение. Мне неизвестно, какие работы предполагают провести Б. Б. Полюнов и В. И. Крыжановский, но было бы очень желательно обследовать районы, богатые полезными ископаемыми. К сожалению, товарищи из центра прибыли поздно, а так как все они связаны в Ленинграде лекциями и лабораторными работами, то едва ли им удастся провести в Монголии обстоятельно хотя бы рекогносцировочные исследования.

22 сентября.

Ясное, тихое, прохладное утро в Улан-Баторе. Северный склон Богдо-улы весь золотой от пожелтевших лиственных лесов. Только самый гребень с россыпями отликает темной зеленью кедров.

Сговорились со всеми нашими новыми специалистами поехать завтра в Суцзуктэ на раскопки.

23 сентября.

Выехали на автомобиле около полудня. Под селением Мандал, на маленьком озере в долине реки, поохотились на пролетных уток. Здесь были кряквы, шилохвосты и чирки. Решили здесь заночевать, а предварительно совершить небольшую поездку ниже по течению реки Мандал, которая сливается с Сугнуром и образует довольно большую водную артерию. Русло обрамлено кустарниковыми зарослями, берега высокие, пастбища прекрасные. Видели на болоте большую стаю гуменников, нескольких дроф, а также мелких хищников — пустельгу и чеглоков (*Falco subbuteo*). Многократно вспугивали бекасов.

Вечерняя заря уже погасла, когда мы вернулись в Малый Мандал на ночевку в гостеприимный дом Вильских.

24 сентября.

С раннего утра — в дороге. В низовье пади Хунцал добыл прекрасный экземпляр сокола *Falco cherrug*, в то время как он подал серую куропатку. В Цзурунтэ наблюдали беркута, степного орла и сарыча; последнего я с удовольствием приобщил к нашей коллекции. На раскопках, в ожидании нашего приезда, работы были приостановлены, чтобы произвести полную очистку кургана в присутствии ленинградских ученых. Из новых предметов товарищам больше всего понравились недавно найденные золотые фигурки: голова какого-то мифического животного и грубой работы конь.

25 сентября.

Все на работе. Приезжие специалисты считают нашу работу по раскопкам вполне удовлетворительной. Сами же собираются вскрыть один курган по всем правилам искусства.

Вечером приехала из долины реки Хара Елизавета Владимировна, наблюдавшая там пролет птиц в течение двух недель. Она очень довольна поездкой, привезла хорошие коллекции.

27 сентября.

Осматривали могильные поля в пади Гуджиртэ, затем, сидя на горном склоне над речкой, беседовали с археологами о предстоящих работах. Незаметным образом разговор перешел на Н. М. Пржевальского, о котором до сих пор не могу говорить спокойно. Вспомнилось мне прекрасное прошлое, связанное с великим учителем. Мне кажется, что тень его всегда со мною.

28 сентября.

Ездили в Цзун-модо; окончательно решил, что следует тотчас приступить к разработке нового кургана, вскрывая его сразу, целиком, и углубляясь в могилу уступами. Для этого потребуется не менее 30 человек рабочих и около 8 000 руб. денег. Надо поторопиться, пока нет морозов и погода не мешает раскопкам.

Из Цзун-модо проехали на один день в степную часть долины реки Хара поохотиться на пролетных гусей. Птиц оказалось очень много. Вспугнутые гуси беспорядочно летали над нами, и я без труда добыл 4 экземпляра.

30 сентября.

Ночью выпал снег в 2 см толщиной. Пишу письма В. Л. Комарову и Б. С. Виноградову. Завтра надо ехать в Улан-Батор.

3 октября 1924 г.

Наступили первые морозы — 3,7° С. Гребень Богдо-улы укрыт снегом. Уже третий день живу в Улан-Баторе. Склад экспедиционного имущества перевезли на новое место — в дом, предоставленный нам нашим Полпредством. Помещение оказалось прекрасным: 3 большие комнаты. Около дома большой двор, огороженный забором, таким образом, склад легко охранять, и мы избавлены от лишних прохожих посетителей.

Состоялась лекция Б. Б. Плынова: «Почвы Монголии и задачи их изучения». Затем было совещание у полпреда, на котором, между прочим, выяснилось, что нашей экспедиции придется целиком взять на себя все расходы по поездке и работе четырех специалистов, прибывших из Ленинграда. Это составит ровно половину всех оставшихся в моем распоряжении средств.

5 октября.

Полдня провел в Полпредстве в разговорах и проводках А. Н. Васильева. Благодарил его сердечно за все его внимание к экспедиции и его огромную моральную помощь и поддержку, без которой нам трудно было бы работать. Очень жаль, если он больше не вернется в Улан-Батор!

Погода продолжает стоять ясная, с легким морозом —4,5° С. Ночью разыгралась сильная буря со снегом. Шум ветра, дрожание стекол в окнах нашего нового домика мешали спать.

6 октября.

С утра выюга продолжается, —7° С, нанесло уже небольшие сугробы. Получил телеграмму из Москвы от корреспондента Ассошиэйтед Пресс, который просит дать сведения о наших археологических открытиях.

Виделся с представителями Ученого комитета Монголии, и мы решили организовать выставку археологических предметов в залах Ученого комитета.

7 октября.

Ясно, тихо и холодно, —11,7° С. Охотник Борисов доставил годовалого медвежонка, убитого в самом селении Нижний Мандал. В наших лесистых горах Ноин-ула начался рев изюбрей. По словам Борисова, снегу выпало около четверти метра. Елизавета Владимировна пишет мне, что начался осенний ток тетеревей. В районе Суцзуктэ бродят медведи и изюбри, что очень хорошо видно по следам на снегу.

11 октября.

Прибыл из своей поездки в Хангай ботаник экспедиции Н. В. Павлов. Своей работой Павлов доволен. Я очень разочарован лишь тем, что наш ботаник не вел съемки. Положить его маршрут на карту будет трудно, также трудно привязать к определенным точкам отсчеты анероида.

12 октября.

Выехал на автомобиле в Суцзуктэ. На новом кургане работают 47 человек. Пока сняли со всей площади кургана пласт земли в 2 м толщиной. Попадается много гальки и крупные камни. Археологи оживлены и напряженно ожидают, что подарит им эта могила. Я все же очень рад, что С. Ф. Ольденбург придумал командировать к нам археологов специалистов!

13 октября.

Жаль покидать Суцзуктэ, но надо ехать обратно в Улан-Батор, подробно ознакомиться с результатами хангайского разезда нашего ботаника и проводить в дорогу Понынова и Крыжановского.

14 октября.

В Улан-Баторе нашел телеграмму от С. Ф. Ольденбурга: «Академия, Географическое общество признают желательным Ваш приезд. Одновременно сносимся Полпредством содействию. Ждем Вас в ноябре». Это известие меня не особенно обрадовало. Мне хотелось провести зиму в Суцзуктэ, но очевидно для пользы дела придется ехать в Ленинград.

Сегодня угощаю ленинградцев Б. Б. Полюнова и В. И. Крыжановского китайским обедом. Они на днях собираются покинуть Монголию.

В Суцзуктэ раскопки подвигаются, но археологи опасаются, что из-за морозов нельзя будет производить выемку нежных и хрупких тканей. Дело покажет. Надо попытаться закончить работы, на которые истрачены такие большие средства.

1 ноября 1924 г.

Во второй половине октября я дважды посетил Суцзуктэ, где раскопки продолжают успешно. В Улан-Баторе идет подготовка всех коллекций к отправке в Ленинград. Всю археологию я решил взять с собой в вагон ради безопасности. Слишком большие научные ценности нежелательно отправлять почтой.

2 ноября.

Прибыл в Суцзуктэ. С радостью узнал, что ленинградские археологи благополучно закончили разработку своего кургана. Камера находилась на глубине 7 м. Грабители побывали и в этой могиле, так что все предметы были разбросаны в беспорядке. Многие находки уже знакомы нам и являются повторными, но есть и новинки: очень изящная резная нефритовая пластинка с изображением драконов и целый ряд изделий из лака. Пока далеко не всё еще разобрано. Мне показали 12 корзин с землей, в которой находится множество различных предметов и образцов тканей. Очистку от земли будут производить в доме, в тепле. Я думаю, что этой работы хватит на целую неделю.

К вечеру я был уже снова в Улан-Баторе, привезя с собою новый транспорт зоологических сборов и археологических коллекций.

3 ноября.

Занимаюсь сортировкой и укладкой коллекций для ленинградского транспорта. День солнечный, теплый и пыльный. Из соседнего монастыря Майтреи слышны звуки труб. Много монголов-паломников спешат к монастырю, где организуется процессия. Говорят, что прах последнего богдо-гэгэна собираются переносить из Майтреи в монастырь Шара-сумэ, — за город.

Заходил представитель Ученого комитета и сообщил, что витрины для выставки археологических коллекций готовы. Надо выделить самые интересные дублетные экземпляры разных предметов и самому разместить их в зале.

5 ноября.

Ходил осматривать новое помещение Ученого комитета Монгольской Народной Республики. Нашей экспедиции предоставлены четыре хорошие витрины для выставки. Предполагается показать археологию, шкурки некоторых птиц и зверей и серию фотографий. Необходимо и карта исследованной нами местности. Во вторую половину дня мои спутники отвезли экспонаты на выставку. Я сам разместил бронзовые, медные и золотые предметы из Ноинульских курганов в лучшую из витрин. Во вторую витрину положил подгробный ковер. Завтра займемся остальными коллекциями.

6 ноября.

Закончил раскладку выставочных предметов. Третью витрину также занял главным образом археологией и только небольшую часть ее отделил для серии жуков и бабочек. В четвертой витрине поместились птицы и несколько банок с пресмыкающимися и земноводными. Мне было весьма приятно и интересно наблюдать, как посетители выставки, главным образом монголы, служащие разных министерств, оживленно осматривали экспонаты, горячо обсуждая всякий предмет.

Погода довольно мрачная. Небо обложено снеговыми тучами. На Богдо-уле уже падает снег. Над горами темносерая завеса низких облаков, как это часто бывает в зимнюю пору.

Читаю Иакинфа. Очень интересный и содержательный труд¹. Эту книгу я получил из библиотеки Ученого комитета. Надо сказать, что книги этой библиотеки подобраны с большим знанием дела.

7 ноября.

Утро полужасное, снег покрыл землю. Здесь он не тает, а постепенно испаряется и смешивается с пылью.

Ко мне заходил хамбо-лама Доржиев. Много говорили о Тибете. Теперь в Тибете имеются свои серебряные и золотые монеты, а также почтовые марки.

Последнюю часть дня провел на рауте в Полпредстве в числе других приглашенных. Речей наслушался много. Монгольские ораторы чаще всего касались грядущей опасности со стороны Китая, с которым Монголии, конечно, не справиться без помощи Советского Союза. Много говорилось и о том, какое счастье выпало на долю Монгольской Народной Республики,

¹ Видимо, П. К. Козлов ссылается на известный труд Иакинфа (Бичурина) «Записки о Монголии, сочиненные Иакинфом, с приложением карты Монголии и разных костюмов». 2 тт. СПб., 1828. (Прим. ред.).

освободившейся от империалистического строя и имеющей возможность мирно налаживать свою жизнь и идти по пути к новым культурным и хозяйственным достижениям.

8 ноября.

В Улан-Баторе, да и во всей стране, великое событие: выборы в Хуралдан — Монгольский парламент¹. С утра все организации и военные части собрались на городской площади. Там и сям колышались красные знамена и флаги. Играл духовой оркестр. Монгольскому правительству передают приветствия. Снова раут, но теперь уже в здании монгольского министерства. Председатель Совнаркома Бурятской Народной Республики после торжественной речи поднес Монгольскому правительству бюст, портрет и сочинения В. И. Ленина. Китайская колония в Улан-Баторе подарила красный плакат с прекрасным золотым шитьем. С кафедры выступали — молодая женщина монголка, представители бурят и казахов. По окончании приветствий был обед, на котором сказал речь и я.

10 ноября.

Уже два дня стоит чудесная погода — ясная и тихая. Приготовили 15 посылок для отправки в Ленинград в Географическое общество и в Зоологический институт Академии наук. Писал письма — директору этого института и В. Л. Комарову.

11 ноября.

Проводил Елизавету Владимировну, которая отправилась вверх по реке Тола, в урочище Убулун, на орнитологическую экскурсию, недели на две. Там есть маленький поселок русских рыбаков, где можно будет остановиться.

Беседовал с ботаником нашей экспедиции Н. В. Павловым. Он желает ехать в Москву и Ленинград для обработки собранных им материалов. Я не возражаю.

Вечером в Улан-Батор прибыл из Суцзуктэ С. А. Кондратьев.

12 ноября.

Удалось договориться с Ученым комитетом Монголии по поводу выделения для местного музея части археологических коллекций, добытых нами. Решено, что в настоящее время мы можем всю археологию увезти в Ленинград, а после обработки выслать обратно в Монголию все предметы, добытые в одном из курганов.

Сегодня нашу выставку в Ученом комитете посетили воспитанники монгольской школы во главе с преподавателем. Я давал объяснения. Ученики слушали очень внимательно, выказывали явный интерес ко всем экспонатам и даже делали

¹ Хуралдан или Великий хурал — высший выборный орган власти Монгольской Народной Республики. (Прим. ред.).

записи в свои тетради. Дети произвели на меня самое благоприятное впечатление.

13 ноября.

После тихой, ясной ночи наступило облачное утро, но еще до полудня погода разгулялась. Воздух прозрачен, дали широкие. Просят на пути в Ленинград остановиться на два дня в Верхнеудинске, чтобы иметь возможность осмотреть город и прочитать лекцию об исследованиях нашей экспедиции.

15 ноября.

Ездил осматривать дворец богдо-гэгэна, расположенный в долине Толы, недалеко от подножья Богдо-улы. Видел целый ряд кумирен, вышек и павильонов около дворца, небольшие сады вокруг построек. Все очень чисто и заботливо прибрано. Во дворце — целое собрание бурханов (изображений божеств буддийского пантеона), большей частью изготовленных на Долон-норе, но есть и индийской и тибетской работы. Меня очень заинтересовала статуэтка Амитаюса, сделанная из коралла, а также целый ряд изящнейших коралловых табакерок для нюхательного табака. Много и нефритовых табакерок различных оттенков зеленого цвета. Сам дворец внутри очень благоустроен — паровое отопление, электрическое освещение и т. д. Благодаря обилию картин, мебели, фарфора и всяких предметов роскоши, помещение больше напоминает музей, чем жилой дом. Имеется даже ряд плохо набитых чучел разных зверей, птиц и змей. Во дворе устроен своего рода зоологический сад. Я видел несколько медведей, пару волков, обезьяну, слона. Множество собак разных пород содержатся в отдельном помещении. Из птиц я отметил только бурого грифа, степного орла и целую стаю породистых голубей. Интересен павильон, в котором хранятся огромнейшие часы, сделанные монголом. В общем, поездка доставила мне удовлетворение.

К вечеру получил письмо из Москвы с извещением, что Главнаука одобряет запроектированную поездку в центр с археологическими коллекциями.

17 ноября.

С утра был в Ученом комитете, где подписал соглашение между Ученым комитетом при Министерстве Народного Просвещения и Монголо-тибетской экспедицией Географического общества.

«1. Археологический материал, добытый Монголо-тибетской экспедицией при раскопке курганов в Ноин-уле в 1924 г., в целях возможно более полной научной обработки, отправляется целиком в Ленинград.

2. Не позднее осени 1925 г. все предметы, добытые из какого-нибудь одного погребения (среднего по богатству

собранного материала), возвращаются в Монголию и передаются в музей Ученого комитета».

После подписания соглашения был в Полпредстве, где наметил свой выезд около 3 декабря и просил оказать мне содействие в отношении грузовой машины до Верхнеудинска.

18 ноября.

Холодно, температура — 20° С. Сегодня укладывал спиртовые коллекции и археологию. Во вторую половину дня ко мне зашли проститься наши археологи, уезжающие в Ленинград завтра или послезавтра. Зашел разговор о том, куда должны поступить коллекции из Ноинульских курганов: в Русский музей или в Эрмитаж. Так как один из археологов работает в первом учреждении, а другой — во втором, то между ними возникла по этому поводу оживленная дискуссия, и они ушли, недовольные друг другом.

19 ноября.

Сегодня наши археологи уехали в Ленинград. Усиленно готовлюсь к поездке и я. Мне сначала не хотелось ехать в центр, отрывать от своей экспедиции, но сейчас я думаю об этой поездке с удовольствием. Надо самому обсудить с учеными Ленинграда дальнейшие работы, услышать отзывы о ноинульских открытиях и т. д.

20—24 ноября.

Ездил за 50 км вверх по реке Тола, в урочище Убулун, где работала последнее время Елизавета Владимировна.

В Убулуне, расположенном на самом берегу реки, ниже маленького буддийского монастыря, живет всего восемь русских семейств. Все занимаются рыболовством. К северу растягивается широкая степная горная падь, замыкающаяся рядом обточенных гранитных пиков, среди которых намечается понижение — перевал Иёл-даба.

Предгорья Кентея, подступающие здесь к Толе, носят приблизительно тот же характер, что и в районе Улан-Батора. Северные склоны ущелий покрыты густым смешанным лесом, с преобладанием лиственницы. Есть и белая береза и тополя. Уремы мелких речек густо поросли черной березой. Южные склоны — степные, каменистые. Одно из ближайших ущелий, известное под названием Горихо, несколько отличается от других своими крутыми скалистыми, почти безлесными, склонами. Лишь кое-где по скалам лепятся отдельные лиственницы и на более мягком грунте в небольших понижениях видны маленькие рощи тех же деревьев.

Речка Горихо протекает по широкой долине с прекрасными пастбищами. Отдельные гранитные останцы и небольшие гранитные гряды причудливых очертаний опоясывают долину, спускаясь к самому тальвегу. Здесь месторождение топазов,

аметистов, бериллов, кристаллы которых можно собирать в отвалах многочисленных старых разработок, которые здесь велось местным населением.

Русские охотники предложили мне попытать счастья в охоте на коз загонем, и мы два дня провели в лесу, излазили несколько падей, много раз видели косуль, но охота оказалась неудачной. Спали под открытым небом при $-27,1^{\circ}\text{C}$, что было довольно неприятно.

На прощанье рыбаки подарили нам тайменя весом в 11 кг и несколько налимов. 24 ноября мы с Елизаветой Владимировной вернулись в Улан-Батор.

27 ноября.

Под утро выпало много снега, при сильном северо-восточном ветре, скоро превратившемся в бурю. Снег кружит и метет. Снаряжаю в дорогу ботаника Н. В. Павлова, отправляющегося в Москву. День прошел в деловых разговорах с отъезжающим и в укладке дополнительных коллекций, которые повезу я. Вечером кто-то из спутников навел меня на мысли о далеком прошлом, и я с увлечением рассказывал о жизни в Слободе, у Пржевальского, об охотах в лесах и рыбных ловлях в озере Сопша. Вспоминалась вся моя яркая и счастливая молодость и близкая дружба с незабвенным учителем. Я ничего не забыл. Помню и всех спутников Николая Михайловича — гренадеров и казаков, постоянно гостивших у него после экспедиций, и нашего рыболова Устина; повара Архипа, который очень не любил готовить воробьев и дроздов, — любимое кушанье Николая Михайловича, и няню Макареву, всегда заботившуюся обо всех, как родная мать.

29 ноября.

Получил телеграмму от В. Л. Комарова: «Географическое общество приветствует Ваш приезд, просит выслать коллекции адрес Общества малой скоростью». Ни за что не решусь последовать совету дорогого Владимира Леонтьевича. Хочу все коллекции увезти с собой, так будет вернее.

С. А. Кондратьев продолжает заниматься музыкой во время своих эпизодических приездов в Улан-Батор. Последнее время он собирал материалы по песням ордосских монголов и тибетцев. Вскоре моему помощнику предстоит возвращаться в Суцзуктэ, в наш археологический лагерь.

3 декабря 1924 г.

Ночь и утро ясные, морозные. На воздухе в 7 часов утра $-30,2^{\circ}\text{C}$, в нашей комнате $+1,5^{\circ}\text{C}$, несмотря на ежедневную топку. Я нездоров, повидимому, простудился. Сегодня заходили тибетцы: постоянный представитель Тибета в Монголии Доннир и недавно прибывший из Тибета Кончун Сойбон. Они принесли тибетские ладанки — тау — мне на показ. Очень

заинтересовались письмом на тибетском языке, которое для упражнения написала Елизавета Владимировна. Сказали, что поняли все, и что обороты речи правильные.

9 декабря.

Сегодня из Полпредства мне сообщили, что обещанной машины для поездки в Верхнеудинск дать не могут. Советуют обратиться за содействием к председателю Военного совета. Эта неожиданная задержка моего отъезда очень огорчительна.

Был в Ученом комитете, где осматривал зоологические сборы из Южной Монголии. Всех тушканчиков мне предложили взять в Ленинград для передачи зоологу Б. С. Виноградову на определение. Сделаю это с удовольствием.

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД И МОСКВУ

14 декабря 1924 г.

Наконец, сегодня выезжаю в далекую дорогу, в Ленинград. Перед отъездом мысленно подвел итоги всему, что удалось сделать за 1924 год в Монголии. Должен сказать, что сделано экспедицией много. Мое сердце полно чувствами горячей любви и благодарности ко всем моим старшим и младшим сотрудникам, которые изо дня в день, невзирая ни на какие невзгоды, свято и беззаветно выполняли свой долг. Одни из них умело и самоотверженно работали на дне курганов—в полутьме, в холоде и грязи, часто с риском для жизни производили выборку научных сокровищ из погребальных помещений. Другие— в горах или степи, не зная усталости, неделями и месяцами экскурсировали с планшетом или ружьем в руках, с копалкой для растений или сачком для насекомых. И во всех случаях своей разнообразной жизни— с успехом или с неудачей— мои спутники возвращались в главный лагерь, твердо зная, что они могут поделиться с товарищами своими переживаниями, что они во всех встретят сочувствие. Путешествие и научная работа среди природы, ее широкого простора, роднят и сближают людей, и в то же время воспитывают и приучают к сознательному выполнению своего долга перед Родиной.

В одиннадцать часов утра покидаю Улан-Батор. Утро серое, довольно мрачное.

16 декабря.

Прибыл в Алтын-булак, где был очень гостеприимно встречен нашим консулом. В Троицкосавске прожил два дня, прочел публичную лекцию о работах экспедиции в Монголии. Осмотрел местный музей, и с особым вниманием остановился у витрины с находками из кургана в Ноин-ула. Здесь оказалось несколько бронзовых предметов, мелкие кусочки золота, два образца серой шелковой ткани, прядь волос, кусок нефрита, золоченая пряжка и немного другое.

18 декабря.

Выехал на Верхнеудинск. Очень приятно было ехать по льду реки Чикой, через ее острова, а дальше по Селенге, где тоже по льду — чудесная ровная, накатанная дорога. Перегоняли обозы с мясом и шкурами, а навстречу везли все больше муку и керосин.

Уже в полной темноте добрались до первой цели путешествия — города Верхнеудинска. Проезжая под мостом через Селенгу, едва не попали в прорубь, только окрик встречных пешеходов заставил нас во-время остановиться.

19 декабря.

С утра отправился к управляющему делами Совнаркома. В Совнаркоме решили, когда и где я сделаю доклад о результатах наших исследований. Я буду выступать на съезде учителей, который как раз открылся в Верхнеудинске.

20 декабря.

Лекция сегодня прошла у меня особенно удачно. Причиной этого была, вероятно, аудитория, состоявшая из учеников — студентов техникума и преподавателей, прибывших на съезд. Слушатели оказались необыкновенно внимательными, они не спускали с меня горящих глаз и ловили каждое слово.

21 декабря.

Ранним утром мои новые знакомые и старые друзья усадили меня в курьерский поезд. В Иркутске я был удивлен и порадован приветом от студентов-востоковедов Иркутского университета, приславших к поезду своих делегатов. Внимание молодежи всегда очень трогает.

28 декабря.

Приехал домой в Ленинград и сразу огорчился известием, что мои археологические коллекции, оказывается, не прибыли со мною в багаже, а преспокойно остались в Верхнеудинске. Такая задержка очень досадна. Пришлось говорить по телефону с Верхнеудинском, просить немедленной высылки коллекций.

30 декабря.

Вечером поехал в Географическое общество. Делал доклад о достижениях Монголо-Тибетской экспедиции. Иллюстрациями послужили фотографии и планы курганов в разрезе. Совет Географического общества постановил передать всю археологию в Русский музей, где сейчас находятся предметы, вывезенные мною из Хара-хото. Виделся с близкими мне по духу людьми Ю. М. Шокальским, В. Л. Комаровым, Г. З. Грумм-Гржимайло, А. А. Достоевским и др.

1 января 1925 г.

Устроил у себя в кабинете маленькую выставку археологических коллекций, которые я привез в ручном багаже. Сотрудники газет и журналов, посещающие меня, сделали с них хорошие фотоснимки. Был у С. Ф. Ольденбурга, где встретил А. Е. Ферсмана, А. П. Карпинского и других академиков. Со всеми перемолвился несколькими словами. Сергей Федорович был необыкновенно мил и любезен. Показывал мне прекрасно изданные работы Штейна¹. Я передал Ольденбургу экземпляр моей книги «Монголия и Амдо» для отправки этому путешественнику-археологу.

Часто посещаю Зоологический музей и уже сдал специалистам энтомологию, коллекции птиц и зверей. К сожалению, многих зоологов нет — они в отпуску.

3 января.

Побывал в Русском музее, виделся с А. П. Баранниковым. Для коллекций из Ноин-ула готовится место рядом с Хара-хото.

5 января.

Сегодня в Зоологическом музее разбирал птиц сборов Елизаветы Владимировны и очень порадовался, что орнитологи заинтересовались многими видами, между прочим уральской сойкой из Сугнурских гольцов, которая оказалась новым подвидом.

7 января.

Меня посетил астроном Пулковской обсерватории А. А. Кондратьев, отец моего лучшего спутника. Он благодарил меня за доброе отношение к его сыну. Я просил Александра Александровича доставить мне солнечный хронометр. Получил приветственную телеграмму от Украинской Академии наук. Вечером снова побывал в Географическом обществе, беседовал с Ю. М. Шокальским и В. Л. Комаровым по поводу устройства выставки наших коллекций в здании Общества. Решили подготовку к выставке всей археологии вести в Русском музее.

10 января.

Получил телеграмму за подписью управляющего делами Совета Народных Комиссаров: «Правительством назначена комиссия для рассмотрения отчетов Монгольской экспедиции и дальнейших планов ее работ. Комиссии поручено заслушать отчет о работе экспедиции и рассмотреть план дальнейших ее работ, выяснить все организационные вопросы, рассмотреть

¹ Aurel Stein — английский археолог и исследователь Восточного Туркестана и Внутренней Монголии. В 1924 г. вышли его «Innermost Asia» (Сокровенная Азия). Оксфорд.

финансовый отчет и решить вопрос о распределении коллекций».

Весь день меня беспокоили разнообразные посетители и не давали работать.

13 января.

С. Ф. Ольденбург привез мне из Москвы письмо от управделами Совнаркома, в котором была вложена копия постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 января 1925 г. об образовании комиссии для рассмотрения отчетов и планов Монгольской экспедиции П. К. Козлова. Состав комиссии следующий: акад. С. Ф. Ольденбург, акад. А. Е. Ферсман, представитель Географического общества, по выбору этого общества, акад. В. Л. Комаров, директор Зоологического музея Академии наук А. А. Бялыницкий-Бируля, акад. А. А. Борисяк, геолог И. П. Рачковский, Б. Я. Владимирцов, полпред СССР в Монголии А. Н. Васильев, два представителя Наркоминдела и один представитель Наркомпроса.

Первое заседание комиссии назначается на 31 января в Ленинграде в 2 часа дня в Малом конференц-зале Академии наук. Повестка дня намечена следующая:

1. Общий доклад П. К. Козлова о работах экспедиции и о достигнутых результатах.

2. Доклад члена экспедиции Н. В. Павлова о ботанических работах.

3. Доклад проф. В. И. Крыжановского о минералогических работах в районе Улан-Батора.

4. Доклад проф. Б. Б. Полюнова о почвенных изысканиях в районе Улан-Батора.

5. Предположения П. К. Козлова о дальнейших работах экспедиции.

14 января.

Был на заседании в Географическом обществе, где моряк Н. Н. Матусевич¹ делал доклад о сооружении Полярной геофизической обсерватории на Новой Земле. На этом заседании Ю. М. Шокальский приветствовал мое временное возвращение из путешествия, богатого по своим научным результатам, в особенности в области археологии.

15 января.

В. И. Крыжановский позвал меня к себе в Минералогический музей и демонстрировал привезенные им образцы из бассейна Толы. Я получил большое удовлетворение не только от количества и качества минералогической коллекции, но и от разностороннего ее научного освещения, которое очень талантливо дал мне Владимир Ильич.

¹ Н. Н. Матусевич — ныне вице-адмирал и заместитель председателя Географического общества Союза ССР. (Прим. ред.).

Посетил Эрмитаж, где смотрел археологические коллекции из Сибири. Сибирский звериный орнамент очень напоминает изображения, вытканые на ковре, добытом нами в Ноинкульских курганах.

16 января.

Провел утро в Русском музее у С. И. Руденко. Ноинкульские коллекции только что были доставлены ему и сложены в кабинете директора. С. И. заверил меня, что будут приложены все старания к тому, чтобы наилучшим образом подготовить археологические находки к выставке в Географическом обществе. Вечер провел у А. П. Семенова за литературными разговорами.

23 января.

В Зоологическом институте просматривал с Н. Я. Кузнецовым наши сборы чешуекрылых. Н. Я. особенно доволен коллекцией ночных бабочек, в которой оказалось много редкостных видов. При мне с почты принесли два ящичка с птицами и спиртовыми сборами.

В Русском музее реставрируют лаковые чашечки, разглаживают ткани, которые сейчас приобрели уже совсем другой вид.

29 января.

Вечером читал лекцию в Географическом обществе. Белый зал был переполнен, даже на хорах все места оказались занятыми. Молодежь неистово хлопала, махала платками и кричала какие-то приветствия. В общем, доклад прошел очень удачно. После доклада все устремились на выставку. С. Ф. Ольденбург сказал мне, что гобелен «Всадники» — это «жемчужина» всей коллекции. И. А. Орбели больше всего нравится подгробный ковер.

Мне как-то жаль и досадно, что никто из моих спутников не мог присутствовать в этот вечер в Географическом обществе!

30 января.

С большим интересом провел вечер в Географическом институте, где был годичный акт. Отчет читал А. А. Григорьев, затем выступал Советов, а последним держал речь Ю. М. Шокальский на тему «Географ — как исследователь природы». Юлий Михайлович говорил очень вдохновенно и умно. В заключение А. Е. Ферсман сказал несколько слов и очень мило приветствовал меня.

31 января.

В 2 часа дня началось заседание Правительственной комиссии в Академии наук. Идя на заседание, я в воротах встретился с А. П. Карпинским, и на мой вопрос: «Куда же

Вы идете, пойдете на заседание», Карпинский ответил: «Меня не особенно приглашали, да к тому же я очень занят».

По отзыву С. Ф. Ольденбурга, привезенные нами коллекции стоят по меньшей мере в три раза больше того, что было затрачено Правительством на нашу экспедицию.

2 февраля 1925 г.

Был на заседании в Академии наук. С. Ф. Ольденбург очень увлекательно и интересно сделал отчетный доклад о работах Академии за истекший год.

Со мною разные лица ведут разговоры о том, куда же, все-таки, лучше передать Ноинкульские «курганы» — в Эрмитаж, или в Русский музей. Мне бы хотелось видеть их в последнем, хотя я имею основание быть на Русский музей в обиде.

В одно из моих посещений я заметил, что в собрании Харачото отсутствует изображение докшита. На мой вопрос А. П. Баранников имел мужество признаться мне, что это изображение пострадало от наводнения...

5 февраля.

Прочел публичную лекцию в Географическом обществе, а на следующий день выехал в Москву.

7 февраля.

В Кремле состоялось заседание подкомиссии по делам экспедиции. Говорили немного и деловито. Решили напечатать возможно скорее, с фотографиями и цветными таблицами, предварительный отчет о выполненных в Монголии работах. Я встретил сочувственное отношение к моему плану проработать предстоящее лето в Гобийском Алтае. Будут испрашены дополнительные кредиты в 20 тысяч рублей.

8 февраля.

Навестил своих старых друзей Загоскиных (племянница Н. М. Пржевальского). Меня поразила теснота их жилища: словно склад мебели. Вечер с интересом провел в обществе А. Е. Ферсмана — моего соседа по общежитию. Он собирается в Америку, а оттуда на Сандвичевы острова.

10 февраля.

Имел беседу в Наркомпросе с М. Н. Покровским¹. Он, между прочим, заметил, что орудие для добывания огня — деревянная пластинка с дырочкой и деревянная же палочка (добытые в одном из курганов) — являются ритуальными предметами.

¹ М. Н. Покровский в то время был заместителем наркома просвещения (*Прим. ред.*).

Во вторую половину дня меня навесил В. Л. Попов, которого я был искренне рад повидать. Это мой старый приятель и тоже путешественник¹.

11 февраля.

Виделся в Главнауке с Ф. Н. Петровым, который посоветовал отложить все хлопоты по новым сметам экспедиции до свидания с представителями Наркоминдела и выяснения дальнейшего маршрута экспедиции. Восхищался моими письмами из Монголии, которые, видимо, развлекали его после утомительных занятий.

Говорил также с Л. Е. Берлином по поводу намеченных мною баз для работ в Гобийском Алтае и в Цайдаме. Получил извещение, что завтра мне назначено быть в Наркоминделе.

13 февраля.

Из разговоров в Наркомате иностранных дел я вынес какое-то неопределенное впечатление о перспективах экспедиции. Говорят, что Китай не дает нам визы для следования даже в Хара-хото в Центральную Гоби, а не только в Цайдам... Много интересного сообщили мне о Тибете. Ламы в Лхасе сильно враждуют с тибетской армией и с ее водителем Намганом. Намган всецело опирается на англичан. Был момент, когда командующий тибетской армией был арестован ламами и посажен в башню. С другой стороны, существует вражда между таши-ламой, которому покровительствуют китайцы, и далай-ламой, которого поддерживают, будто бы, в настоящее время англичане. Результатом всех этих разных влияний и течений являются вечные распри, раздор в столице Тибета.

Вечером навесил Евгения Михайловича Пржевальского, брата моего великого учителя. Старику 82 года. Он не может работать и, повидимому, нуждается.

14 февраля.

Заходил ко мне В. Ф. Новицкий, побывавший в свое время в Монголии, Восточном Туркестане, Ладаке. Мне очень приятно было повидаться со старым другом, но очень жаль, что он выглядит плохо; боюсь, что его мучает какой-нибудь скрытый недуг².

¹ В. Л. Попов — военный географ и путешественник, исследовал Северную Монголию в 1903 и 1910 гг. Автор работы «Через Саяны в Монголию», Омск, 1905 г., и других трудов. (Прим. ред.).

² В. Ф. Новицкий — русский географ, много путешествовавший по Азии. В Монголии был в 1906 г., когда обследовал восточную часть страны. Автор большого труда: «Путешествие по Монголии...», СПб., 1911. В Восточном Туркестане и Ладаке, Кашмире, Каракоруме побывал в 1898 г., в результате чего опубликовал книгу «Из Индии в Фергану». (СПб., 1903. Записки по Общей географии, т. 38). (Прим. ред.).

Был на докладе своего приятеля В. Л. Попова — «Географический очерк Сибири в связи с проблемой дальнейшего изучения», — который он читал в секции изучения Северной Азии. Меня избрали почетным председателем данного собрания. Сказал вступительное слово, обрисовал деятельность Попова, который на протяжении 13 лет изучал Алтай, Саяны, Урянхайский край и северо-западную Монголию в географическом, этнографическом и экономическом отношениях. По окончании докладов, стоявших на повестке дня, собрание упросило меня сделать краткое сообщение о моих работах в Монголии, что я и исполнил.

17 февраля.

Писал план дальнейшей деятельности Монгольской экспедиции для представления его в Наркоминдел. Вечером делал доклад о достижениях экспедиции в Доме ученых. Из-за большого стечения народа было очень душно, и мне трудно было говорить. Присутствовали все чины Монгольского представительства, что доставило мне большое удовольствие.

18 февраля.

Сдал финансовый отчет Монгольской экспедиции и план предстоящих ее работ. Покупал кое-какое дополнительное снаряжение — главным образом охотничье.

Вечером снова повторил свой доклад в Доме ученых. Приглашают в Смоленск для прочтения лекции о результатах экспедиции, но я пока не дал определенного ответа.

19 февраля.

Опять пришлось выступать все на ту же тему в большом зале Политехнического музея. Поступило много просьб от желающих принять участие в экспедиции.

Поздно вечером навесил своих друзей Загоскиных — родственников Н. М. Пржевальского.

20 февраля.

Заходил в ботанический кабинет Университета, где осматривал гербарий и библиотеку. Пришел в восторг от прекрасного состояния и порядка того и другого. Видел уникальные издания, из которых особенно понравилась монография тропических орхидей. Просил Н. В. Павлова выделить дубликаты наших ботанических сборов для Московского университета.

Виделся с С. Ф. Ольденбургом, который просил сделать доклад в Академии наук. Придется съездить в Ленинград, а затем снова вернуться в Москву для окончания экспедиционных дел.

26 февраля.

Вечером в Историческом музее было заседание Научной ассоциации востоковедения и Общества филологов, на котором сделал очередное сообщение о своих последних исследованиях природы и археологического прошлого Монголии. Присутствовавшие археологи, не видав ноинульских коллекций, старались с моих слов ознакомиться с ними возможно полнее и задавали очень много чисто специальных вопросов, на которые ответить было трудно, тем более, что мои находки еще не подвергались точному определению и детальному изучению.

27 февраля—7 марта 1925 г.

Выехал в Ленинград, а 6 марта получил из Улан-Батора от своего помощника С. А. Кондратьева радостную телеграмму: «Мокром кургане очищена внутренняя камера. Много нефрита, тканей. Оригинальные предметы: большой ковер в орнаменте, иероглифы и мелкие изображения грифона, рыси, пятнистого оленя. Разработку продолжаю. Приветствую Вас».

Речь идет о том кургане суцзуктинской группы, который все не давался нам: вода препятствовала его окончательной разработке. Мы много раз приступали к откачиванию воды, но наши машины не могли с ней справиться, и приходилось вновь и вновь бросать работу. Недаром я никогда не оставляя надежды довести раскопки Мокрого кургана до конца, и во всех своих письмах к сотрудникам напоминал о необходимости снова попытать счастья в его разработке.

Мне прислали из Москвы интересную газетную вырезку: «Монголы — русским ученым». В связи с четвертой годовщиной Монгольской народно-революционной партии Ученый комитет Монголии на торжественном заседании шлет в лице известного исследователя и путешественника П. К. Козлова привет всему ученому миру СССР. Монгольский Ученый комитет уверен, что взаимоотношения научных работников СССР и Монголии еще больше укрепят дружбу обоих народов».

8 марта.

Получил большую почту из Улан-Батора. Подробные донесения о работах в Мокром кургане. Посылаю своим спутникам следующую телеграмму: «Всех приветствую, поздравляю, благодарю. Верхний курган оставьте. Окончании работ «Мокром» телеграфируйте. Еду Москву четырнадцатого».

9 марта.

Читал опять лекцию о достижениях экспедиции в певческой капелле. Были главным образом члены Секции научных работников.

10 марта.

Получил телеграмму из Улан-Батора об извлечении неповрежденной глиняной урны высотой в 90 см. Вечером меня посетил П. П. Сойкин, — издатель журнала «Вестник знания». Просил дать ему статью о работах экспедиции.

11 марта.

В большом конференц-зале Академии наук СССР я доложил о деятельности моей экспедиции за 1924—1925 гг. Заседание открыл С. Ф. Ольденбург. После меня выступали с докладами: Полюнов, Крыжановский и другие. Заседание затянулось до позднего часа. В антракте, когда я еще был на кафедре, фотограф сделал несколько снимков всего переполненного зала.

15 марта.

Я снова в Москве и вечером читаю лекцию.

16 марта.

При посещении Комиссариата иностранных дел познакомился с нотой Монгольскому правительству. Наше правительство благодарит Монгольское правительство за содействие моей экспедиции, которая благодаря этому достигла высоких научных результатов. Выражается надежда, что Монгольская Народная Республика и впредь будет относиться к экспедиции Козлова весьма доброжелательно.

Меня осаждают просьбами желающие принять участие в моей экспедиции. Ежедневно приходится беседовать по этому поводу с представителями московской молодежи. Некоторые юноши произвели на меня самое лучшее впечатление, но я стремлюсь к тому, чтобы исхлопотать разрешение на выезд в Монголию географу С. А. Глаголеву, которого я хорошо знаю. Кроме того, собираюсь взять в экспедицию на второстепенные роли Николая Пржевальского (внука Владимира Михайловича Пржевальского и внучатого племянника великого путешественника), а потому приходится отказывать просителям.

Вообще в Москве живу в непрерывной суете. Кроме деловых свиданий и приема многочисленных представителей прессы, ко мне постоянно приходят родственники моих спутников, самые разнообразные почитатели, слушатели моих докладов и, наконец, старые друзья. Совсем не удается собраться с мыслями, написать статьи для газет и журналов в течение дня. На это уходит часть ночных часов. Чувствую, что я устал, надо ехать обратно в свой археологический лагерь. Необходимо дожидаться китайской визы на проезд в Цайдам, а также новых ассигнований. Эти дела невозможно закончить быстро.

21 марта.

Днем был в Кремле у управляющего делами Совнаркома. Узнал, что решено мою экспедицию продлить с дополнительным ассигнованием в 22.000 рублей.

Был на заседании ВЦИК'а, где мне было предоставлено слово. Я сообщил о новых находках в Мокром кургане, поблагодарил за доверие Правительства и распрощался.

Повидимому, С. А. Глаголеву будут во-время выданы нужные документы: разрешение на выезд в Монголию и заграничный паспорт.

Вечером читал последнюю лекцию в этот приезд в Москву — в Военной академии, где имеется научное географическое отделение, в почетные члены которого меня тут же избрали. Аудитория была переполнена исключительно одними военными. Было очень приятно, слушатели проявляли большой интерес к моей работе.

23 марта.

День прошел в хлопотах по закупке дополнительного снаряжения и получению денег, ассигнованных на экспедицию. Луначарский назначил мне свидание на завтра, но едва ли я сумею побывать у него. Вечером отправился на званый ужин в Монгольскую миссию. Было много тостов за успехи Монгольской экспедиции, за процветание Монгольской Народной Республики и другие.

24 марта.

Боевой день. Надо заканчивать дела. С утра был в Совнарком, получил нужные бумаги на продление работ экспедиции в 1925 году. С ними пришлось ехать в Наркоминдел за нужными подписями, без чего они не были бы действительны. Право на следование в Цайдам и дальше будет выслано мне позднее, как только получатся благоприятные данные из Китая. Надо визировать паспорта и брать железнодорожные билеты. Приехал С. А. Глаголев, уже зачисленный в экспедицию моим старшим помощником. Я очень рад и счастлив, что мне удалось обеспечить его участие в наших работах. Он сразу приступил к разным делам и вошел в курс последних приготовлений.

31 марта.

Выехал из Москвы вместе с Глаголевым и Колей Пржевальским 25 марта, а 31 марта в полночь высадился в Верхнеудинске.

1 апреля 1925 г.

Дорога на Улан-Батор неважная. Реки еще не разошлись, но по льду не везде можно переправляться. Ушедшая сегодня

к югу машина провалилась в Селенгу, к счастью на неглубоком месте, так что ее благополучно вытащили лошадьми.

3 апреля.

Рано утром выехали в Улан-Батор и в 4 км от Верхнеудинска провалились в протоку Селенги. Долго барахтались в воде, пока не вытащила нас попутная машина. Пришлось вернуться обратно в город, так как наш автомобиль испортился. Снова надо ждать пока найдут новую машину; как все это скучно, надо было ехать по крайней мере на две недели раньше.

6 апреля.

Не дождавшись автомобиля, доехал до Троицкосавска (215 км) в обыкновенной бричке. В Географическом обществе меня ожидала телеграмма от С. А. Кондратьева о новых находках в «Верхнем» кургане, и о желательном свидании в Боротай (почтовая станция на тракте Троицкосавск—Улан-Батор, ближайшая к нашему археологическому лагерю на Суцзуктэ).

7 апреля.

Прочел доклад в Троицкосавском отделении Географического общества. К сожалению, плохой фонарь с керосиновой лампочкой не мог дать хорошего отображения диапозитивов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В УЛАН-БАТОР И ВЫЕЗД В КИТАЙ

11 апреля 1925 г.

Наконец добрался до Улан-Батора, где на складе экспедиции нашел все в полном порядке. В тот же день, узнав, что полпред А. Н. Васильев собирается уезжать в Китай, съездил в Полпредство и доложил Алексею Николаевичу о результатах своего пребывания в Москве и Ленинграде. А. Н. проявил большой интерес ко всем моим успехам, расспрашивал подробно о всех разговорах в Кремле и в Академии наук и порадовался за экспедицию, которой будет дана возможность в скором времени выступить в глубину Монголии. Назавтра полпред уехал в Пекин.

13 апреля.

Сегодня удалось отправить в Суцзуктэ моих спутников, прибывших со мной из Москвы: С. А. Глаголева и Н. В. Пржевальского. Пусть там на деле ознакомятся с работами экспедиции и примут в них активное участие.

Меня навестил охотник и рыбак И. Д. Тугаринов. Рассказал, что в верховьях Толы, где он сейчас живет, начался пролет гусей-гуменников, объявилось и несколько сухоносов (*Cygnopsis cygnoides*). Вообще весенний пролёт идет оживленно.

15 апреля.

Заходил Доннир — представитель Тибета. Прежде всего он сообщил мне, что в Лхасе все благополучно. Далай-лама здоровствует, так же как и его ставленник — глава Тибетского правительства — Намган.

Писал предварительный отчет о новых археологических открытиях в Ноин-ула, для Академии наук.

Впервые в эту весну видел большую стаю серых журавлей, пролетевших над Улан-Батором, в северо-западном направлении. На массиве Богдо-ула снег почти весь стаял. Небольшие полосы его видны лишь у самого гребня. Весною, в это лучшее время года, в Улан-Баторе неприятно: воздух наполнен пылью и зловонием от гниющих везде отбросов.

23—26 апреля.

Прибыл в Суцзуктэ, где ознакомился с громадной работой, проведенной моими спутниками за время моего отсутствия в центре. Рассмотрел все планы, диаграммы раскопок, профили, фотографии и наконец новые археологические объекты: один лучше другого. Вместе с С. А. Кондратьевым наметили план заключительных раскопок.

1 мая 1925 г.

Был в нашем Полпредстве на банкете, где присутствовало около 50 человек. Мне очень понравилось выступление одного старого монгола, который сказал приблизительно так: «Всю мою долгую жизнь я наблюдал и изучал свой народ. Хорошо знаю весь его уклад и быт, его бедность. Никогда не мыслилось, что этому народу тоже выпадет счастье еще при моей жизни узнать счастье свободы, гордость творчества собственной судьбы.

Теперь весна, разгуливает ветер, образуются палы, сжигают люди ветошь. Мне представляется, что также вот и все наше отжившее, одряхлевшее, покрытое пылью предрассудков, сторит, уничтожится, и на его месте вырастет молодое, сильное, новое, восприимчивое к культуре, и поведет народ по новому пути: к труду и просвещению».

После обеда была музыка, монголы разошлись и искренне шутили, смеялись, пели.

Ночь была бурная, с юго-западным ветром и тучами пыли.

5 мая.

Стоят облачные холодные дни, часто перепадает снежок, но весна идет — появились насекомые, летят желтые плиски. Разрешения на поездку в глубь Монголии от нашего представителя в Китае все еще нет. Думаю, что мне следует самому съездить в Пекин, чтобы ускорить все это дело. Кроме того, мне очень хотелось бы посмотреть эту часть Китая, посетить древнюю его столицу, а заодно также Калган и Тянь-цзинь.

9 мая.

Поездка в Китай решена и налажена. Сегодня выезжаю на автомобиле. Едем через Восточную Гоби на Чойрэн — Удэ — Калган, всего около 1 000 км.

Сначала дорога долго шла по пересеченной местности, среди горных складок, затем мы вышли на степной простор, ограниченный лишь на горизонте с юга дальними высотами. Настоящей дороги нет. Вдоль линии телеграфных столбов видны наезженные в твердом грунте автомобильные колеи. Населения почти нет, изредка по 2 — 3 юрты стоят у колодца, и пасутся стада баранов. Много сурков, везде их норы, по сторо-

нам на столбах часто видел орлов и соколов, даже не взлетавших при следовании автомобиля. В неглубоких впадинах расстилались зеркала соленых озерков, на них отдыхали пролетные утки и кулики. По степи много жаворонков рогатых и монгольских, изредка видели дроф. У обрывов — пустынные чеканы, удоы. Часто встречались верблюжьи караваны, груженные чаем. Уже вечером в темноте въехали в горы, где стоит Чойрэн. Здесь телеграфная станция. Отдохнув около часа, мы отправились дальше, через галечную пустыню. Дорога такая ровная, что в машине можно прекрасно дремать, несмотря на скорость езды. Остановились только на утренней заре в пустыне, сплошь усыпанной окатанной разноцветной галькой, на станции Удэ.

Удэ расположено у подножия высот, сложенных сильно выветрелыми кремнистыми сланцами. Кругом тишина, населения никакого. Через 1½ часа отправились дальше. Через 30 километров въехали в горную гряду с ущельем, по которому бежала речка. Приятно было видеть кустарники, площадки зеленых лужаек и даже 2 полузасохших корявых тополя. По мере удаления к юго-востоку местность утрачивала характер ровной пустыни и становилась все более пересеченной. По гребням невысоких горных гряд высились серые выходы скал, на дне долин стояли озерки воды, на которых отдыхали пролетные утки. Над сухими руслами летали крачки, монгольские зуйки (*Charadrius mongolus*). Много раз за истекшие дни встречали стайки копыт. 10 мая впервые заметили ящериц.

Быстро промелькнула перед нами котловина Ирэн-дабасу с кирпично-красными глинистыми береговыми обрывами, где работала американская палеонтологическая экспедиция Эндрюса.

11 мая.

Впервые показались китайские пашни. Начались селения, многолюдство. По дорогам бродят черные свиньи, пасутся ослы. Вдали на востоке видна горная гряда, за которой лежит Калган. Спуск с перевала крутой, в глубокую долину, сплошь занятую хлебными полями, которые лежат и по склонам гор.

Воздух наполнен лёссовой пылью.

В Калгане пробыл один день и ночью 12 мая выехал в Пекин по железной дороге, а в 7 часов утра уже был в столице Китая.

13 мая.

Побывал в Китайском университете, познакомился с некоторыми профессорами, в частности с археологом, и внимательно осмотрел небольшой археологический музей.

14 мая.

Состоялся мой доклад о Ноинульских погребениях в аудитории Пекинского университета. Слушатели отнеслись ко мне

очень внимательно; по окончании доклада задавали много вопросов. Произошел оживленный обмен мнений.

Сегодня я был в «Храме неба». Вошел в ворота в высокой каменной стене, за которой оказался большой темный парк. Высокие кипарисы и арчевые деревья сплошным насаждением окаймляли одну прямую дорогу, которая вела к молитвенному месту. На открытой площадке, усыпанной песком, возвышалась обширная круглая терраса белого мрамора, к которой со всех сторон вели такие же белые ступени. Терраса была пуста. Говорят, что это место предназначалось для жертвоприношений... Поодаль виднелось еще мраморное возвышение. Круглые террасы белого мрамора, окаймленные низкими резными колоннами легких балюстрад, составляли как бы пьедестал. В центре последней наиболее высокой террасы высилась ажурная беседка с синей черепичной крышей. Вместо стен со всех сторон — окна с тонкими резными переплетами и украшениями. В середине беседки — богдоханский трон, по сторонам — резные ширмы, за которыми стояли кресла министров.

Был также во дворце-музее, где любовался многочисленными уникальными художественными предметами из нефрита, фарфора, красного лака и бронзы.

Вечером делал доклад в нашем Посольстве.

15 мая.

Был на рауте в Китайском университете. До ужина слушали лекцию Андерсона об его археологических изысканиях в Ганьсу, на Куку-норе и в Ордосе.

16 мая.

Во вторую половину дня ездил осматривать летний дворец с пагодами, храмами, беседками и прекрасным садом с озерком. Кто-то сообщил, что в озерке рядом плавает большая змея. Все заинтересовались, вышли посмотреть, а когда я извлек змею шестом из воды, и, перетянув ей шею ниткой, спрятал в холстину, чтобы приобщить лишний объект к нашей коллекции, все присутствовавшие монголы и китайцы преисполнились страхом и боялись ко мне подойти.

Вечером я выехал в Тянь-цзинь. На всех станциях продавали много цветов, всего больше — роз. Тянь-цзинь — очень чистый, богатый торговый город. Я пробыл в нем три дня и к 20 мая вернулся в Пекин.

20 мая.

Вечером состоялся в нашем Посольстве раут в мою честь. Пришлось специально для этого случая обзавестись соответствующим костюмом — смокингом и лакированными ботинками, которых мне никогда в жизни еще не доводилось носить. Все было очень торжественно. Стол на 30 приборов был весь

усыпан розами. Среди приглашенных были американцы, англичане и китайцы. После обмена приветственными речами взял слово представитель Китая. Он сказал, что китайский научный мир очень уважает русских ученых, в особенности очень ценит Владивостокский восточный институт, но скорбит душой о том, что целый ряд рукописей, касающихся маньчжурской династии, находится (после Боксерского восстания) в руках русских. Оратору было отвечено, что такие ценные рукописи надежнее всего хранить в научных собраниях Советского Союза...

23 мая.

Сделал доклад в Пекинском посольстве об открытии Харачото в 1907—1909 гг. во время моей Монголо-сычуанской экспедиции.

24 мая.

Распрощался с нашим представителем в Китае и завтра уезжаю в Монголию.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПЕДИЦИИ В РАЙОНЕ УЛАН-БАТОРА

3 июня 1925 г.

Я возвратился в Улан-Батор. По дороге, между станком Чойрэн и Улан-Батором удалось добыть 14 крупных соколов (*Falco cherrug*), сидевших на телеграфных столбах, и четырех мохноногих сарычей (*Buteo hemilasius*); птицы не боятся автомобиля, и их очень легко добывать. По приезде на базу мы принялись за спешную препарировку прекрасной добычи.

Дома меня ожидал мой помощник С. А. Кондратьев, несколько дней тому назад прибывший из археологического лагеря на Суцзуктэ. В ближайшем будущем Кондратьеву надо будет поехать в Ленинград, чтобы лично доставить новые, недавно добытые из курганов коллекционные материалы, а пока мы с ним договорились о необходимости разработать еще одну могилу в ущелье Гуджиртэ.

4 июня.

Заходил проститься американский исследователь Р. Ч. Эндрюс, завтра уезжающий в далекий путь. Мы условились встретиться с ним в окрестностях Бага-богдо (Гобийский Алтай), где Эндрюс собирался заняться палеонтологическими раскопками.

5 июня.

Виделся с А. Н. Васильевым, с которым очень приятно и интересно поговорил. А. Н. сказал, что, по словам нашего представителя в Китае, разрешение экспедиции следовать за пределы Внешней Монголии обеспечено. Принципиальная договоренность с Китаем была достигнута еще во время моего пребывания в Пекине. А. Н. предлагает осуществить экспедицию на автомобилях. Мы долго рассуждали о маршруте и наметили конечным пунктом северное подножие Нань-шаня. А. Н. также хотел бы принять участие в подобной поездке, но, конечно, не на долгий срок.

17 июня.

Последние дни занимался сортировкой, записями и упаковкой зоологических и археологических коллекций, готовя их к отправке в Ленинград — частично с Кондратьевым, а большей частью с курьером Полпредства. Сегодня выехали с А. Н. Васильевым в Суцзуктэ, куда я так давно стремлюсь.

18 июня.

Поездка вышла очень торопливой, пребывание мое в археологическом лагере слишком кратковременным — всего один день. Удалось только посмотреть работу на шурфе, уложить материалы, выслушать доклады спутников и распрощаться. Вся беда в том, что полпред не мог задержаться на более продолжительный срок, а я был связан его автомобилем. Ведь средств передвижения из Суцзуктэ в Улан-Батор, в сущности говоря, нет. Наем лошадей в Мандале стоит очень дорого, приходится экономить средства.

19 июня.

Проводил в Убулун вверх по реке Тола Елизавету Владимировну, которой пришлось отправиться в эту далекую экскурсию на таратайке с китайцем-возницей.

Долго рассматривал новые подгробный и потолочный ковры из Суцзуктэ. На обрывках тканей удалось различить не встречавшийся еще мотив серебристых рыбок, плавающих в сосуде. Интересен костюм — широкий халат и необычайно широкие панталоны, заканчивающиеся войлочными полусапогами. Остановили мое внимание и металлические барельефы овцебыка и диких коз.

26 июня.

Меня навестил только что прибывший в Улан-Батор профессор Б. Я. Владимирцов. Он собирается ехать в Восточную Монголию на верховья Толы и Керулена для установления старинных монгольских названий местностей. Гости поведали мне, что вскоре приедет в Монголию Б. Б. Полюнов.

28 июня.

Проводил в дорогу в Ленинград С. А. Кондратьева, который увез с собой большую часть наших коллекций.

29—30 июня.

Пробыл в Убулуне, на реке Тола, выше Улан-Батора, где в течение нескольких недель вновь работала Елизавета Владимировна. Мне показалось очень интересным, что Елизавета Владимировна в лесистой уреме Толы наблюдала в течение ряда вечеров тягу вальдшнепов.

5 июля 1925 г.

В Улан-Баторе непрерывно льют дожди, иногда бывают грозы, с самого начала июля. Начинаем переговоры о найме

животных для нашего общего выступления двумя отрядами — к югу и к западу. Сортируем и делим снаряжение. Мне предстоит еще поездка в Суцзуктэ, а там надо будет в первую голову отправить к югу отряд Глаголева. Сам я выступлю в Хангай несколько позднее.

10 июля.

Отвезли в Ученый комитет Монголии часть наших зоологических коллекций в дар от экспедиции. Оставили у них на хранение большую урну из Мокрого кургана.

Усердно пишу статью о Тибете для энциклопедического словаря.

Пока дождливый период продолжается, почти каждый день — осадки.

15 июля.

Решил подарить Ученому комитету Монголии целую серию книг: «Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского», всего 8 томов. Был на заседании Ученого комитета, где виделся с Б. Я. Владимирцовым.

21 июля.

Пять последних дней провел в поездке на лошадях в Суцзуктэ. Заканчиваем там работу, свертываем лагерь и все собираемся в Улан-Батор. Приятно было снова увидеть горные леса, приветливые тихие долины речек, далекие горизонты, замыкающиеся гольцами, и все знакомые ландшафты того места, которое так много подарило нам самых счастливых, радостных дней. Суцзуктэ, Цзурунтэ, и Гуджиртэ, — три соседние пади в лесистых горах Ноин-ула — вошли теперь в историю, в науку; их долго не забудут. Грустно было расставаться с нашим приисковым домиком и знать, что больше никогда не вернешься в Хэнтэй.

Сегодня явился переводчик-бурят, выражающий желание отправиться с нами в далекий путь. Все мы торопимся закончить очередные работы. Глаголев просушивает гербарий, Елизавета Владимировна определяет только что привезенных птиц из Суцзуктэ. Я устраиваю в банке наши денежные дела.

24 июля.

Много беседовали с С. А. Глаголевым, начальником южной партии, которая должна направиться в Гобийский Алтай старым маршрутом Пржевальского, поработать в горах Ноин-богдо и, если будет возможно, пройти в Хара-хото. Я старался разъяснить Глаголеву, как важна в таком путешествии, кроме всего прочего, дисциплина, сторожевая служба, бдительное, но в то же время и внимательное, доброе отношение к местному населению, как высоко следует держать престиж русского имени и т. д.

Задачи партии, как и всей нашей экспедиции, очень широки. Будет вестись географический дневник и съёмка пути, сборы растений, геологических образцов птиц, млекопитающих и насекомых. В Хара-хото надлежит сделать точную и детальную съёмку всех развалин и дополнительные раскопки с целью найти захороненные мною большие глиняные фигуры бурханов, которые я в 1909 г. был не в состоянии вывезти за перегруженностью каравана археологическим материалом.

Все мои инструкции С. А. тщательно записал. Я уверен в его исполнительности и добром желании, только бы хватило на все умения и удачи. Знаний у моего старшего помощника достаточно. Географический институт, который он окончил, дает в этом отношении много. Опытности, конечно, нехватает.

На нашем дворе около дома поставлены 3 палатки — спутники предпочитают жить на воздухе.

27 июля.

С утра прибыли быки, нанятые нами для глаголевской и моей партий. Во дворе — сплошной бивак.

Сдаем монгольской армии наши три пулемета на хранение. Ручные гранаты отдаем в пользование. Это оружие было необходимо нам только в случае проникновения экспедиции в глубь Тибета, где всегда можно ожидать вооруженных столкновений с разбойниками, специально занимающимися грабежом караванов. В пределах Монголии подобных осложнений не бывает, и лишний груз надо оставить здесь.

Коллекции все упакованы, последние ящики в адрес ленинградских научных учреждений свезены в Полпредство для отправки на запад, на родину. Последний ящик получил восьмидесятый номер.

Заходил председатель Ученого комитета Монголии и рассказывал мне много интересного о разных исторических памятниках, которые нам следует осмотреть на нашем пути в Хайтай. Первую, более длительную, остановку он советует мне сделать на изломе реки Тола, где она поворачивает на север. Это место называется Улху-булун. Там надо разыскать каменную черепаху огромных размеров, стоящую где-то в степи или в песках в долине Толы. Затем следует посетить скалы со множеством рисунков и надписей — Бичикте-дулан-хада («Письмена теплых скал»), в 30—40 км к юго-западу от поворота Толы.

28 июля.

Через Ученый комитет наук поблагодарил монгольское правительство за оказанное нашей экспедиции содействие и за разрешение работ в Ноин-ула. Просил поддержать меня в предстоящей работе. По возвращении домой поехал верхом провожать глаголевскую партию, которая стройно выступила к югу на быках, запряженных в монгольские телеги. Мои

сотрудники — верхом на лошадях. Оживлены, сдержанно веселы, бодры. Глаголев серьезен и озабочен сознанием принятой на себя ответственной задачи. Погода выдалась прекрасная. Я проводил отряд до моста через Толу, а затем вернулся в наш сильно опустевший двор. Теперь дело за нами!

29 июля.

Явился проводник-монгол — очень приятный бывалый старичок, который поведет нас вниз по Толе. Он получит от нас, кроме зарплаты, еще лошадь и все содержание.

Через знакомых англичан, служащих в местной английской фирме, узнал кое-что об американском путешественнике Эндрюсе. Его экспедиция работает сейчас в Гурбун-сайхане. Прикомандированные к американской экспедиции молодые люди — буряты и монголы, — демонстративно возвратились в Улан-Батор ввиду надменно-гордого отношения к ним американцев.

30 июля.

Во второй половине дня побывали с Елизаветой Владимировной в Полпредстве и попрощались со всеми. Алексей Николаевич Васильев, как всегда, был очень внимателен и любезен, сердечно желал нам успеха в предстоящей деятельности и просил при каждой okazji писать ему донесения с указанием, что из сообщаемого хотелось бы мне поместить в газеты или журналы.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ХАНГАЙ И ПУТЬ ДО ВЕРХОВЬЕВ РЕКИ ОНГИИН-ГОЛ

1 августа 1925 г.

Знаменательный день! Наконец сегодня, после полутора лет пребывания в районе Улан-Батора, я выступаю на полный простор в глубь Монголии. Погода неважная, Богдо-ула затянута тучами, но барометр склонен к повышению. Заходил прощаться представитель Тибета — Доннир, с которым Елизавета Владимировна совсем недурно объяснялась на его родном языке.

Выступили в 1 час дня, как раз прекратился дождь, но дорога мокрая и грязная. У нас 10 возов (монгольские телеги на деревянных осях, запряженные быками). Со мною едут: Е. В. Козлова, препаратор В. А. Гусев, переводчик, рабочий-китаец, подводчик и лама-проводник. По моей просьбе, монгольское правительство прикомандировало к моему отряду чиновника в качестве представителя-посредника для всяких сношений и переговоров с местными властями. Мы двинулись вниз по долине реки Тола. Облака стали подниматься выше и редеть, показались полоски голубого неба. Когда караван вышел на хорошую прямую дорогу, мы с Елизаветой Владимировной быстрым шагом поскакали вперед, в Сангин (25 км от Улан-Батора), где предстояла первая ночевка. В одном из сухих русел мы заметили скопившийся изрядной кучей град. Становилось совсем прохладно. На утренней заре термометр упал до 5,0° С, на лугу была обильная роса.

2 августа.

Быки идут медленно, в особенности затрудняют их подъемы и спуски по грязной дороге. Следуем по левому берегу Толы. Ниже Сангина вскоре миновали старое городище, расположенное слева, у дороги. Видны стены и вал, ориентированные почти точно по странам света. Посередине — словно остатки цитадели или замка. И теперь еще эти центральные

развалины выше окружающего с обод (молитвенное сооружение в виде кучи камней) наверху. С юга — значительной длины подъем — вероятно, бывшая лестница.

Вторая ночевка — на вершине небольшого перевала через косогор, в урочище Баиртэ. Напротив нас на правый берег реки выходит небольшая долина с буддийским монастырем, приютившимся в устье речки. Берега Толы большей частью укрыты густой урёмой — ивняки, топольники, черемуха и буйные травы. Местами к реке подходят песчано-глинистые обрывы в 5—6 м высотой. Тола разбивается на рукава, многие из них частично заболочены и превратились в старицы, окаймленные густой осокой.

3 августа.

Ночь была холодная, утро ясное с восточным пронизывающим ветром. Вся долина реки достигает 20—40 км ширины, главные горные цепи, окаймляющие ее, отходят далеко. Второстепенные мелкие кряжи часто обрываются к самой воде. С косогоров любимая сеть блестящих лент, водных артерий, извивающихся узорами среди умерной растительности. Сегодня дорога тяжелая с песчаным грунтом. Уже через 8 км быки от жары высунули языки и отказались идти. Пришлось остановиться раньше времени в том же обширном урочище Баиртэ на высокой террасе. Вблизи бивака — старица, заросшая камышом, над которой летают орланы, серые цапли и крачки. Очень много комаров и мошки. В ближайших скалах добыли пару филинов.

4 августа.

Сделали краткую остановку у Баиртэ-дугуна, расположенного у дороги. Это — небольшая кумирня, которую обслуживают двое или трое лам и 7 или 10 мальчиков-учеников. Храм — деревянный, чистый, с двумя рядами сидений для лам по сторонам главного прохода к престолу. Бурханов довольно много: Арьяболо десятиликий, Будда на алмазном престоле, Дархэ, Цзонхава, несколько докшитов. Вдоль прохода висят писанные иконы и хадаки, стоят барабаны.

В долине Толы древесная растительность по мере продвижения к западу беднеет. Вдали видна уже степь. Отметим сегодня выводок индийских гусей со стариками.

Остановились на ночевку в степной части долины.

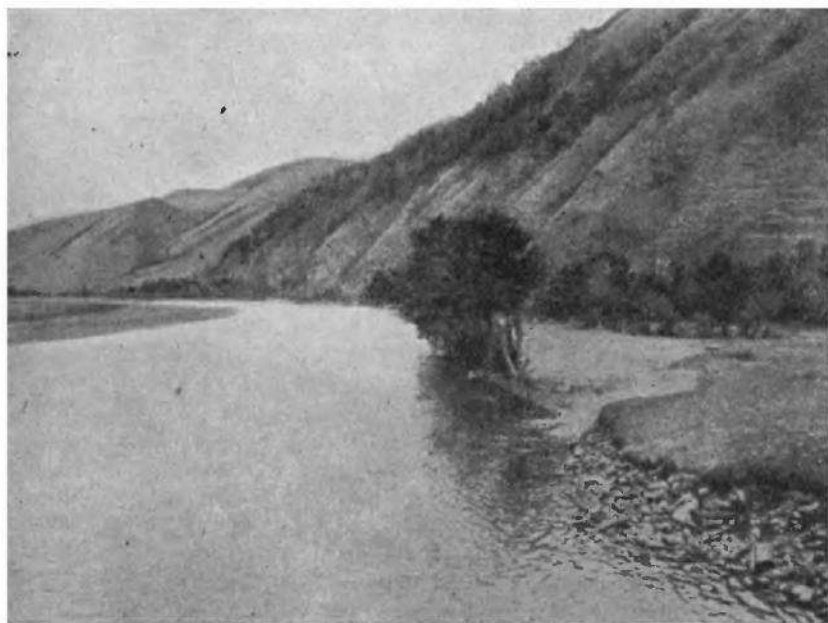
5 августа.

Дорога стала гораздо лучше — ровнее и крепче. На пути видели несколько стаяк копыток (*Syrrhaptes paradoxus*), появились и большие монгольские жаворонки (*Melanocorypha mongolica*). У встречных монгольских стойбищ пасутся стада

баранов и лошадей. Везде предлагают кумыс. Население, видимо, зажиточное. Во вторую половину дня миновали в отдалении два монастыря на правом берегу Толы — Далай-хутух-тэн-курэ и Тарятин-дугун.

7 августа.

Днем сделали остановку в урочище Ульцзуйтэ-хошу. Здесь, на левом берегу Толы, довольно большой район долины занят

Река Тола в урочище Сангин (ниже Улан-Батора)

барханными песками. Напротив, на правом берегу реки, виден островок тальниковых зарослей — урочище Бургустэ-булун. Пески меня заинтересовали, надо будет их осмотреть.

К вечеру достигли урочища Улху-булун, расположенного у крутого поворота Толы к северо-западу. Место очень приветливое, с мелкими озерками и речкой, заросшими тростником. Вдали видны горы — Бичиктэ-дулан-хада. Птиц — водоплавающих и голенастых — много, можно будет хорошо пополнить орнитологическую коллекцию.

В Улху-булуне думаем пробыть некоторое время, может быть неделю или две, сколько потребуется для тщательного исследования окрестностей, включая и песчаные барханы. Всего от Улан-Батора мы прошли 131 км.

8 августа.

Ловили неводом рыбу в Толе. Преобладающим видом являлась красноперка, были также усачи и окуни. По берегам озер стоят черные аисты (*Ciconia nigra*), серые цапли (*Ardea cinerea*), в степи виднеются журавли-красавки (*Anthropoides virgo*). По водной глади скользят красные утки, кряквы, чирки. Индийские гуси (*Anser indicus*) держатся на самой Толе. В воздухе носятся крачки-ласточки (*Sterna hirundo*), золотистые ржанки и другие кулики. Отмечены и малые дебеды (*Cygnus bewicki*), а также гуси сухоносы (*Cygnopsis*). С утра слышен крик перепелов. Погода ясная, теплая, ночи также не холодные. Пока по ночам приходится дежурить, так как мы стоим у проезжей дороги, а кроме того надо присматривать за лошадьми, которых перед рассветом пускаем кормиться.

9 августа.

Ездили в «пески», которые я отметил в самой долине Толы, несколько не доезжая урочища Улху-булун. Тропинка наша шла лугами, покрытыми клевером и разнообразными цветами. Много раз пришлось переправляться через узкие, вытянутые в длину озерки, несомненно соединявшиеся когда-то в боковой рукав Толы. Сейчас озерки зарастают тростником, а местами они уже превратились в болота, где ютились бекасы, кроншнепы и улиты. По сторонам везде паслись табуны лошадей и белели стада овец. Проехав 6 км от нашего лагеря, мы поднялись на небольшую поперечную грядку, пересекавшую долину Толы, и увидели расстилавшуюся к востоку полосу песчаных барханов. Ближайшие песчаные бугры были одеты низкорослыми кустиками караганы и редкой травой. Дальше высились уже совершенно оголенные барханы. Песок — желтый, мелкозернистый. Мы долго блуждали среди песков, надеясь найти следы древних построек, о которых нам говорили монголы. Поиски наши, однако, не увенчались успехом. Из птиц мы отметили здесь сарыча, пустельгу и целый выводок удонов на одном кустике караганы. Хотя я и отметил много следов ящериц и жуков, причудливо разрисовавших гладкую поверхность песка, но самих животных мы не видели. Между тем солнце стало сильно прилекать, появились овода, от которых страдали и лошади и седоки. Мы повернули обратно к лагерю и около 5 часов были уже дома.

10 августа.

Каждую ночь мы собираем на фонарь бабочек. Сегодня лёт был довольно хороший, и ночные дежурные не скучали... День прошел в очередных экскурсиях за птицами и насекомыми.

11 августа.

Снова ездил к песчаным барханам. На этот раз держал направление к горам, окаймляющим долину Толы (по ее левому берегу). Здесь, вблизи ущелья Буцзыхэ, с несколькими тополями намечается южная граница песков, сползающих до самого подножья береговых высот. От гор мы пересекли пески по направлению к Толе, видели много блестящих жуков (*Cicindela*), долгоносиков, отметили пустынную славку и рыжехвостого сорокопута, собрали новые для нас образцы растений и снова вернулись домой разочарованные: никаких развалин древнего монастыря мы не обнаружили.

13 августа.

Сегодня мне удалось разговориться с одним монголом (с помощью переводчика, конечно) по поводу памятников древности; он согласился показать мне место, где находится каменная черепаха, и мы тотчас поехали. К югу от нашего лагеря в Улху-булуне, всего в каких-нибудь 3—4 км, на равнине мы увидели обр. Неподалеку от него — три кургана — могилы с остатками каменных человеческих фигур, от которых по направлению к востоку, к горам, были положены в одну линию плоские камни, словно намеченная тропинка или какой-то указатель в определенную сторону. На одной из могил в углублении покоилось огромное каменное изваяние черепахи. Она большей своей частью провалилась или, вернее, опустилась, в землю. Над поверхностью почвы выделялись только голова и спина. На спине — прямоугольное отверстие, как будто для каменной вертикальной плиты, а вокруг него — оригинальный орнамент. Придется откопать черепаху, чтобы сфотографировать. Здесь же, на ближайшем холме со сланцевой скалой, мне удалось удачным выстрелом убить влёт сарыча. С южной стороны холма я обнаружил целый ряд керексурсов (7); неподалеку, по восточному склону соседнего пригорка, было еще 4 керексура. Экскурсия наша закончилась удачной ловлей мух и бабочек. В 2 часа дня я был уже в своем лагере. Дома я застал недавно возвратившуюся с озер Елизавету Владимировну, которая принесла улита (*Tringa nebularia*) и двух черных крачек (*Chlidonias leucoptera*).

Я остался очень доволен своей поездкой и наградил монгола Жамцарано, показавшего черепаху, куском парчи.

Вечер наступил прохладный, но, несмотря на это, ночных бабочек летело очень много на наш ацетиленовый фонарь.

14 августа.

С утра отправил помощников откапывать черепаху. Погода отличная, солнечная, днем жарко, а по утрам, вечерам и ночью совсем прохладно. Наступает лучшее время в Центральной Азии.

После обеда ездил с Елизаветой Владимировной к черепахе. Оказывается—она сильно пострадала от времени. Голова отделилась от туловища. Та часть изваяния, которая выступала над поверхстью земли, попорчена атмосферными агентами: верхний слой мелкозернистого гранита словно потрескался, а местами даже отслоился. Левого глаза совсем нет. На одном боку черепахи, под защитой земли, хорошо сохранился иероглиф, на другом — изображение змеи. Прекрасно сделаны лапы, несколько выступающие из-под панцыря. Длина каменной черепахи 185 см, ширина 110 см, высота 37,5 см.

Вечером снова ловили ночных бабочек на фонарь. Лёт начинается после 9 часов вечера, особенно, усиливается около 10—11 часов, а затем постепенно замирает. Много летучих мышей. Всю ночь с соседнего болотистого озера доносятся птичьи голоса. Чаше других свистят кроншнепы (*Numenius arquatus*) и мелкие кулички.

16 августа.

Очень жаркий, душный день. Много комаров и мошек. Я снова был на работах. Одновременно с откапыванием черепахи мои спутники начали исследование одного из курганов, увенчанного каменным изваянием человека. Пока углубились на 1 м, но результатов никаких, за исключением нескольких черепков и дна от глиняного сосуда с рисунком змеи.

К вечеру разразилась сильная гроза, которая все-таки не помешала нам проявить 18 снимков. Все вышло удачно, в том числе и черепаха.

17 августа.

Серое, облачное, дождливое утро; прохладно. Появилось порядочно бекасов; Елизавета Владимировна видела гаршнепа. Барометр падает. К нам заходили проезжие монголы из Эрдени-цзу: лама и его спутница. Гости пили у нас чай, держали себя с большим тактом, спрашивали о наших работах и с интересом просмотрели от начала до конца мою книгу «Тибет и далай-лама», восхищаясь иллюстрациями.

Вечером — восточный ветер и дождь. Лов бабочек на фонарь — слабый. Всю ночь мучали комары и мошка.

18 августа.

Снова дождь, но мы продолжаем раскопки могил около черепахи. В кургане под слоем земли найдены кирпичи и черепки глиняной посуды, расположенные кольцом по середине погребения. В западной части этого кольца попался глиняный барельеф, изображающий мифического зверя с гривой и крыльями. Найдены обломки угля, мелкие кости. Сфотографировал запад-

ный круглый курган, выложенный камнем, с неглубокой воронкой по середине. Завтра думаю приступить к его разработке.

19 августа.

Пролетных птиц становится все больше и больше. Особенно много уток и куликов. Бекасы (*Capella gallinago*) не дают

Гранитная черепаха, найденная экспедицией на пути в Хангай в излучине Толы

покою, но пока охотюсь на них неудачно. Они очень осторожны, и по 3—4 штуки срываются шагов за 80. У пищух около их нор заготовлены стожки сена на зиму. Наши животные давно уже уничтожили все запасы этих грызунов вблизи бивака. Спутники рассказывали мне, что в Забайкалье бурята специально ездят на телеге и собирают граблями сухую траву, заготовленную сеноставками.

С утра спутники отправились на раскопки, а я сторожил лагерь и занимался ловлей мух и шмелей. К вечеру съездил на курган, но ничего интересного там не увидел. Обнаружены только еще мелкие кости грызунов и один череп на глубине двух метров, в цементированном галечнике. Над слоем галечника залегает песчаник, еще выше—небольшой слой почвы.

В течение дня несколько раз принимался итти дождь. Облака плывут с северо-северо-запада.

20 августа.

Утро облачное и прохладное. Ночь была душная, сильно беспокоили комары и мошка. Все мои спутники снова на кургане. Там работы заканчиваются. Находки наши мало интересны: только кое-какая керамика, образцы кирпича, которым выложен пол, уголь, гвоздь и другие мелочи. Каменные изваяния расставлены нами на прежние места. В 27 шагах к юго-востоку от черепахи покоится торс; в 27 шагах к юго-западу — туловище четвероногого животного без головы. К востоку от вскрытого нами кургана стоят еще две фигуры также без голов: мужская и женская.

Неподалеку от места раскопок, у западно-юго-западного подножья небольшой скалистой вершинки, я обнаружил круглую могилу, диаметром в 11 шагов, выложенную крупными неокатанными осколками сланца. С южной ее стороны были подобраны более мелкие камни.

К вечеру с севера стала надвигаться на нас грозовая туча, однако все ограничилось сильным ветром, едва не сорвавшим палатку. Вдали играли зарницы, но грома не было слышно.

21 августа.

Утро прохладное, ясное с сильным северо-западным ветром. На бивак доставлен материал из вскрытого кургана.

Вечером ходил на озерки. Хотелось добыть на вечернем перелете гуся. Погода выдалась чудесная, было тихо и ясно. Запад горел огнем, а восточная часть неба окрашивалась в нежные темноголубые и розовые тона. В зеркальных поверхностях озерков отражались темные горы и яркое небо. Вскоре на южном небосклоне стал виден Юпитер, а на западном — медленно поднималась из-за горизонта Венера.

Все было очень хорошо, надоедали только комары, тотчас облепившие меня. На северо-запад протянула одна стая горных гусей, спокойно переговариваясь своими низкими голосами. К юго-востоку направились небольшая группа сухоносов (*Cygnopsis cygnoides*) с хриплыми криками. На берегу озера, не замечая человека, ходили чибисы, большие крошкнепы и улиты (*Tringa nebularia*). Сзади меня медленно проследовала серая цапля и тоже подала голос — неприятный, резкий. Стая чирков (*Querquedula querquedula*) с невероятной быстротой промелькнула мимо. Только когда уже стало совсем темнеть, на еще светлой северо-западной части неба я увидел две быстро приближавшиеся темные линии; они явно направлялись к моему озерку. Это были горные, или индийские, гуси (*Anser indicus*). Они покрикивали, и с воды откликались их собратья. Мой выстрел нарушил тишину. На озере поднялась суматоха, взлетели утки, гуси, но, покружившись, сели опять, и через 2—3 минуты снова водворился мир. Только у ног моих лежал, белея в сумерках, большой гусак.

22 августа.

Вчера вечером температура упала до $8,5^{\circ}\text{C}$, но сегодня совсем летний, жаркий ясный день с прозрачным воздухом. С утра фотографировал долину Толы, наши ближайшие озера в этой долине и вообще сделал несколько ландшафтных снимков. На пути к биваку случайно видел, как мой препарат по мелководью преследовал раненого горного гуся. Человек бегом пересекал довольно широкое озерко, а гусь уходил вплавь. Приблизившись к берегу, птица вынуждена была выбраться на землю, и тут охотник настиг ее без труда. Только у нас в экспедиции возможны такие способы охоты. Мы бережем каждую птичью шкурку, а потому стараемся никогда не достреливать добычу и брать ее так или иначе с одного выстрела.

Под вечер спутники неводили в одном из озер. Рыба мелкая — все больше попадались усачи и только один карась, приобщенный к коллекции.

На закате снова ходил на гусей, но охота была безрезультатна. Птицы летели вяло и вразброд. Дал несколько промахов на большие расстояния.

23 августа.

День ясный и теплый. Все на экскурсии с утра. Беседовал сегодня с одним китайцем, следовавшим из Улан-Батора к месту своего жительства, в Далай-гун. Он заинтересовал меня рассказами о каменных могилах в районе этого монастыря.

К вечеру крепкий северо-западный ветер пригнал слоистые облака, сразу стало свежо. По сторонам в горах чернели тучи, шел дождь, до нас доносились раскаты грома, но в долине реки грозы не было и только бушевал ветер, продолжавшийся и ночью.

24 августа.

Небо затянуто облаками, ветер не унимается, утром было $+8,0^{\circ}\text{C}$. Решил отправить приветственную телеграмму в Академию наук ко дню ее двухсотлетия. Вечером пытался произвести астрономические наблюдения, но из-за облачности пришлось это дело отложить.

25 августа.

С утра отправился на берег Толы к высокому скальному обрыву, ниспадающему в реку и расположенному на мысочке в семи километрах к северо-западу от нашего лагеря. Эти скалы называются Улхун-ходэн-хошу; с них открывается прелестная панорама на изгиб Толы, которая как раз здесь сворачивает к северо-западу, а потом к северу. Воды реки в главном русле несутся стремительно; под самым обрывом, в рукавах Толы и старицах — течение замедленное. Один из рукавов здесь же сливается с рекой, омывая островок, заросший

тальяником. На противоположном берегу на песчаной отмели сидели в ряд торные гуси. К востоку и югу в расширении долины разбросаны многочисленные озерки (место нашего лагеря), намечающие прежнее более южное направление реки. На пути к Улхуин-ходэн-хошу мы отметили группу из четырех холмов, увенчанных обо. У подножий двух холмов и между ними валегают керексуры. Это место монголы называют Улхуин-саманда. День был теплый; воюду у подножий холмов, на цветах и по скалам держались мухи, бабочки и шмели, которых мы усердно ловили. Вечером, в 9 часов, температура опустилась до 4,5° С. В темноте слышался гогот гусей, доносившийся с мелких озерков, на небе — ни облачка.

26 августа.

Снова навестил Улхуин-ходэн-хошу. По дороге с болота вспугнули несколько бекасов и серых цапель. Видел вдалеке нескольких черных аистов, около озерков — множество разнообразных куликов, а на воде — уряков и чирков. Я занялся энтомологическими сборами, а Елизавета Владимировна отправилась на экскурсию вдоль старицы реки Толы, где росли ивняки и виднелись скалы. В скалах она обнаружила гнездо горного гуся с полной кладкой яиц. Гнездо было брошено может быть потому, что в ближайшем соседстве держалась пара филинов. Во время обратного следования к биваку стало очень жарко, наши верховые лошади подпрыгивали и били ногами, так как их кусали овода, на плотных кочках они часто спотыкались, вообще ехать было неприятно. Из Улан-Батора привезли почту и много всяких новостей. К вечеру над Толлой стлался туман, вдали были волки, небо попрежнему было чистое, ясное.

28 августа.

Сегодня нас раньше обыкновенного разбудили подводчики со своими быками, запряженными в монгольские телеги. Мы трогаемся в дальнейший путь. Весь день ушел на укладку коллекций, а я заканчивал печатание недавно сделанных снимков.

29 августа.

Снова чудесная, ясная, тихая погода. Мы предполагали выступить после обеда на юго-запад, но совершенно неожиданно наши караванные животные — быки — куда-то исчезли. В течение утра я несколько раз спрашивал подводчиков: где их быки? В ответ монголы указывали мне на небольшое стадо, пасшееся на ближайших холмах. На проверку оказалось, что указанное стадо состояло из коров, а тележные быки видимо ушли далеко в поисках лучших пастбищ, как это они любят делать в Монголии. В довершение неприятности, утонула в озерке стреноженная лошадь, которая забралась в воду,

спасаясь от мошек и оводов. Выступление экспедиции пришлось отложить до следующего дня.

Воспользовавшись вынужденной стоянкой, я вечером ходил на перелет гусей к знакомому небольшому озерку. Летели горные гуси, сухоносы (*Cygnopsis cygnoides*), а однажды протянули светлой лентой семь лебедей-кликун (*Cygnus cygnus*). Добыл лишь одного горного гуся, а мой препаратор удачным выстрелом убил двух молодых гусей того же вида (*A. indicus*). Возвращался в палатку при ярком свете луны по знакомой тропинке.

30 августа.

В 5 часов 30 минут утра мы, наконец, выступили из Улхуин-булуна, покинули долину Толы и направились на юго-запад к массиву Бичикте-дулан-хада (к горе «Письмена теплых скал»). Наша дорога шла по увалам, а Тола осталась далеко внизу. Около 10 часов остановились на краткий отдых. Солнце пригревало ощутительно. Везде виднелись норы сурков (тарбаганов), а по степи разъезжали монголы — охотники за этими жирными прыгунами. Тарбаганы при нашем приближении становились на задние лапки, громко свистели, а ватем, увидев бегущих к ним экспедиционных собак, опрометью бросались в норы. Наш охотничий пес Гароль прекрасно ловит сурков совершенно самостоятельно и хорошо помогает при охоте на них. Я любил смотреть издали, как подкрадывается бывало кто-либо из спутников к кормящемуся вдали от норы тарбагану, как осторожно идет впереди собака, озираясь все время на охотника, и как, наконец, после выстрела Гароль мчит к добыче и схватывает ее у самого отверстия в нору, а потом передает стрелку. А в небе в это время кружат несколько коршунов, на выстрел прилетают вороны — все ждут лакомого куска.

Около шести часов вечера мы разбили лагерь около скал массива Бичикте-дулан-хада, вблизи колодца. В воздухе чувствовалась большая сухость и тепло, чем на берегу Толы. Вода в колодце оказалась превосходной, и мы решили прожить здесь несколько дней для подробного осмотра писмен на скалах.

31 августа.

Сухое, полужасное, но прозрачное утро. В первую половину дня занимался фотографированием скал с рисунками, санскритскими и уйгурскими надписями. Из рисунков чаще всего встречались изображения козлов. Некоторые небольшие «камни» были сплошь покрыты таким звериным орнаментом. В одном месте меня заинтересовал рисунок кисти руки; «отпечатки» пальцев сохранились очень ясно. Бичикте-дулан-хада — это гранитный массив, сложенный мощными складками. Склоны его круты, местами отвесны. Скалы изборозжены трещинами

и сильно разрушены. Много матрацевидных отдельностей, а также столбов, башен и куполов разной формы. Несколько ущелий прорезают горы. В одном из ущелий я заметил пещеру с настилом из соломы, на которой было много помета хищных птиц.

У подножья Бичикте расположено множество керексуров, как бы опоясывающих ее. Я проехал вокруг главного массива (всего $7\frac{1}{2}$ км), осмотрел все могилы и остался очень доволен своей экскурсией.

Во вторую половину дня ловил насекомых около скал и у водопоя. Ночью на фонарь к колодцу летело множество ночных бабочек, и лов был необычайно удачен.

1 сентября 1925 г.

Ночью к нам подходил волк. Дежурившая с 1 часа ночи до 5 утра Елизавета Владимировна сидела у самого колодца и ловила бабочек. Подняв глаза, она в свете фонаря увидела в нескольких шагах от себя характерную фигуру волка с поджатым хвостом. Он стоял в нерешительности и, видимо, пришел на водопой. Ружье дежурного стояло в стороне (очень неосмотрительно!), а потому зверь не был добыт. Елизавета Владимировна с досады бросила в него несколько камней. Только когда волк пустился наутек, залаяли наши собаки, и к ним присоединились еще другие, принадлежавшие нашим соседям — охотникам за тарбаганами.

С утра снова отправился в объезд массива Бичикте. Главное внимание в этот раз я обращал на каменные могилы — керексуры — и «плиточные» (обставленные вертикально стоящими каменными плитами), которых у подножья Бичикте и в ущельях ее я насчитал всего 71. Некоторые могилы оказались разрытыми. Ямы достигали в отдельных случаях двух метров глубины, но чаще были менее глубоки.

После обеда мы направились в дальнейший путь, к юго-западу, в сторону монастыря Мишик-гун. С ближайшего невысокого перевала мы увидели впереди мягкие холмы и в их центре маленькую горную гряду, протянувшуюся от юго-юго-востока к северо-северо-востоку. Вокруг нас расстилался степной простор. Травы опшвели, пожелтели и отливают золотом. Наш бычий неуклюжий караван то поднимался на холмы, то вновь спускался в мелкие долины. С каждой новой вершины виднись все ту же однообразную картину всхолмленной степи. С одного из более высоких увалов показался на западе зубчатый темный массив Хайрхана, к которому примыкала горная цепь. На дороге нам повстречался китаец с целой сотней телег, сруженных шерстью. Несколько раз видели табунки дзеренов, везде по холмам обивали тарбаганы, перелетали монгольские жаворонки (*Melanocorypha mongolica*), изредка проносились стаи больдуруков (*Syrhaptes paradoxus*). На

ночлег остановились в урочище Сучж, вблизи сухого русла, под небольшим перевалом. Вечером заоблачнело, подул сильный юго-западный ветер, пошел дождь, не прекращавшийся до самого утра.

2 сентября.

Выступили немногим позднее обыкновенного — в 6½ часов облачного утра. Со второго более высокого перевала Сучжен-

Массив Бичикте-дулан-хада, где найдены скалы с древними письменами

хотул увидели впереди широкую степную долину, замыкавшуюся на западе массивом Хайрхан. Везде виднелись многочисленные стада овец, рогатого скота и лошадей. Обеденный привал сделали у колодца Сучж, в урочище Аринчи-хайрхан. Колодец был выложен каменными плитами и оказался неглубоким: до воды всего 30 см, мощность водного горизонта 1 м. Вкусная, холодная вода быстро утоляла жажду людей и животных. Видимо, этим колодцем пользуются и все окружающие монголы со своими стадами.

Во вторую половину дня мы спустились в котловину Тухум-нор. Еще издали нам открылись два соленых озера Ихэ-тухум и Бага-тухум, ярко блестевшие серебром под лучами опускавшегося к горизонту солнца. Неподалеку, у колодца расположился небольшой монастырь. В Баинтухумской озерной

впадине проживает много кочевников, с огромным количеством скота. На отличных солончаках и полупустынных травках пасутся верблюды. Во время этого перехода мы отметили несколько змей, из которых одну взяли в коллекцию. Бивак разбили уже в сумерки, против монастыря. Ночь была прохладная, но тушканчики резвились вокруг нас, как летом. Низко над нами протянула стайка журавлей (*Grus grus*) и пролетел камышовый лунь (*Circus spilonotus*). До темна блестя перед нами солончаки — словно полосы воды — и манили к себе наших собак, которые напрасно бегали к ним, стремясь утолить жажду.

3 сентября.

Ночь была тихая, в первой половине облачная, а затем ясная и прохладная. Утром мы обнаружили, что оба соленых озера в данное время совсем высохли и блестели корочкой соли. Единственный в котловине колодец находился близ монастыря, но мы им не пользовались, так как довольствовались привезенной в бидонах водой из прекрасного колодца Сучж. Перед нами расстилалась все та же необозримая равнина, чуть всхолмленная невысокими увалами и грядами возвышенностей. Дорога проходила между двумя пересохшими солеными озерами. Миллионы озерные западины, мы поднялись на плоский перевал, откуда вдалеке сразу отметили ярко-зеленые лужайки, окаймляющие ключ Загастэ. Над нами несколько раз проносились небольшие стайки бульдуруков (копыток), однажды на расстоянии полукилометра наш путь пересекла парочка антилоп-дзеренов (*A. gutturosa*). Везде было очень много сурков и мышевидных грызунов, а также промышлявших ими сарычей (*Buteo hemilasius*) и соколов (*Falco cherrug*).

К полудню мы подошли к ключу Загастэ, и так как место показалось нам приветливым и оживленным в отношении птиц, то решили остановиться здесь на ночлег. Вечерние экскурсии принесли нам одного сарыча, двух соколов и нескольких пролетных птичек: варакушку (*Cyanosylvia svecica*), малую мухоловку (*Muscicapa ragva albicilla*), желтую и белую плисок. Видели нескольких земляных выюров (*Pyrghauda davidiana*), степного орла и беркута. Но больше всего поражаало обилие сарычей. Над долиной Тухум я отметил в одном месте 15 особей этих крупных птиц, летевших довольно высоко, стаей, словно галки.

4 сентября.

Ночью было прохладно, температура упала до -3°C . Выступили в 5 часов 30 минут утра, и снова направились к юго-западу. В пяти километрах от ключа Загастэ, к северу от нашей дороги, под защитой гор расположился маленький монастырь Чортэн-дугун. Вокруг него на покатой луговине были

разбросаны юрты номадов, а в стороне я заметил целый ряд уже развалившихся круглых каменных печей, в которых, по-видимому, обжигали кирпич на постройку монастыря. Пастбища в окрестностях были хорошие, везде паслись стада рогатого скота и овец.

В середине дня мы остановились на обед у родников Гурбун-тэргэн, а к вечеру, уже в сумерках, добрались до перевала Нормитэн-хотул, откуда до монастыря Мишиик-гун оставалось всего 5 км. Ключи Гурбун-тэргэн расположены в ложбине, где залегает несколько болотистых озерков. Около первого, восточного и верхнего, ключа я отметил небольшую квадратную могилу, обставленную каменными плитами. По середине погребения стоят 2 более крупных, бесформенных камня, до 1 м высотой.

Путь от ключей до монастыря Мишиик-гун проходит по пересеченной местности. Мы пересекли несколько небольших горных гряд, по крутым склонам которых виднелись выходы крупнозернистых выветрелых гранитов самых разнообразных очертаний.

5 сентября.

Сегодня мы перекочевали поближе к Мишиик-гуну и устроились лагерем у колодца Нарини-худук, в 1½ км от монастыря и русских торговых организаций. Невдалеке виднелось болотистое озерко, тотчас же намеченное нами для первых экскурсий. Во вторую половину дня меня посетили служащие Монценкоопа. Все соотечественники оказались очень милыми, приветливыми людьми, познакомили меня с местным монгольским начальством, от которого я получил разрешение на осмотр монастыря, основанного около 120 лет тому назад. В Мишиик-гуне постоянно проживают до 200 лам, обслуживающих 14 храмов. Меня поразила чистота на улицах. Около построек везде был аккуратно сложен длинными рядами аргал (помет домашних животных) — единственное топливо в этой безлесной местности.

К вечеру разразилась гроза, полил дождь, а в окружающих горах выпал град. Наш бивак несколько затопило, и пришлось долго сушить вьюки.

9 сентября.

Погода изменила нам. Второй день, почти не переставая, идет дождь. Несмотря на это, ко мне приехал начальник местного монгольского управления, назначил нового проводника до Ильдэн-дэли-курэ, снабдил его соответствующим документом и рассказал, что в урочище Дут-нор, неподалеку от нашей стоянки, имеются письмена на скалах. Дорогу к письменам знает новый проводник Вачир. Горю нетерпением разыскать эти скалы, хотя по сведениям местных жителей, кто-то уже снимал копии с надписей и доставил их в Улан-Батор.

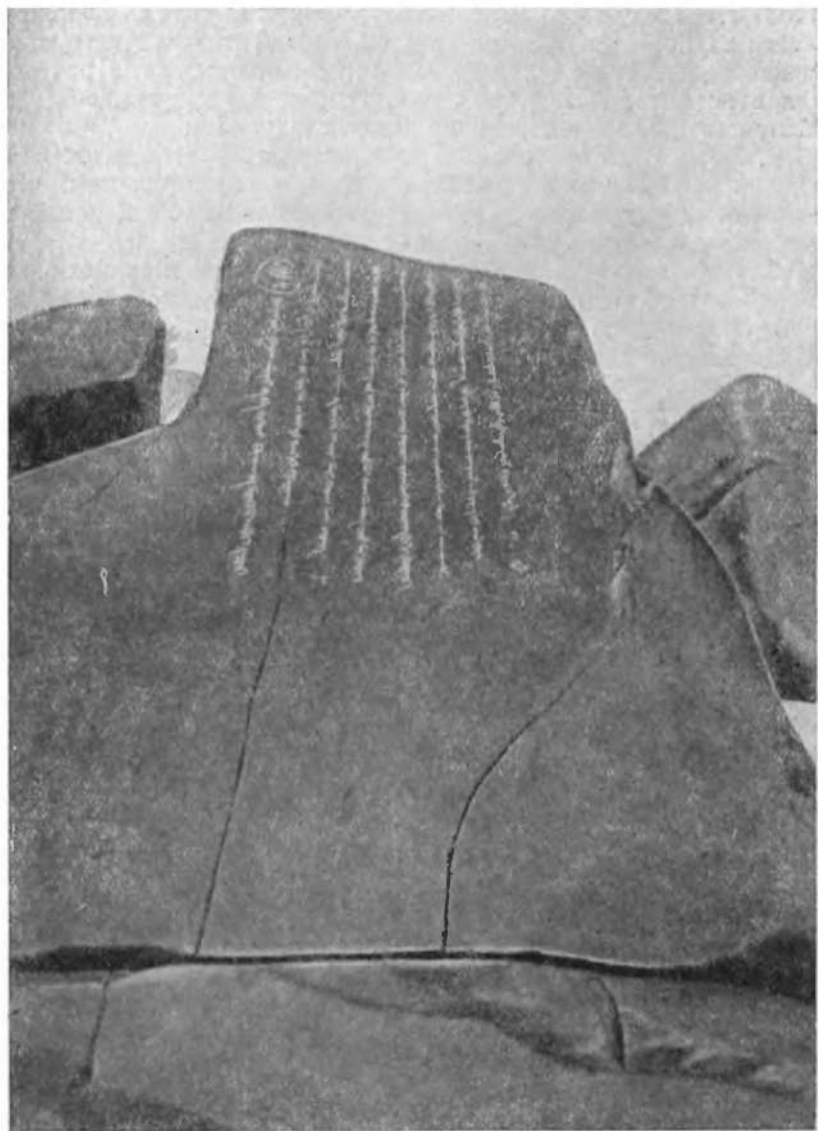
Наши зоологические коллекции значительно пополнились в Мишик-гуне, главным образом пролётными птицами. Добыты ржанки (*Charadrius dominicus fulvus*), камнешарка (*Streptopelia interpres*), песочник (*Erolia minuta*), плавунчик (*Phalaropus hyperboreus*) и другие.

11 сентября.

В 6½ часов утра я отправился в урочище Дут-нор осмотреть скалы с надписями, о которых мне рассказал местный дарга (начальник). Путь наш пролегал к юго-востоку от монастыря Мишик-гун, вдоль долины, граничащей на юге с горами Тармцык. Кругом — степь, на прекрасных пастбищах — многочисленные стада овец. Монгольские стойбища располагались ближе к горам, около ущелий. Местность постепенно повышалась. Долина, окаймленная на севере и юге мягкими горными грядами, кое-где перегораживалась цепями увалов. На восьмом-десятом километрах от Мишик-гуна хорошая дорога кончилась, мы стали оклоняться к югу и пошли по отлогим предгорьям. В расширенной части долины отметили два небольших озерка, носящих одно и то же название «Цайдам». На северо-востоке показалась вершина Харат, на востоко-юго-востоке — Хошюн-хара. Постепенно поднимаясь в горы, мы пересекли несколько ущелий и наконец миновали мягкий степной перевал, откуда к юго-юго-востоку открылся ряд поперечных каменистых гребней. В логах встречались местные охотники, промышлявшие сурков-тарбаганов, тут же паслись стада скота.

Проехав километров 20 от Мишик-гуна, проводник заявил, что скалы с надписями должны быть близко, но он точно не помнит их местоположения, а потому он принялся их разыскивать, пуская лошадь вскачь и сворачивая то в одну, то в другую сторону. Я же ехал медленно, придерживаясь одного направления. Впереди, на юго-востоке показалась довольно обширная котловина с озерным бассейном, вокруг которого группировались юрты кочевников. На пути нам нередко встречались выходы гранитов, а иногда и россыпи из очень крупных гранитных глыб. Наконец, мы с радостью услышали громкий крик Вачира, возвещавшего, что надписи найдены. Подъехав к нему, я увидел, среди многочисленных скал и отторженцев серого и розоватого выветрелого гранита, несколько больших темносерых диабазовых отдельностей с блестящей отполированной поверхностью, на которой четко и ясно выделялись вертикальные строчки длинной надписи на монгольском языке.

На одной скале было 17 строчек, на другой — 8. На соседних — тибетские, китайские надписи, а также рисунки животных и растений. Я долго любовался художественной гравировкой и сделал 6 снимков с замечательных скал с надписями

Скала с надписью в урочище Дут-нор близ Мишик-гуна

[Перевод этих надписей был сделан в 1926 году Б. Я. Владимирцовым. Текст первой надписи, в 17 строк: «Двадцать первого числа первой осенней луны года белой курицы (1621 г.) Цокту-тайджи, охотясь на северных горах Цэцэрлик, Хангай-хана, верхом на покрытом броней темнопнедом коне своим поднялся на вершину. Смотря на восток, тогда растрогался он очень в мыслях своих, вспоминая горячо любимую тетку свою, заплакал он и произнес следующее:

1. Хотя местопребывание царя верховных небожителей и ханов-владык, находящихся на земле, различается тем, что одно сверху, другое внизу, но один круг их блаженства и любви.

2. Если различно местопребывание бодисатв, находящихся в пещерах Akanistha, и тех, кто обладает мыслью совершенного озарения на золотой земле, то один круг их милосердия и сострадания.

3. Если оказываются иными обыкновение и вид славных сановников здешних ханов-владык и великих воевод мучителя Эрлик-хана, то один круг их различения правого и неправого.

4. Если различна жизнь человека, не могущего добыть благ и пищи, и дикого зверя, бродящего по горам и лесам, то один круг того, как они питаются, умерщвляя.

5. Если оказывается явно иным внешний вид человека, воющего вдали и вблизи, и волка, подстерегающего, бродя вокруг овчарни, то один круг их желаний насыщения.

6. Хотя далеки друг от друга Халха и земля Онгнигутов, земля моей горячо любимой тетки на Ононе-реке и моя, пребывающего больным на Орхоне и Толе, но один круг нашей взаимной тоски и любви.

7. Если не встретимся мы в этой жизни, то впредь во всяком последующем перерождении да будем всячески помогать друг другу подобно тому, как мать любовно опекает свое единственное дитя.

Так сказанное со слезами запомнил находившийся вместе с ним паж Эрхе и записал в книгу; а впоследствии, через четыре года, восемнадцатого числа первой луны настоящего года мыши (1624 г.), паж Дайчинг и богатырь Гуйенч написали это на скале».

Текст второй надписи, в 8 строк:

«Поклоняюсь Samantabhadra, Amitabha и Sakyamuni — Будде. Поклоняюсь Неваджа Varahi — матери и Vajrapani. Поклоняюсь верховному небожителю, хану и ханше и всякому благодетельному человеку: «Ом-мани-пад-мэ-хум» (шесть раз).

По приказу Халхаского Цокту-тайджи, племянника Вачир-хана, потомка Чингис-хана, паж Дайчинг и Гуйенч-богатырь в честь монгольского хутухту-хана написали на скале, подобной нефриту — драгоценности, в великий белый день пятнадцатого числа луны огня и тигра — первой из лун, года

дерева и мыши — первого из годов, когда прошло от года воды и коня, в котором родился Чингис-хан (1162 г.), четыре-ста шестьдесят четыре года (1626 г.)». — (Е. К.)].

На обратном пути наблюдали пару крупных орлов, вероятно беркутов, много земляных выюров (*Pyrghilauda davidiana*), клушиц (*Pyrghoscorax pyrghoscorax*), рогатых и малых жаворонков (*Eremophila alpestris* *Calandrella rufescens*). Около четырех часов пополудни были уже в Мишик-гуне.

12 сентября.

Ездил в ущелье Тэмэн-ама, в горах Тармцык. При входе в ущелье громоздились скалы серого и розоватого, мелкозернистого гранита, со включением какой-то другой темной и очень твердой породы. По крутому каменистому ложу бежал ручей, в дождливое время превращавшийся в грозный поток. По склонам и сейчас были видны следы высокого уровня воды, в виде гряд камней, аргала и всякого мусора, отложенных над дном ущелья.

Местные обитатели рассказывали о сильной грозе, разразившейся 28 июля текущего года, когда дождевые воды, сбегая по ущелью Тэмэн-ама, затопили всю прилежащую долину, превратив ее в огромное озеро. Пострадали будто бы люди и животные.

По мелким распадкам отлогие склоны были покрыты хорошей травой, а по скалам лепился мелкий кустарник. Животная жизнь оказалась бедной. Видели только сусликов, сурков, а из птиц — беркута, пустельгу, клушиц и пролетного камчатского соловья (*Calliope calliope*).

14 сентября.

Выступили из Мишик-гуна в дальний путь, к северо-западу, в сторону котловины с рядом солоноватых озерков. К обеду сделали 14 км и достигли дна котловины, урочища Хара-тологийнэн-нор, где неподалеку от солоноватого озера оказалось несколько прекрасных ключей с пресной водой. Везде хорошие пастбища, пасется домашний скот, стоят юрты кочевников. На озере, имевшем около 1 км в окружности, плавали лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*), горные гуси (*Eulabeia indica*), гуси-сухоносы (*Cygnopsis cygnoides*), белолобые казарки (*Anser albifrons*) и множество красных уток (*Casarca ferruginea*). По берегам бегали мелкие кулики, в траве кормились чибисы.

К вечеру, постепенно поднимаясь, мы приблизились к невысокой горной цепи, отдельные вершины которой носили названия: Дэлгэр-хан, Байн-ундурь и Халцзан. Заночевать пришлось, не дойдя до мягкого лугового перевала, в урочище Обургуджиртэ. Ночь была тихая, ясная, воздух прозрачный.

15 сентября.

С восходом солнца мы уже в дороге, в 7 часов утра пересекли перевал Илэстэ-ама-хотул, откуда открылся вид на новую, обставленную горами, котловину — Ара-гуджиртэ с одним соленым озером, несколькими родниками и обширными солончаковыми болотами. Здесь решили сделать дневку. У северо-западного подножья Дэлгэр-хана В. А. Гусев нашел прямоугольный керексур. Все ходили на экскурсии, но результаты были небогаты: несколько пролетных птиц, среди которых наиболее интересным оказался *Turdus obscurus*, до десятка ночных бабочек, целый ряд мух и шмелей. Собрал и все встреченные на вершине Дэлгэр-хана цветущие растения.

16 сентября.

Утро прошло в добавочных экскурсиях, а после обеда направились снова к северо-западу. Вправо от дороги я отметил на вершине холма небольшую древнюю могилу, около четырех метров в длину, ориентированную с юго-запада на северо-восток. По середине ее стоял гладкий, плоский обелиск более 1 м высотой, очень грубой работы. Поднимаясь с увала на увал, мы незаметно достигли перевала Гдагэн-хотул, представлявшего глубокую седловину в горной гряде. Нужно заметить, что пока, на восточной окраине Хангая, все перевалы, встреченные нами на пути, были луговые, мягкие и легко доступные даже для автомобиля.

С перевала снова открылась широкая впадина, граничившая на северо-западе с зубчатой горной грядой. На северном склоне перевала мы пересекли дорогу к монастырю Эрдэни-цзу и далее на Заин-шаби¹. Наш путь шел несколько западнее. По дну долины протекала небольшая прозрачная речёнка Хайя-гол от 1 до 2 м шириной и до 20 см глубиной, а дальше расстилалось обширное озеро Олун-нор, вблизи которого мы остановились на ночлег. Птиц около воды скопилось много. Гоготали пролётные гуси, свистели кулики, перемещались стаи уток. На берегу сидел орлан-долгохвост.

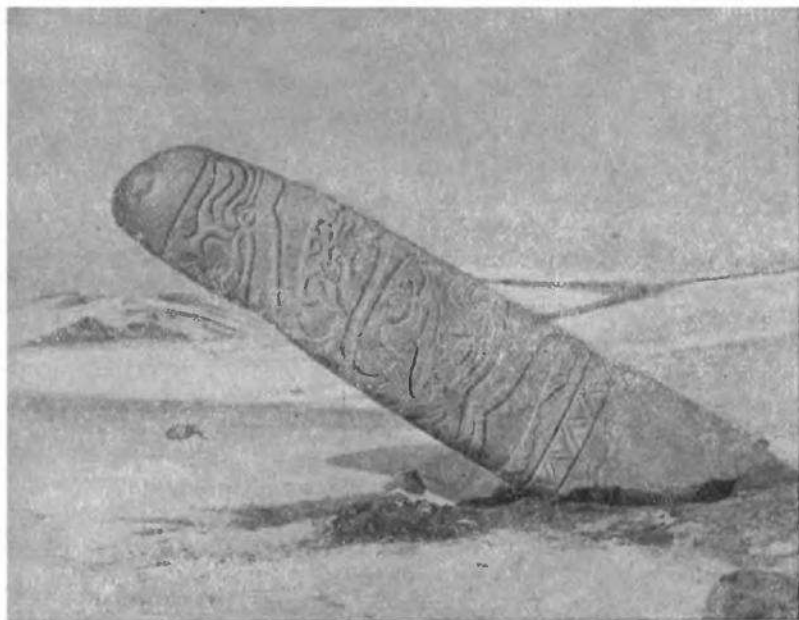
17 сентября.

Впервые в эту экспедицию мы спустили на воду нашу складную брезентовую лодку и сделали промеры глубин Олун-нора.

Описываемое озеро протянулось с северо-северо-востока на юго-юго-запад узким продолговатым бассейном, около 25 км в окружности; в него впадают только два маленьких ручья, бегущих из соседнего болота, с юга. Берега Олун-нора по большей части плоские, песчаные и только юго-западная узкая

¹ Ныне город Цэцэрлик — центр Араханганского аймака МНР. (Прим. ред.).

береговая полоса заболочена. Рельеф дна весьма однообразен: максимальная глубина — 1½ м в юго-западной части озера, где берега образуют нечто вроде залива. Здесь дно илистое, богатое донной флорой и фауной, среди которой больше всего найдено ракообразных. Глубина по продольной оси озера почти везде одинакова — 75—100 см. Дно песчаное, твердое, ни рыб, ни ракообразных в этой части бассейна не обнаружено. Вода Олун-нора слегка мутная и горьковатая на вкус. Пользоваться

Каменный обелиск—памятник седой старины (юго-восточный Хангай)

ею для варки пищи можно, но чай из озерной воды довольно невкусен. Наши караванные животные (быки и лошади) пили воду очень охотно, а большой табун монгольских лошадей ежедневно пригонялся к озеру на водопой.

Я весь день возился с печатанием и окончательной обработкой фотоснимков диабазовых скал с выгравированными надписями.

18 сентября.

Ночь была ясная и прохладная. К утру вся трава покрылась инеем, но днем стало жарко. Выступили во вторую половину дня и вскоре втянулись в ущелье Сэртэн-булак. Ключ, бегущий по дну его, в нижней части ущелья разлился и образовал болото.

Встали очень рано и к 7 часам утра поднялись уже на мягкий луговой перевал Сэртэн-хотул, а с него спустились в долину речки Шарин-гол. Местность попрежнему оставалась крайне однообразной: гряды холмов сменялись степными долинами с озерками или мелкими речками, бегущими с севера. Везде кочевья монголов, стада рогатого скота, овец и табуны лошадей. Из млекопитающих видели только тарбаганов, сусликов и мелких грызунов, из птиц — жаворонков и коньков (*Anthus richardi*) да изредка одинокого степного орла. Некоторое разнообразие вносили лишь речки и озера, где сейчас оставались пролётные пернатые.

Перевалив невысокий горный кряж (перевал Ар-худук), мы увидели долину речки Цаган-чолутэн-булак, а среди холмов — монастырь Далай-гун. Южный горизонт замыкался горами с плоской скалистой вершиной Хайрхан, северные склоны которой были укрыты лиственничными лесами.

Далай-гун основан тибетским ламой из Эрдэни-цзу и до 1923 года насчитывал около 1 000 лам. Сейчас население монастыря очень невелико, хозяйства у него никакого нет и монахи живут исключительно подаянием. Большая часть помещений заколочена. Мне хотелось осмотреть храмы, но настоятель Лодой-Габджи находился как раз в отсутствии и проникнуть в кумирни не удалось.

Я отметил группу из семи белых субурганов; самый крупный из них был расположен на западном холме и виден издали, тогда как весь монастырь скрыт в низине, среди увалов. Еще один белый субурган стоял на помосте, под которым имелся проход, наподобие ворот. Под этим субурганом принято прогонять скот, предназначенный к продаже. Поверье говорит, что только при соблюдении этого обычая хозяйство продавца после торговой сделки не пострадает и благосостояние его увеличится.

Речка Цаган-чолутэн-булак течет к северо-северо-востоку, вода ее прозрачная, дно каменистое. Ширина ложа — всего 2—3 м, глубина от 30 до 40 см.

Наш караван вскоре оставил долину этой речки и стал подниматься по луговому увалу, на котором высились серые гранитные скалы и матрацевидные отдельности. По склонам растелился ковер эдельвейсов (*Leontopodium sibiricum*), изредка встречались синие горечавки. Везде много нор тарбаганов.

Мы разбили бивак в 15 км к юго-западу от Далай-гуна, в долине речки Цзагастэ, берущей начало из ближайшего озера Сангин-далай-нор. В долине много болотистых понижений и мелких озерков. На западо-северо-западе возвышался в 8—10 км горный массив Дулан-ула, протянувшийся от северо-востока на юго-запад. Северные склоны его одеты хвойными лесами, южные — покрыты пышными травами.

20 сентября.

Еще с вечера погода испортилась, пошел сначала дождь, а затем град вместе со снегом. Всю ночь бушевал ветер. Утром ненастье продолжалось; окрестные горы были убелены снегом до подножия. Холод и осадки никак не отражались на полёте птиц: весь день слышались в небе крики следовавших к югу стай серых журавлей и гусей-гуменников. На биваке кормились белые плиски, бродили около самых палаток и выючных ящиков. К вечеру погода улучшилась, выглянуло солнце, и мы устроили практическую стрельбу из винтовок. Результатами я остался доволен, все спутники стреляли удовлетворительно, только один наш рабочий, китаец Фучин, оказался плохим стрелком.

22 сентября.

Ездил вниз по реке Цзагастэ в Монценкооп за сведениями о памятниках старины. Ничего особенно интересного я не услышал. Указали мне на целый ряд керексурсов, расположенных около гор Дулан-ула, и посоветовали поговорить об исторических памятниках со здешним аборигеном — старым монголом Туботом. В результате я познакомился с несколькими точными могилами у подножья гор правого берега Цзагастэ. На пути в долине речки видели 6 дроф, 2 пары лебедей-кликунов и трех дзеренов (*Antelope gutturosa*).

23 сентября.

Попрежнему пасмурно, сыро и холодно. Все ходим в полубухах, а, между тем, на голубых горечавках держатся шмели и мухи. Во вторую половину дня периодически стало показываться солнце, и в светлые проблески я отметил несколько видов бабочек. Ловили рыбу в Цзагастэ. Попалась одна мелочь, которая поступила в коллекцию.

24 сентября.

Вместе с Елизаветой Владимировной и стариком Туботом ездил в горы Дулан-ула. На пути осматривал керексуры, которых здесь необычайно много. Мое внимание остановила одна могила очень больших размеров на вершине холма. На ней имеется высокий каменный навал посередине, а по краям по окружности положены в один ряд камни. Метрах в 60—80 — другой керексур прямоугольной формы. Бегло ознакомившись с целым рядом могил, мы поднялись в верхний пояс гор. Характерной особенностью массива Дулан-ула являются стенообразные гранитные выходы, иногда простирающиеся вдоль гребней на большие расстояния. В целом весь массив очень живописен. По северным склонам темнеют хвойные леса — по преимуществу лиственничные, с примесью стелющегося можжевельника и черной березы, а по гребням вздымаются отвесными стенами и столбовидными отдельностями красные утесы (гранит). В лиственничниках нас поразило обилие королек

(*Regulus regulus*). В скалах мы нашли горных завирушек (*Accentor collaris*) и красноклювых клушиц. С вершины западного отрога гор я увидел на юго-востоке большое озеро Сангин-далай, мимо которого должен был пройти маршрут экспедиции.

Около четырех часов пополудни мы вернулись на бивак. Остававшиеся в лагере спутники вскрыли намеченный мною еще накануне к разработке ближайший керексур, имеющий форму шестигранника. На глубине 1 м, под длинной и узкой каменной плитой, был обнаружен скелет человека. От черепа сохранилась только нижняя челюсть. Повидимому, могила была потревожена грызунами. Кроме костей, найдены бусы, золотая вещица и немного другое.

26 сентября.

Сегодня меня посетила группа бурят — работников торгового аппарата. Я с большим интересом поговорил с ними. Они, между прочим, очень советовали мне остаться зимовать в Хангае, на истоках реки Онгин-гол, в горно-таежной зоне, где, по их словам, имеется не мало памятников старины.

28 сентября.

Сделали небольшой, легкий переход в 13 км, вверх по реке Цзагастэ, к озеру Сангин-далай и разбили лагерь на его северо-восточном берегу. Озеро залегает в обширной долине, обставленной высокими горами, и имеет около 10 км в окружности. По всей вероятности, озеро питается ключами, бьющими со дна. Вода его — пресная и довольно прозрачная. Сангин-далай дает начало порядочной речке Цзагастэ, образующей у своих истоков топкие болота. Здесь стоит деревянная часовня, с изображением Гаруды со змеею — божества хранителя вод. Рисунок исполнен красками на камне.

Разобрав вещи и удобно расположившись в палатках на более или менее продолжительную стоянку, мы спустили свою лодку и сразу сделали небольшую рекогносцировку бассейна. Пролётных птиц в заливах озера оказалось очень много. Лебеди-кликуны плавали семьями; серые, вполне оперившиеся птенцы резко отличались по окраске от снежно-белых родителей. На узком мысе сидело множество бакланов, которые поднимались на воздух черной стаей. Крачки и чайки неторопливым полётом скользили над синей поверхностью воды и занимались ловлей рыбы. Утки и гуси, взлетевшие при нашем приближении, образовали в небе целое облако и скоро вновь опустились у дальнего берега. На болоте на устье Цзагастэ видели чибисов, куликов красноножек, коньков (*Anthus richardi*). Сделав несколько предварительных промеров, мы убедились, что глубина озера невелика — около 1 м.

К вечеру погода испортилась, и пошел снег, падавший до полуночи. Земля укрылась снегом на 10 см.

29 сентября.

Проснулись при зимнем пейзаже. Пришлось лопатами разгребать снег, откапывать выюки. Температура воздуха ниже нуля. К полудню снег в долине почти нацело стоял под лучами выглянувшего солнца, южные склоны гор запестрели проталинами, но на северных — таяния не заметно. На бивак прилетел скворец. В воздухе с шумом пронеслась стая бульдуруков. Спутники отправились делать промеры озера. В час дня температура воды $+9,0^{\circ}\text{C}$.

30 сентября.

Ночь была тихая, ясная, морозная. Минимум $-7,0^{\circ}\text{C}$. Озеро за ночь частично замерзло; у берегов — лед, толщиной около 1 см, в центре бассейна осталась большая полынья, на которой сосредоточилось все птичье население. Среди дня начался юго-западный ветер, который развел волну, разбившую лед, и мы смогли закончить измерения глубин озера. По длинной оси Сангин-далай имеет 2 км; в самом широком месте ширина его достигает 1 км. Глубина его в среднем — 75 см. Наибольшая глубина при истоках Цзагастэ 1,25 м. Наименьшая — 60 см. Дно — твердое, песчаное; сверху имеется небольшой слой ила в 15 см. Добыли трех серых гусей (Anser anser).

1 октября 1925 г.

Небо ясное, воздух чист и прозрачен, но барометр падает. Ветер переменный и порывистый. Ловили неводом рыбу. Попалось лишь несколько усачей и много мелкой серебристой рыбешки. Драгировка дала моллюсков, ракообразных, червей и др. придонных животных.

2 октября.

Бурное утро, с северным ветром, облачно, пробрасывает сухой мелкий снег. Сегодня озеро свинцовой окраски. Рано утром по кособоку к биваку пробирался поджарый светложелтый волк. К сожалению, собаки прогнали его, не дав охотникам добыть зверя. Около нас кормятся постоянные гости — вороны. Уже в темноте к нам прибыли новые подводчики с быками, которых нанял недавно поступивший в экспедицию переводчик Цэрэн. Это старик бурят, юрта которого стоит на Онгин-голе, в хошуне Сайн-нойон — как раз в том районе, где мы собираемся зимовать. Я взял его как человека, хорошо знакомого с водоразделом рек Онгин-гол и Орхон, где нам предстоит экскурсировать в течение нескольких месяцев.

3 октября.

Холодно и ясно. Озеро сковано льдом в 1 см толщиной. Иней посеребрил траву. Лебеди и утки летают над Сангин-далаем, разыскивая полыньи. Около бивака впервые появилась

золотистая ржанка (*Charadrius dominicus*). Мы укладываем вещи — на завтра собираемся выступать. В палатках становится холодно и неудобно, пора обзаводиться зимним жилищем — юртой.

4 октября.

Попрежнему мороз. Лебединая семья ночевала на льду. С восходом солнца птицы поднялись и стали с криками летать над замерзшим озером. Мы выступили в 7 часов. Теперь нас везли уже не обычные домашние быки, а упрямые, мохнатые сарлыки и хайнаки (яки и гибриды яка с крупным рогатым скотом). Мы обогнули озеро с северо-западной стороны, перешли вброд прозрачную речку шириною в 4—6 м, на которой не было никаких признаков льда, и стали постепенно подниматься к ущелью южных гор.

Сегодня в открытой долине видели тарбагана, который, сидя на задних лапках, громко кричал. Между тем в специальном дневнике у нас отмечено, что 27 сентября сурки залегли в норы на зиму... Суслики очень оживлены, бегают далеко от своих нор. У подножья скал, на груде обломков видели корольков (*Regulus regulus*). Повидимому, эти птички также перемещаются на зиму: в лиственничных лесах Дулан-ула их было необычайно много, а, кроме того, мы наблюдали отдельные особи этих птиц в траве, по кочкам болот у озера Сангин-далай — в стадии, столь же несвойственной данному виду, как и лишенные растительности обломки породы.

За ближайшим горным кряжем нам открылась долина реки Горхон-гол с монастырем Ильдэль-бэйлэ-курэ. Северные склоны ущелий были одеты густыми лиственничными лесами.

5 октября.

Сделали остановку на несколько часов среди дня, чтобы ознакомиться с монастырем. В Ильдэль-бэйлэ всего 9 храмов, расположенных на возвышенной береговой террасе фасадом на юг.

В главном храме — большие изображения Майтреи и Богдо-гэгэна. Несколько высоких субурганов и молелен рассыпаны по соседним луговым холмам, носящим название Сумбур. В монастыре насчитывается 500 лам и около 300 учеников-подростков. По словам местного да-ламы, Ильдэль-бэйлэ основан около 100 лет тому назад и раньше имел много дорогих золоченых бурханов, впоследствии уворованных. В настоящее время курэ все же в удовлетворительном состоянии — казна в порядке, имеется монастырский скот — стада сарлыков и овец, а также табуны лошадей.

Миновав монастырь, мы направились к западу, вверх по Горхон-голу. Северные склоны высокого массива Асхатэ золотились пожелтевшими лиственничными рощами. На южных скалах — еще зеленели прекрасные луга. Вблизи перевала

Абайтэ-даба видели в лесах косуль и зайцев, а из птиц — белоспинных дятлов, поползней и синиц. Везде попрежнему встречались монгольские стойбища. Очень интересно было наблюдать, как монголы косили осеннюю сухую траву, срезая ее охотничьими ножами. Делалось это неумело, причем сами работники, неуклюже выполняя непривычную работу, конфузились нас, как дети ¹.

6 октября.

Сегодня на нашем пути было два порядочных горных хребта.

Перевал Цаган-дабан, над которым поднимается вершина Начимбнуз, имеет вид каменистого плато. Во многих местах высятся выветрелые гранитные скалы, похожие на башни разнообразной формы, здесь же разбросаны матрацевидные отдельности. Между скалами медленно струятся ручьи по болотистому грунту.

Как на самом перевале, так и по долине, спускающейся с него к реке Онгиин-гол, я отметил очень большое количество прямоугольных и круглых керексуров. Около поворота реки Онгиин-гол на юго-восток, против вершины Хара-хошу, расположена новая группа керексуров, а несколько в стороне от них мы нашли три большие четырехугольные плиты, вроде саркофагов.

Монгольская девушка Цэвиль
из Хангая

7 октября.

С нашей стоянки на левом берегу реки Онгиин-гол, в урочище Хара-хошу, сделал экскурсию вверх по левому притоку Онгиин-гола — Ултэн-голу. Пустынная каменистая долина этой речки вскоре стала расширяться, появились хорошие луга, а в горных падах — лесная растительность. Навстречу нам

¹ Это замечание очень любопытно. Действительно монголы в прошлом почти не занимались заготовкой сена впрок. Это приводило к большому падежу скота в снежные зимы или холодными ветренными веснами. Теперь же благодаря различным мероприятиям монгольские араты научились косить сено, и сенокосение в негобийской части республики весьма распространено. (Прим. ред.).

попалось несколько монгольских семейств, перекочевывавших с летних пастбищ в Хангае на зимние — к южному подножью этой горной страны. На телегах, запряженных сарлыками, а частично на верблюдах, были уложены и завьючены юрты, сундуки, войлоки и всякий домашний скарб, вперемишку с детьми, стариками и старухами. Молодые женщины следовали верхом на лошадях. Несколько в стороне двигался табун лошадей, подгоняемый молодыми парнями, на сильных быстрых конях. У каждого юноши в руке был очень длинный и тонкий шест, с петлей из конского волоса на конце, служащий для поимки необъезженных лошадей. Люди в монгольском караване двигались молча. Зато табун создавал много шума и оживления. Коня ржали, гонялись друг за другом, настигая кобылиц, табунщики мчались во весь дух с гиком, свистом и песнями.

В 10 км от своего устья (слияния с Онгиин-голом), Уптэн-гол принимает с востока небольшую речку Бичикте-гол, бегущую по широкой луговой долине, окаймленной лесистыми (лиственница) горами. В верховьях этой речки имеются скалы с письменами, которые мне и надо было посмотреть. К сожалению, здесь меня ждало разочарование. На скалах фигурировала главным образом обыкновенная молитвенная формула буддистов «Ом-мани-пад-мэ-хум», написанная печатными санскритскими буквами. Были, правда, и другие мелкие надписи в трещинах и на маленьких выступах камней, но их никак нельзя было сфотографировать, а скопировать их, за поздним временем, я не смог. В скалах мы отметили голубей (*Columba ropestris*), горную завирушку (*Accentor collaris*) и обыкновенных поползней.

К заходу солнца я вернулся на бивак, утомленный и недовольный результатами своей поездки.

8 октября.

По скалам левого берега Онгиин-гола, на дальнейшем пути между урочищем Хара-хошу и Уптэн-голом, мы в нескольких местах видели надписи и рисунки, сделанные черной краской. Большая часть писмен походила на старомонгольский шрифт. Были также и китайские знаки, и рисунки, изображавшие сидящего Будду, голову человека с длинной бородой, держащего во рту странный предмет на длинном шесте, маленькую кумирню и пр. Ввиду бледности всех этих рисунков, фотографии с них вышли неудачно, и только небольшую часть их удалось скопировать.

Сегодня продолжали медленно двигаться вверх по долине реки Онгиин-гол, к юго-юго-западу. Долина реки вся усыпана острыми обломками горных пород, пастбища везде очень скудные, мягкие склоны гор безлесны и пустыны. Только у скалистых вершин ютятся кустики миндаля и высокая полынь.

Субурганы в ламаистском монастыре Сайн-нойон-хана в Хангае.

10 октября.

На восходе солнца, проходя мимо скал долины Онгиин-гола, Елизавете Владимировне удалось заметить и добыть двух филинов, уже усевшихся после ночной охоты в тени утесов, в узкой трещине. Около десяти часов утра мы, наконец, увидели впереди себя, в расширении долины, богатые храмы и золоченные кровли большого, известного далеко за пределами своего хошуна, монастыря Сайн-нойон. Сделав несколько фотоснимков монастыря и познакомившись с заведующим местным отделением Монценкоопа, мы поспешили дальше, чтобы засветло дойти до подножья водораздельного хребта Хангая, где мы предполагали обосноваться на зимовку.

Хребет могучей стеной вздымался к северо-западу от Сайн-нойона. Главные вершины его были укрыты снегом. Ближайшие возвышенности, окаймлявшие долину Онгиин-гола, по которой мы продолжали идти, оставались пустынными. Низкорослая степная растительность, оголенные скалы, тишина — все свидетельствовало о бедности фауны долины. И в самом деле, кроме сусликов и рогатых жаворонков, мы не видели ничего живого. Зато древних могил было великое множество. Как на дне долины, так и по горным склонам — везде пестрели своими светлыми камнями керексуры разнообразной формы. Мне кажется, что долина верхнего Онгиин-гола на протяжении около 8 км вниз от подножья хребта в отдаленные времена служила кладбищем.

Около четырех часов пополудни, пройдя 25 км от Сайн-нойон-курэ, мы, наконец, приблизились к хребту настолько, что могли различить несколько его ущелий, желтевших лиственничными лесами, а вскоре подошли и к нижней границе леса. Здесь, на террасе одной из морен, спустившихся когда-то из ближайшего ущелья Битютен-ама, мы решили разбить лагерь. Вблизи нашей стоянки, у подножья скалы выбивался из-под земли «аршан» — ключ прозрачной, теплой воды. Населения кругом не было никакого, кроме единственной семьи нашего переводчика бурята Цэрэна, жившей по соседству в юрте.

Почти весь день дул юго-западный ветер, моросил дождь, иногда сменяясь снежной крупой.

ЗИМОВКА В ХАНГАЕ

11 октября 1925 г.

Ясное, прозрачное, тихое утро. Ходили умываться к роднику, измерили температуру воды: $+15,1^{\circ}\text{C}$. Этот ключ, сбегая с террасы, разливается и образует небольшое болотце среди камней. Елизавета Владимировна отправилась на экскурсию в ближайшую падь, у входа в которую расположен наш бивак. Я поехал осматривать развалины Олун-суме, отмеченные накануне в $1\frac{1}{2}$ км от лагеря, вниз по Онгин-голу. По видимому, это развалины храмов, с остатками фундамента и кирпичных стен. Я решил вскрыть их и тщательно исследовать с помощью рабочих-монголов. Пока бродил по Олун-суме, удалось найти на поверхности земли, или торчащими частично из-под земли, глиняные лепные украшения разрушенных храмов. Попадались большие барельефы с изображениями человеческих лиц и санскритских знаков. Сейчас развалины имели вид ряда холмов, протянувшихся правильной линией поперек долины реки и покрытых степной растительностью. Каждая группа построек располагалась на отдельном насыпном возвышении, на общем фундаменте, сложенном из гранитных плит. Поднявшись на такое возвышение, можно было различить несколько небольших холмов — остатков внутренних помещений разнообразной формы. Я сделал фотографические снимки с Олун-суме и прилежащих частей долины Онгин-гола, и на этом закончил первую рекогносцировку.

12 октября.

Ночь была ясная, со слабым ветром, дувшим с гор. Под утро температура упала до $-1,5^{\circ}\text{C}$. Начали раскопку Олун-суме. Обнаружили каменный порог и при входе в помещение — несколько обрывков березовой коры с монгольскими письменами, а также золоченые и крашеные кусочки глины, нечто вроде длинного гвоздя и немного другое. Под самым верхним слоем земли залегают обломки глиняной посуды и части барельефов; попадаетея также и уголь. Днем стало

пасмурно, небо покрылось сплошными темными тучами, холодно. Фотографировать не пришлось.

Видели трех волков. Елизавета Владимировна жалуется на малое количество птиц и на общую тишину и мертвенность леса. Попадаются чечетки, корольки, долгохвостые синицы, ястребиные совы, пролётные синие славки (*Janthia cyanoga*) и уже спустившиеся из гольцов большие краснобрюхие горихвостки (*Phoenicurus erythrogastra*).

Приходили гости: жена нашего нового переводчика Цэрэна со своей знакомой монголкой. Угощал их чаем со сладостями и развлекал показыванием фотоснимков и книг с иллюстрациями. Женщины всем восхищались и ушли очень довольные.

14 октября.

Ночь была полуясная, с юго-западным ветром. Утро облачное. К 9 часам стало разясневать, и я вместе с Цэрэном отправился на экскурсию на гребень водораздельного хребта, к юго-западу от бивака, где, по словам Цэрэна, в урочище Арсалан-магнэ находились могилы ханов Сайн-нойон. Поднявшись по очень крутой звериной тропке выше границы леса, мы оказались на каменистом безжизненном плато, частично укрытом снегом. Почти у самого плоского гребня хребта, на высоте 2740 м, на покатоj луговой площадке мы увидели 12 могил. Некоторые были плотно выложены каменными плитами с небольшим квадратом из дерна посередине, в центре которого покоился большой камень. На одной могиле, повидимому более древней, центральный камень частично погрузился в землю, здесь же были видны остатки провалившегося сруба. Шесть могил стояли за деревянным забором самой примитивной работы: листовичные бревна были просто поставлены частоколом... Другие шесть могил ограды не имели. Некоторые могильные холмы были украшены деревянными моделями сурбурганов, на ограде висели писаные изображения божеств: Будды, Дархэ и Цзонхавы. По словам местного населения, эти могилы являются усыпальницей тринадцати поколений ханов, управлявших и владевших хошуном Сайн-нойон. До 1922 года могилы охранялись постоянными сменными дежурными. Сейчас стража отсутствует, ограда разрушается, исчезают также и писаные бурханы...

Осмотрев могилы, мы поднялись на соседнюю вершину, увенчанную тремя обо. Отсюда открывалась широкая панорама. Далеко к востоку убегал Онгиин-гол, на юге резко выделялся плоский массив Хан-хохшун-ула в форме трапеции; на северо-западе и севере на гребне водораздельного хребта намечалось три перевала в бассейн Орхона: Битютэн-даба, Хэтрун-даба и Улан-даба.

Вскоре начал падать снег, заходило, и мы двинулись в обратный путь. Боюсь, что из-за плохого освещения мои сним-

ки с могил и самого хребта будут неудачны. Мы спускались по склонам ближайшего ущелья к горе Чандомын, у подножья которой находилась одинокая могила, с трех сторон обнесенная частоколом. Цэрэн рассказал мне, что, по преданию, здесь покойся прах одного из предков Сайн-нойонов — жестокого и сердитого хана Чандомына, которого будто бы за неприятные свойства его характера похоронили не в общей «усыпальнице» Сайн-нойонов на гребне хребта, а в полном одиночестве и как бы в изгнании.

Вечером все занимались писанием писем и отчетов, с тем чтобы завтра отправить почту в Сайн-нойон.

15 октября.

Неожиданно привезли на продажу юрту, которую мы с радостью приобрели. В палатке становится очень холодно жить, в особенности трудно писать по вечерам, когда стынут руки и ноги.

Весь день шел снег, пришлось прочищать в лагере тропинки. Ночью волки задали нам длительный концерт, встревоживший наших лошадей, жавшихся к палаткам, и собак, без усталости лаявших до утра.

17 октября.

На заре — $10,7^{\circ}\text{C}$, снег хрустит под ногами. Северо-западный пронизывающий ветер. Елизавета Владимировна, как всегда на экскурсии, уверяет, что при ходьбе на воздухе гораздо теплее, чем в палатке. Оба наши переводчика отправились к монголам за второй юртой для моих спутников. Надо скорее всем утеплиться, иначе возможны простуды и всякие заболевания.

Вчера мне исполнилось 62 года. Какой я уже старик! Счастлив, что, несмотря на свои годы, я еще продолжаю делать свое любимое дело в любимой стране — Центральной Азии.

К полудню вернулся с охоты мой молодой препаратор. Видел и стрелял из винтовки волка на близком расстоянии. Зверь, раненный в живот, упал и стал грызть свою рану. Мой герой-охотник не решился приблизиться к волку (он труслив!) и продолжал стрелять, но безуспешно. Волку надоели частые выстрелы и он ушел издыхать в другое место. За первым зверем шел поблизости второй, которого препаратор также упустил.

К вечеру еще засветло снова были волки в соседней пади.

18 октября.

Ночью было — $12,3^{\circ}\text{C}$, к утру наши меховые одеяла покрылись инеем. Юрта еще не налажена, чинится. Утро ясное, теплое. Снег сразу стал таять на солнце. Сороки волнистым

полётом спускаются из леса к нашему биваку и целый день бродят около нашей кухни, осярся с собаками.

Елизавета Владимировна видела в каменистом сухом русле реки нескольких горностаев и одного добыла в коллекцию. Попалась ей также пролётная завирушка (*Prinella montanella*).

После обеда совершенно неожиданно прибыл к нам мой сотрудник из южной глаголевской партии К. К. Даниленко вместе с переводчиком той же партии. Они побывали в Улан-Баторе и привезли мне обильную почту. С. А. Глаголев с сотрудниками выполнил полностью мою программу: он посетил Хара-хого, а на зимовку отошел к северо-западу, в горы Ноин-богдо, так как у него на руках не было охранной грамоты — разрешения Китая жить на Эцзин-голе. Сейчас, по словам Даниленко, эта грамота получена и находится в нашем Полпредстве в Улан-Баторе. Непонятно, почему мне до сих пор ее не препроводили?.. Место зимовки глаголевского отряда — горы Ноин-богдо — пустынно и уныло. Животная жизнь крайне бедная, корма для лошадей мало. Даниленко прибыл ко мне, как выяснилось, не столько для связи, сколько для того, чтобы испросить разрешение съездить на месяц в Москву. Меня это сообщение не очень порадовало... Пришлось спешно готовить деловые письма и бумаги — в Полпредство в Улан-Батор, в Москву в Совнарком и в Ленинград.

Мои сотрудники ходили на охоту на аргали. Самих зверей даже не видели, отметили лишь их свежие следы в альпийской зоне хребта, у самого гребня. Там же наткнулись на стайку в 5 особей горных индеек, но из винтовки нельзя было стрелять по этим прекрасным птицам, чтобы не испортить ценной шкурки.

20 октября.

Продолжаем раскопки храмов Олун-суме. Елизавета Владимировна производит съёмку развалин и готовит чертежи. Добыли сегодня глиняный барельеф, изображающий человеческое лицо, с оскаленными страшной улыбкой зубами и с камешком во рту, а также несколько листов книги с золотым письмом.

21 октября.

Даниленко уехал в Улан-Батор, откуда проследует в Москву.

«Археологи» нашли сегодня большой глиняный санскритский знак и металлический бурхан Будды.

23 октября.

Ездил с Цэрэном в дальнюю экскурсию на юго-юго-восток, через несколько отрогов главного хребта, к историческим памятникам. Дорога была неважная, очень каменистая, местами крутая. На пути мы пересекли речки: Хурэндэль-гол, Шурун-

гэн-гол и его приток Цаган-гол, вблизи которого залежали сплошной черной массой туфообразные породы. По левому берегу Цаган-гола отметил целое кладбище керексуров. В тальвеге Шурунгэн-гола и по южному склону его долины густо разросся низкий ерник. Почти у самой дороги по Цаган-голу стояла богатая юрта, где, по словам Цэрэна, проживает «лама-бурхан», известный своими «археологическими» изысканиями с целью наживы. Лама будто бы занимался раскопками километрах в 20 южнее озера Гун-нор, в урочище Мунгутэ-ханцагай, недалеко от местного управления, но вместо денежногоклада, который он хотел найти, обнаружил «лишь ковры и разные ткани». Меня рассказ Цэрэна очень заинтересовал, но заезжать к ламе в этот раз мне было некогда.

Миновали еще две речные долины и два перевала, покрытые снегом, Ихэрэн-даба и Барун-чулутэ; после чего долго следовали по каменистому ущелью, а затем луговыми косогорами, пересекли большую дорогу из Сайн-нойона в Ламын-гэгэн и наконец пришли в урочище Тараэлэн-хушэ — в долине ручья. Здесь оказался целый ряд гранитных человеческих фигур, очевидно стоявших на могилах. Сейчас эти фигуры представляют печальное зрелище: все они разбиты и изуродованы. Головы отсутствуют у всех памятников. Можно различить огромное изваяние мужчины в сидячем положении. Правая рука его поднята к груди, левая (с уцелевшими пальцами и всей кистью) покоится на ноге. Неподалеку стоят две женские фигуры и два изваяния животных. Из земли торчит край гранитной плиты, обрушившейся в яму, вырытую, повидимому, недавно. На ровном месте, несколько в стороне, лежит большая прямоугольная плита серого гранита (с отбитыми краями) с прекрасно сохранившимся сложным орнаментом. На одном гранитном четырехугольном обломке я обнаружил письмена. От площадки, где стоят все эти фигуры, к востоку, по направлению к горам вытянуты в линию вертикально поставленные невысокие столбики из кремнистого сланца. Внимательно осмотрев все фигуры и сфотографировав их, мы почти без отдыха поехали обратно. Последнюю часть пути мы сделали уже при лунном свете и благополучно прибыли на бивак около 8 часов вечера, покрыв в этот день 60 км трудной каменистой горной дороги.

24 октября.

Сегодня вскрыли субурган, неподалеку от нашей стоянки. К сожалению, ничего в нем не обнаружили, кроме двух маленьких глиняных изображений Цзонхавы. На глубине 30 см от поверхности на гранитной плите с красной надписью лежали хадаки и бумажки, совершенно истлевшие. При раскопках была поймана целая семья хомячков — всего 6 экземпляров. Грызуны под субурганом заготовили себе на зиму большой запас сена.

Ездил знакомиться с водораздельным хребтом, у южного подножья которого мы стоим. Рано утром мы двинулись к северо-востоку, вдоль подножья гор, к ущелью Барун-улан. Поднявшись по нему до гольцовой зоны, мы перешли в ущелье Хэтрун-ама, которым и спустились к биваку. Я остался очень доволен поездкой и вполне уяснил себе характер южных склонов водораздела бассейнов рек Онгиин-гола и Орхона. Хребет тянется от северо-востока к юго-западу довольно однообразным плоским валом; выдающихся вершин на нем нет. Средняя высота гребня — 2570 м. Ширина хребта — около 15 км. Глубина южных ущелий — от 8 до 10 км, при падении — в среднем около 80 м на 1 км. Чем выше, тем падение, конечно, больше, склоны круче. В каждом ущелье северный склон занят лиственничными лесами, к которым в верхней зоне примешивается кедр. Еще выше кедр доминирует, распределяясь отдельными деревьями или небольшими группами. Я видел кедры до 20 м высотой и до 2½ м в обхвате. Кедровый стланец отсутствует, последние деревья просто носят печать угнетения, многие имеют флажную форму, с ветвями, развивающимися лишь с одной подветренной стороны. По дну ущелий — густая урема из тополей, ив, березы и разнообразных кустарников. Южные, солнцепечные склоны каменисты, но богаты луговыми травами, поднимающимися выше лесной растительности. На южных склонах хребта всю зиму снег лежит лишь в лесах, по сиверам. На южных увалах он быстро тает, и скот может пастись почти круглый год.

Хребет носит характерные следы минувшего оледенения. При устьях его ущелий нагромождены морены, как неподвижный каменный поток. Под самым гребнем, у истоков речек, синеют альпийские округлые озерки ледникового происхождения. Местами скалы южных горных склонов, в более узких частях долин, сглажены и отполированы спускавшимся ледником.

В ущелье Барун-улан альпийских озерков два. Более крупное — до 1 км в окружности — лежит у подножья россыпей, ниспадающих от самого гребня хребта. Дно и берега его каменистые, частично — из крупного гравия. Из животной жизни я отметил в них лишь мелких рачков. Сейчас озеро было покрыто льдом, за исключением его юго-восточной, наиболее мелкой, части, где лед был совсем тонкий и чередовался с полыньями. Между подножьем гребня хребта и озером зеленели колки кедрового леса.

В горах поражает тишина. За целый день моего пребывания в лесу и в гольцовой зоне я наблюдал только трех беркутов, паривших над долиной, одну ястребиную сову, нескольких сорок у монгольских стойбищ, одного трехпалого дятла, оживленную стайку долгохвостых синиц и слышал голоса чечеток. Млекопитающих мы не видели совершенно.

Вечером к нам приехал монгол-охотник из бассейна Орхона. Интересно, что этому человеку потребовалось написать заявление в монгольское местное управление, а так как грамотного монгола в его соседстве не нашлось, то он прибыл к нашему Цэрэну, как к хорошему грамотею. Охотник, познакомившись с нами, пригласил нас на Орхон, где, по его словам, много аргали (горных баранов) и уларов (горных индеек). Я дал ему некоторое количество патронов, просил его добыть нам аргали и горных козлов и пообещал на днях посетить его в бассейне Орхона.

29 октября.

С раннего утра мы вчетвером в пути, к перевалу через наш хребет. Едем на Орхон. На заре минимальный термометр показал — 7,7° С, но утро тихое, ясное, день будет теплый. Думаю пробыть в поездке около недели.

7 ноября 1925 г.

Вчера, около четырех часов пополудни вернулся из своей экскурсии за хребет. Таким образом, мы отсутствовали 9 дней.

Мы направились перевалом Битютэн-даба; ущелье того же имени — ближайшее к лагерю — имеет очень крутые склоны; русло речки усыпано крупными валунами. Вершина гребня хребта — плоская, каменистая и совершенно безжизненная. Лишь один раз я заметил в серых камнях легкое движение и мелькание белого пятна. С помощью бинокля я удостоверился, что это были улары, быстро удалявшиеся от нас. На ходу у них очень характерно мелькают белые перья подхвостья.

На перевале стояло большое обо, окруженное маленькими кучками камней. Высота Битютэн-даба 2657 м. Соседние вершины поднимались лишь немногим выше. К северо-западу, в сторону Орхона, открывалась величественная панорама сложной системы горных хребтов. Среди сонма гор выделялись массивы: Гурбан-тэль, где лежат истоки Орхон и Соврак-хайрхан, с одной (северо-западной) стороны, и Цаган-эргэ, Боро-эргэ и Ирхат-хайрхан — с другой (южной). Самым величественным казался стройный Ирхат-хайрхан, конусообразная вершина которого блестела серебристым снегом. На этом массиве зарождаются две речки: с юга Улястэн-гол и с севера Тамцык-хапчагай, которые вырыли в плато, у подножья вершины, глубокие теснины. Северные склоны последних золотились лиственничными лесами, а южные представляли сплошные каменные россыпи. Улястэн-гол, по мере своего падения, углублял и расширял свое ложе, разрывая боковые выступы и оставляя по сторонам ряд затейливо обточенных, вертикально вздымающихся темных скал; далеко в глубине извивалась серебристо-белая от пены струя воды, не везде доступная ярким солнечным лучам. Кое-где на более отлогих уступах среди отвесных громад приютились кустарники и пышные луговые

травы. В самом тальвеге местами темнели тополевые насаждения. Монголы жили со своими стадами овец и сарлыков на дне ущелий, гоняя скот на пастбища высокогорья.

Мы стали спускаться в падь Ара-орхона по каменистой заснеженной тропе и вскоре достигли лесов. Тишина, окружавшая нас на перевале, сменилась здесь рокотом речки и шумом боковых, бешено мчавшихся по камням горных ручьев. Лес становился гуще, травы пышнее, деревья увеличивались в размерах. Отвесные грандиозные скалы во многих местах носили характерные следы ледниковой шлифовки. Мы шли весь день. На нашем пути по травянистому открытому южному склону мы миновали ряд небольших озерков с извилистыми берегами. Речка все глубже погружалась в ущелье, к которому подошли второстепенные цепи, с вершинами Ихэ-баин, Бага-баин и с северо-запада Хурун-болу. Лесной склон начал постепенно погружаться в тень, внизу у воды сгустился сумрак, а на острых гребнях гор золотились и краснели лучи заходящего за горы солнца.

Еще через несколько километров мы стали отдаляться от реки и вскоре вступили на слегка покатый платообразный широкий увал, сложенный из темной, моздреватой и блестящей, как шлак, породы. Отдельные глыбы были нагромождены друг на друга и хаотично разбросаны. Казалось, пробраться даже нашему легкому разъезду будет трудно. Однако мы обнаружили слегка намеченную тропку, которая привела нас к западному краю темного каменистого поля, занимающего, по словам проводника, около 20 км в окружности, где залегало замкнутое болотистое озерко Хуртэ-нор. Здесь стояло несколько юрт и паслись табун лошадей и стадо сарлыков. Хотелось отдыха, было уже почти темно. Однако мы последовали дальше. Мы пересекли высокий горный отрог, стали спускаться к западу по лесной дороге и через короткое время подошли к Улястэн-голу. Путь вверх по этой речке, уже в полной темноте, был не особенно приятен, так как пришлось 8 раз переходить ее вброд. По сторонам намечались угрюмые скалы и лесистые горы. Наконец — крутой, продолжительный подъем на террасу лугового плато левого берега Улястэн-гола, и мы вдали от камней и воды. Двигаемся еще 4 км к западу по пышным луговым увалам и с радостью слышим в отдалении лай собак. Это — урочище Шибертэ, с маленьким айлом из трех юрт, принадлежащих одному из наших монгольских спутников. Мы прибыли к цели в 10 часов вечера.

На следующий день, 30 октября, я пошел прогуляться с ружьем в соседний лиственничный лес. Под ногами краснела брусника, и на ней я сразу заметил следы глухарей. Вокруг меня перелетали синички, возились у дуплистых деревьев поползни, где-то стучал по сухому стволу дятел. На ветке в полдерева спокойно сидела ястребиная сова, широко раскрыв

свои круглые желтые глаза; она повернула ко мне голову, когда я проходил, но не слетела. Вдруг из густой хвои, где-то сбоку от меня, с шумом поднялось несколько глухарок. Птицы полетели низом и сразу скрылись. Вскоре с соседней лиственницы снялся глухарь. На солнце его зеленая грудь ярко блестела. Самка каменного глухаря (*Tetrao parvirostris*) в поле сразу бросается в глаза, с одной стороны, своей небольшой величиной (по сравнению с обыкновенным видом *Tetrao urogallus*), а с другой, — общим серым тоном окраски, вместо привычного желтого, доминирующего у наших глухарок.

В эту же экскурсию, но несколько позже, я скрал глухарку, сидевшую в ветвях лиственницы на косогоре, и добыл ее в коллекцию. В. А. Гусев, ездивший неподалеку в горы, убил лисицу и косулю, чем привел в восхищение всех монголов.

31 октября рассвело серое тихое утро. Компанией в 7 человек охотников мы верхом на лошадях отправились за аргали в альпийскую зону. Вещи, продовольствие и дрова шли व्यюками на двух сарлыках. Монголы захватили с собой, кроме того, не более не менее, как табун лошадей, который надо было оставить в горах на пастбище. Мы поднялись на высокий горный отрог, и вскоре перед нами открылась обширная высокогорная равнина с озером Соготэн. Табун, следовавший с нами рядом, то несшийся в карьер, то кормившийся по дороге, вскоре распугал всех диких горных баранов, которые, оказывается, паслись в равнине. Мы очень досадовали. Обидно было смотреть, как невдалеке промчались мимо нас три группы аргали. Только белые зеркальца их мелькали на быстром ходу. С лошадьми явно надо было расстаться, и мы бросили их у озера, а сами направились к ущелью реки Тамцык, где у горных баранов и козлов есть напотанные, ведущие к воде тропы. Меня оставили в засаде, на одной из таких звериных тропок, а монголы поехали кружным путем, рассчитывая вспугнуть аргали со дна ущелья, если они окажутся там. Я долго сидел и ждал в тишине, напрягая зрение и слух. Наконец, верховой охотник сообщил мне, что по Тамцыку зверей нет. Поехали дальше в горы, туда, где в наше ближайшее ущелье открывалось еще несколько боковых мелких распадков. Мы поднялись по одному из них, и на повороте тропы я быстро спешился и залег за камень. Впереди меня, далеко внизу, по дну щели задвигались бурые точки. Они приближались. Впереди шла матка с довольно большим детенышем. За нею — группа зверей, из которых крупным ростом и загнутыми на спину, как огромные колеса, рогами, выделялся вожак — старый самец. Все быстро бежали в мою сторону. Стрелять нужно было в тот момент, когда они окажутся прямо против меня. Я застыл, крепко сжимая в руках ружье, положенное на камень. Прогремел первый выстрел. Звери приостановились. Я выпустил одну за другой еще две пули. Бараны стояли на месте, и только

после четвертого выстрела они метнулись в сторону. Из-под ног их посыпались камни. Вожак отстал и тихо скрылся за выступом россыпей. Я нашел его уже растянувшимся во весь рост на камнях. Голова откинулась назад, и могучие рога упирались в спину.

Ночь мы провели неподалеку от места охоты, за перевалом, в урочище Шутэ, откуда хорошо виден Хайрхан, у подножья которого извивается река Тамцык, имеющая здесь свои истоки. Мы спали в моей палатке, при $-20,0^{\circ}\text{C}$, с сильным ветром. С вечера подле палатки монголы развели костер и долго варили мясо аргали. Перед сном два молодых монгола с косами (теперь большей частью все монголы стригут или бреют голову, и мужчин с длинными волосами видишь не так часто) молились в сторону захода солнца, стоя на коленях и кланяясь до земли.

На утро 1 ноября мы поехали смотреть исторические памятники. Мы следовали по очень пересеченной местности, держались высоко вдоль косогоров и высматривали аргали. Далеко внизу виднелась большая дорога в Ламэн-гэгэн. На пути мы отметили два стада горных баранов. Звери, наевшись еще, очевидно, на заре, теперь отдыхали, но подойти к ним по открытому месту не было никакой возможности.

Миновали небольшое озеро и в 5 км к юго-западу от Ирхит-хайрхана увидели, наконец, высокий светлый гранитный обелиск, украшенный сложным крупным орнаментом. К западу от него — в 300 шагах — располагался один большой керексур, к востоку — в 450 шагах — второй и в 500 шагах — третий керексур. Сделав фотографические снимки с обелиска и могил, мы сразу повернули обратно, в надежде добыть еще аргали. Но нам не повезло: мы обнаружили в ложбине под кряжем трех самцов горных баранов и даже стреляли по ним на расстоянии 400 шагов, но безрезультатно. Звери ушли целые и невредимые.

День 2 ноября мы целиком провели на охотничьем стане, в урочище Шутэ и его окрестностях. Я занимался фотосъемкой ландшафтов, которые не успел снять накануне из-за облачной погоды. Монголы добыли для нас хорошую самку горного козла. К вечеру мы прибыли обратно в Шибертэ. Здесь оказалось гораздо теплее и тише, чем на плато, где мы охотились.

Наши хозяева 3 ноября устроили в ближайших листовичных лесах облаву на коз. В результате мой помощник убил одну косулю, на меня же не вышло ни одного зверя. Вечер и ночь мы провели довольно спокойно. Не успели мы вернуться с облавы, как в юрту Ринчина прибежала монголка, держа на руках плачущую девочку. Оказывается, у малютки заболел и распух палец, на котором было колечко, причинявшее теперь сильную боль. Мать обратилась к нам за помощью, так как русские, по мнению монголов, «все умеют делать». С большим

трудом мы, действительно, освободили бедную девочку от кольца и только собрались ложиться спать, как случилась новая беда: заболела бабушка нашего хозяина, очень симпатичная, приветливая и веселая старушка, угощавшая нас ежедневно чаем. С ней внезапно сделалось дурно, и она похолодела. Мы отпаивали ее вином, ставили ей грелки и возились всю ночь, пока ей не стало лучше.

День 4 ноября я бродил в лиственничных лесах в охоте за глухарями; удалось добыть прекрасного самца.

5 ноября мы выступили по направлению к Онгиин-голу. В этот раз мы ехали не торопясь, с ночевкой у лесного массива Хурум-булу в монгольской юрте, и к вечеру следующего дня прибыли «домой» к аршану на Онгиин-голе, в свою экспедиционную семью.

8 ноября.

Снарядил в бассейн Орхона одного из препараторов с переводчиком. У последнего также имеется винтовка, он очень любит охотиться и с радостью отправился в длительную экскурсию помогать препаратору в его работе. Мои спутники будут жить в урочище Шибертэ у Ринчина и должны постараться собрать все, что возможно, по части млекопитающих и птиц.

Переводчика я просил вернуться через 10 дней, а препаратор должен оставаться на Орхоне более продолжительный, но пока неопределенный срок.

Сегодня Гусев закончил препарировку наших трофеев, привезенных из-за хребта: горного козла, горного барана, лисицы, двух косуль и улара. Весь остаток дня я занимался печатанием фотографий с наиболее удачных негативов.

10 ноября.

Дни бегут быстро в привычных занятиях. Елизавета Владимировна ежедневно экскурсирует в первую половину дня. После обеда идет препарировка добытого. Вечера проводятся за чтением и писанием дневников.

Сегодня первый зимний день на Онгиин-голе: дует северо-западный ветер, идет снег. К ночи снег покрыл землю на 5 см.

Е. В. Козлова на экскурсии в верховьях Онгиин-гола, в Хангае

Уже в полной темноте прибыл к нам из Улан-Батора переводчик глаголевской партии. Привез обильную почту и долгожданные китайские паспорта для всех членов экспедиции.

11 ноября.

Ясное утро с пронизывающим северным ветром. Температура в 7 часов утра — 15,5° С. Ветер пробивает войлочные стены юрты, приходится и днем протапливать нашу маленькую железную печку. Занимался писанием делового письма Глаголеву. Прошу его в самое ближайшее время оставить унылые и бескормные горы Ноин-богдо и переместиться в низовье Эцзин-гола, на юго-восточный берег Сого-нора. Теперь, при наличии китайских паспортов, это можно сделать, не боясь недоумений с местными властями.

12 ноября.

Переводчик выехал на юго-юго-восток через Орокнорскую котловину в Гобийский Алтай и далее — в горы Ноин-богдо, где зимует южная партия Глаголева. Ему дан из Улан-Батора открытый лист, дающий право менять у встречных монголов верховых лошадей, и таким образом подвигаться быстро вперед, отдыхая лишь для подкрепления сил.

У нас на Онгиин-голе, кажется, настала зима. Все укрыто снегом. Продолжаем работы на развалинах Олун-суме. Находки не радуют: повторные глиняные барельефы, изображающие человеческое лицо, обрывки тканей и немного другое.

Елизавета Владимировна, с помощью нашей охотничьей собаки, добыла интересного альпийского хорька.

Вечером — буря с северо-запада, температура всего лишь — 7° С, но спать было очень холодно, так как ветер все время открывал дверь в юрту.

14—15 ноября.

Ездил в Сайн-нойон-курэ. По дороге останавливался и осматривал некоторые керексуры. Около одного из погребений мое внимание остановила женская пранитная фигура без головы. Голова ее лежала отдельно, в 500 шагах к северо-востоку, среди камней другого погребения, и была украшена двумя голубыми хадаками. Перед ней стояла медная чашечка для возжигания масла. Я позволил себе взять эту голову и поставить ее на прежнее место (на обезглавленное туловище), после чего сфотографировал всю фигуру.

Несколько далее, ниже по Онгиин-голу, за высоким конгломератовым выступом, засиженным хищными птицами, мы увидели маленькую кумирню. Она располагалась на восточной половине керексура и была построена над стоявшим здесь с давних времен каменным изваянием женщины, известным под названием «Цаган-ушхай» — (белой старухи). Изваяние

одедо в настоящее время цветными тканями, до головного убора включительно. По середине лба, как у бурхана, прикреплен камешек. По сторонам стоят различные священные предметы, висят хадаки. Перед кумиром стоит низкий, до двух метров в квадрате, стол, на котором расставлены разные приношения в маленьких чашечках. Здесь же — несколько обыкновенных пустых стеклянных полубутылок и ряд европейских детских игрушек. В кумирне находился один лама и две женщины монахини. По моей просьбе лама снял с Цаган-ушхай одежды, и я сфотографировал ее в «естественном» виде.

Мне показался очень интересным тот факт, что монголы в данном случае сделали бурхана из гранитной фигуры, принадлежащей к иной, чуждой им культуре и, таким образом, приобщили ее к святым буддийского пантеона. Окрестные жители говорили мне, что все население хошуна Сайн-нойон очень почитает Цаган-ушхай как «добрую старуху» и возносит перед ней моления.

В Сайн-нойон-курэ мы остановились в Монценкоопе, где нас очень гостеприимно и ласково приняли. Хозяин рассказал мне, что монгольская кооперация успешно конкурирует с китайцами, что она уже, в общем, завладела рынком, но что в руках китайцев до сих пор осталась торговля чаем и самыми дешевыми бумажными материями. И тот и другой товар предлагается китайцами за такой бесценок, что Монценкооп в данном случае пока вынужден пасовать: его товар обходится дороже. В дальнейших беседах выяснилось также, что все огромное (по монгольским масштабам) личное имущество покойного Сайн-нойон-хана сейчас взяли на учет, и оно распродается по очень дешевым ценам совершенно свободно в монгольском управлении, в юго-восточном Хангае, около Гун-нора. Главным образом продаются ценные меха, ткани, а также золотые европейские предметы.

Вечером я занялся проявлением целой серии привезенных с собой снимков (в юрте зимой очень трудно проявлять). Испытал истинное удовольствие от удобства работать в теплой комнате, за настоящим столом...

Перед сном хозяин предложил помыться в бане, и мы с благодарностью воспользовались этим предложением.

На следующий день, сделав отпечатки с фотоснимков и высушив их, мы вернулись в свой лагерь, проехав 25 км шагом в 3¹/₂ часа.

16 ноября.

Командировал переводчика Цэрэна в Сайн-нойон-курэ к трем старшим ламам монастыря с подарками. Послал им по куску лучшей золотой парчи, с приложением хадаков. Через неделю я сам собираюсь навестить этих людей и с их разрешения осмотреть главнейшие храмы.

18 ноября.

Ночь тихая, звездная. Минимальная температура на утренней заре $-23,5^{\circ}\text{C}$. Ко мне заходили дети наших соседей (теперь, кроме юрты Цэрэна, неподалеку от нас живет еще семья монгола Намсарая). Две девочки были чисто одеты, причесаны и, как мне показалось, даже вымыты. Держались они смирно и почтительно. Старшей монголочке, по имени Пямбо, я подарил ножницы, 2 катушки ниток и несколько конфеток. Младшая также получила леденцов. Держа друг друга за руки, обе гости удалились вприпрыжку, гордые и довольные подарками.

В полдень температура опустилась лишь до $-13,5^{\circ}\text{C}$. Гусев вернулся с раскопок с глиняным барельефом, изображавшим лисицу.

19 ноября.

Посланные в бассейн Орхона препаратор и переводчик вернулись сегодня. Привезли двух аргали, горную индейку—улара и несколько мелких птичек. Монголы относились к моим спутникам очень хорошо и помогали им в охотах, подводили к зверю и т. п. Улара добыли выстрелом из винтовки. К счастью, пуля совсем не испортила шкурку, которая вполне годится для коллекции. Сегодня Гусев принес из развалин круглую глиняную цаца с отпечатком докшита. Елизавета Владимировна вернулась с экскурсии совсем замерзшая. Впервые в Хангае видела целую стайку белых куропаток, спустившихся на зиму с гольцов.

21—23 ноября.

Эти дни провел в монастыре Сайн-нойон. Следуя от нашего лагеря вниз по долине Онгин-гола по знакомой дороге, я заметил, что как сама река, так и впадающие в нее ручьи сильно обмелели, а многие даже покрылись льдом. Вся долина, а также нижняя и средняя зоны гор все еще были свободны от снега и золотились поблекшей травой.

На западной окраине монастыря Цэрэн обратил мое внимание на три ямы глубиной до двух метров и разъяснил, что раньше эти ямы были в 4—5 раз глубже и служили местом наказания для сильно провинившихся монголов. Преступников опускали в яму на веревках и оставляли сидеть неопределенно долгие сроки в таком заключении.

Первый мой визит был к хубилгану — главе монастыря. Он принял нас в отличной юрте, богато и нарядно обставленной. Когда я вошел в помещение, хубилган сидел. При виде меня он привстал и протянул руку. Представительный, красивый, с высоким открытым лбом, изящными выхоленными руками, лама располагал в свою пользу. Он был в желтом шелковом халате, сидел на обитом таким же шелком диване, перед столом. Справа от него стоял шкаф со стеклами, за

которыми виднелись бурханы. Рядом на стене висели писанные образа в рамах. Очаг отделялся от остального помещения невысоким экраном. Вдоль стен юрты — много красных с золотым орнаментом ящиков. Деревянный пол был сплошь укрыт войлоками, с красной оторочкой.

Меня вместе со спутниками пригласили сесть вправо от входа и слева от хозяина и тотчас поднесли угощение: чай, хлеб и сласти (сахар, конфеты и финики). Хубилган приветливо спросил, как мы ехали, не устали ли с дороги. Затем любезно заметил, что он много слышал обо мне от своего брата — покойного Сайн-нойон-хана, который в свое время приезжал в Ленинград и бывал у меня дома. Потом разговор перешел на мои путешествия, мое знакомство и двукратное свидание с далай-ламой¹ и т. д. Лама расспрашивал о моих дальнейших намерениях и планах. Узнав, что со мной моя книга «Тибет и далай-лама», он выразил желание посмотреть ее и долго разглядывал фотографии.

В заключение я попросил разрешения осмотреть храмы монастыря. Хубилган очень учтиво ответил, что он даст соответствующие распоряжения, чтобы ламы после известного часа не расходились, и передаст о моем желании своему младшему брату да-ламе. При прощании я получил на память голубой хадак и кусок прекрасной шелковой материи.

От хубилгана я направился к одному из главных лам — тибетцу хамбо-ламе Гашину. У этого ламы обстановка юрты была лишь немногим скромнее. Начались те же приветствия и шаблонные разговоры, перешедшие потом на Тибет, поталу², далай-ламу и т. д. В заключение я получил приглашение отобедать.

Прежде чем принять обед у тибетского ламы, я пошел с визитом к да-ламе. Он встретил меня стоя, поздоровался за руку и усадил влево от себя (справа от входа). Едва мы сели, как он с большой живостью стал вспоминать своего брата Сайн-нойона и все то хорошее, что он слышал от него обо мне. Да-лама показал мне несколько фотографий Сайн-нойона. Затем мы беседовали о монастыре и его храмах, о пребывании здесь далай-ламы. Оказывается в настоящее время в Сайн-нойон-курэ более 2 000 лам.

Да-лама показался мне наиболее общительным и живым из трех высоких лам монастыря. От него я получил приглашение отобедать завтра. Мы расстались с ним, как старые знакомые, и я отправился обедать к хамбо-ламе Гашину. Нас угостили прекрасными пельменями и накормили досыта. Лама был одет в шерстяной темнокрасный халат из тибетского

¹ Имеется в виду двукратное личное свидание П. К. Козлова с тибетским далай-ламой в Урге в 1905 г. и в 1909 г. в тибетском монастыре Гумбуме. (Прим. ред.).

² Потала — резиденция далай-ламы в Лхасе. (Прим. ред.).

сукна. Ему на вид около 40 лет, черты лица тонкие, очень благообразные, черные волосы с легкой проседью. Видимо, это очень нервный человек, в общении он не столь спокоен, как того требует этикет Востока.

После обеда мы посидели недолго и ушли, сердечно распрощавшись. Лама вручил мне на память двух бурханов Аюши, небольшой кусок парчи и хадак.

На пути в Монценкооп, на свою современную базу, я заехал на мавзолей Сайн-нойон-хана. Это новая каменная постройка китайской архитектуры, похожая на храм. На стенах внутри висят писанные изображения Баньчэн-эрдэни и далай-ламы. Посередине находится маленькая часовня, где на возвышении помещается гроб покойного хана.

С утра 22 ноября занимался в Монценкоопе печатанием проявленных ранее снимков, а затем поехал обедать к да-ламе, как было условлено. Последний встретил меня как давнишнего знакомого. Беседа текла весьма непринужденно. Да-лама по моей просьбе согласился сняться вместе с хамбо-ламой Гашином. На мой вопрос, нельзя ли будет сфотографировать хубилгана, мне ответили, что он «очень занят», и сейчас не может. Я больше уже не напоминал об этом. На обед и здесь были пельмени и чай. Вспоминая вновь и вновь своего покойного брата и моего знакомого Сайн-нойона, да-лама как-то взволновался и сказал: «Мне кажется, словно с нами здесь находится мой покойный брат — Ваш друг... Если бы он действительно присутствовал, как бы он торжественно принимал Вас, не так, как мы теперь!...». Вскоре я поднялся уходить — надо было торопиться осматривать храмы. Да-лама подарил мне большую иллюстрированную тибетскую книгу «Чжадамба» — история 8 000 перерождений в двух томах (650 стр.) с 33-мя акварельными рисунками и портретом Сайн-нойон-хана.

Первым я посетил главный соборный храм Цокчэн-дугун — белый и скромный, строгой тибетской архитектуры. В нем стоят 3 главных изображения: в середине Аюша, справа Арьябало, слева трехликая Тара. Цокчэн-дугун построен всего 99 лет тому назад. Вблизи него находится Гандэн-лэгчит, с зеленой крышей. В нем главными святынями являются: изображения Майтреи, Цзонхавы, богдо-гэгэна и несколько докшитов. Очень оригинален храм-юрта, украшенный золоченым ганчжиром извне и большой богатой яркожелтой фигурой богдо-гэгэна внутри.

Всего в монастыре 13 больших храмов и 7 малых. Они содержатся в порядке, вся обстановка богатая, нарядная. Бронзовые бурханы и писанные образа — художественной работы. При каждом храме — свой штат лам.

По дороге домой, к истокам Онгин-гола, мы заехали еще бегло ознакомиться с усыпальницей гэгэнов, расположенной в трех километрах к юго-западу от Сайн-нойон-курэ, между не-

высокими холмами. С севера и юга возвышаются старые и новые белые субурганы — надгробия. В центре находится маленькая обитель, называемая Рид, — убежище отшельников. В соседстве пробегает несколько ключей, так что монахи обеспечены свежей водой.

В общем, я изрядно устал от всех визитов и осмотров, так что с особенной радостью вернулся в свою скромную юрту, к своим милым спутникам и всей походной обстановке. Дома все оказалось благополучно. Елизавета Владимировна добыла за это время пару горностаев, нескольких снигирей и розовую чечевицу. Пока днем на солнце все еще тепло, можно ходить в осенней куртке, но вечером уже необходим полушубок.

24 ноября.

Прекрасное ясное утро. Днем температура поднялась до 3,7° С в тени. Воздух был очень прозрачен. Около нашего клочка аршана толклась мелкая мошка. Дети Цэрэна и соседа Намсарая бегали босиком и даже совсем голые. Сегодня с нарочным доставили мне письмо из хошуна Хан-хохшун-ула, от моего знакомого хошунного начальника Чумит Дорчжи. Около года тому назад я виделся с ним в Улан-Баторе, и он тогда подарил мне зуб Hipparion'a, сказав, что подобных зубов и всяких палеонтологических остатков много в его хошуне. Теперь в письме Чумит Дорчжи предлагает мне свои услуги по указанию мест, где залегают «древние кости». Думаю, что весною необходимо будет на пути к озеру Орок-нор заехать к нему и посмотреть, о чем идет речь. Пока отвечу ему благодарностью.

Гусев начал раскопки так называемого «клада». Монголы указывали нам неоднократно на определенные места в долине Онгин-гола, где, по их словам, закопаны какие-то предметы. Обычно такое место обнесено оградой из камня или углублением, вроде канавы. В центре такого плоского бугра большей частью поставлен большой, слегка обтесанный и непременно белый камень (известняк), несомненно принесенный сюда человеком, так как все окружающие скалы и отторженцы сложены совершенно иной породой. При сильных ударах камнем или плоским орудием по поверхности такого бугра слышен гул, какой может раздаваться только над довольно обширным полым подземным помещением. Местные жители издавна очень интересуются такими «кладами», гадают об их содержанием, а иногда пробуют делать раскопки, которые, однако, никогда не доводят до конца под влиянием суеверного страха. Вот я и решил на всякий случай попробовать вскрыть один из таких бугров.

27 ноября.

Вчера и сегодня заходило, а ночью еще разразилась сильная буря с метелью. Наша юрта скрипела и стонала, ветер

выл у ближайших скал, приподнимал войлочную дверь и врывался в помещение ледяной струей. Около четырех часов утра проснулись оттого, что на лицо стал падать снег: сорвало крышку дымового отверстия в крыше, и метель гуляла некоторое время по нашей спальне. Всю ночь собаки неистово лаяли, но не выходили из своего убежища. Они у нас теперь закапываются в сено, запасенное в корм лошадям, и в дурную погоду при всякой тревоге только высовывают морды из своих «берлог» и заливаются лаем. Тревожат их обычно волки, подбирающиеся к жилью с воровскими целями.

Утром ко мне пришел Цэрэн и рассказал, что к нему вчера уже в темноте заехал приятель, следовавший с Орхона в Сайн-нойон-курэ. Сильно промерзнув, он решил переночевать у Цэрэна. Его коня заарканили около самой юрты, и все спокойно улеглись спать. Когда рассвело и буря утихла, жена Цэрэна вышла на воздух и заметила, что за юртой пусто, коня нет, а истоптанный снег алеет кровью. Оказалось, что волки, задрав коня у самого жилища моего Цэрэна, оттащили труп шагов на 70 и там учинили пир.

В нашей юрте тоже побывал вор, но более безобидный: к нам забрался хомячок и съел ножки у свежеебитого для коллекции дятла.

После бурной ночи день выдался очень хороший: сравнительно теплый и тихий. В 13 часов температура $+1,5^{\circ}\text{C}$.

29 ноября.

Около полуночи снова началась буря со снегом. Пришлось вставать, укреплять юрту, закрывать ящики брезентами. Снег забивается во все щели, проникает к нам даже в книги и бумаги. Наутро оказалось, что в нашу палатку (где тоже стоят ящики со снаряжением) нанесло до $1\frac{1}{3}$ метра. Перед палаткой высился настоящий сугроб.

30 ноября.

Северо-западный ветер продолжается, метет снег. Мы лишены возможности экскурсировать и вообще работать на воздухе. Сидим в юрте, пишем статьи и отчеты, по вечерам читаем.

1 декабря 1925 г.

Наконец, буря утихла. Приходится все чистить и сушить: снег проник во все запертые ящики... Отправил Цэрэна с почтой в Сайн-нойон-курэ. К вечеру он вернулся, выполнив поручение, но по дороге, в овраге у речки, попал с конем в сугроб рыхлого снега, куда и погрузился до головы. Едва выкарабкался.

Елизавета Владимировна, поехавшая в ущелье Хэтрун на экскурсию, тоже упала вместе с лошадью, так как в русле

речки снег сравнивал всю поверхность, заполнив выемки между камнями, и было очень трудно проехать, не провалившись в яму.

3 декабря.

Ясно, слабый западный ветерок. В 13 часов, в тени $+2,6^{\circ}\text{C}$, а на солнце совсем тепло, словно ранней весной. В белой палатке $+10,0^{\circ}\text{C}$.

Раскопки бугра с «кладом» не дали ничего. Я прекратил дальнейшую работу.

Весь вечер читал сборник трудов Орхонской экспедиции Радлова, очень интересно и поучительно¹.

5 декабря.

Ночь облачная, с 10 часов вечера снова начал падать снег. После полуночи задул крепкий норд, началась метель, продолжавшаяся и весь день. Экскурсировать в такое время бесполезно — все живое прячется и отсиживается в своих убежищах. Можно только сидеть в юрте, топить печку, заниматься писанием и чтением.

Бури все учащаются; совершенно очевидно, что на самый глухой период зимы полевую работу придется прекратить. Я решил съездить с Елизаветой Владимировной в Улан-Батор, свезти коллекции и немного отдохнуть в тепле.

10 декабря.

Ночью температура воздуха $-23,5^{\circ}\text{C}$, у нас в юрте $-12,0^{\circ}$. У Елизаветы Владимировны примерзли к подушке волосы. Непогода продолжалась все минувшие дни. Из Сайн-ноён-курэ прибыл нарочный с сообщением, что к ним приехала машина из Улан-Батора, которая через день отправится обратно и может увезти и нас вместе с багажом. Мы быстро собрались, так как коллекции были уже подготовлены, и к вечеру уже погрузились на автомобиль в Сайн-ноён-курэ.

15 декабря.

Во вторую половину дня прибыли в Улан-Батор. Особых происшествий не было, если не считать неожиданной ночевки в поле в палатке при 30-градусном морозе и неоднократного «сидения» в снежных сугробах в оврагах и балках. На равнине снега было немного, везде из-под него торчали верхушки трав. Путь наш пролегал через монастыри Удзи-ван и Мишик-гун — большей частью по знакомым местам.

16—17 декабря.

Посетил Полпредство, где уже нет нашего друга А. Н. Васильева, он получил другое ответственное назначение. Меня

¹ Имеется в виду «Сборники трудов Орхонской экспедиции», 5 выпусков, СПб. 1892—1901, первый выпуск: В. В. Радлов. Предварительный отчет о результатах экспедиции для археологического исследования реки Орхона, 1892. (Прим. ред.).

очень порадовало получение присланной мне из Ленинграда книжки с моим предварительным отчетом и прекрасными иллюстрациями¹.

21 декабря.

Сортировал и разбирал в сарае Полпредства ящики с нашими коллекциями. Оказывается, до сих пор не отправлены результаты наших трудов в Ленинград. 21 ящик естественно-исторических и археологических сборов пролежал более $1\frac{1}{2}$ года в сыром темном углу!..

24 декабря.

Пишу в Ленинград отчеты и деловые письма С. Ф. Ольденбургу, а также директору Зоологического музея А. А. Бялыницкому-Бируле. Езжу к фотографам, заказываю им отпечатки своих снимков. Китайцу-столяру заказал ящики для упаковки коллекций, которые только что привезены из Хангая. Время и здесь бежит незаметно. Как только сдам новый транспорт наших сборов в Полпредство и получу деньги на последний этап работ экспедиции, — начну искать автомобиль, который бы мог доставить меня обратно в Хангай.

В Ученом комитете Монголии сделали мне вольный перевод большой надписи на скалах в урочище Дут-нор, пользуясь моими фотографиями с нее. Надпись — замечательная по глубине мысли, красоте изложения и по своему лиризму.

28 декабря.

Узнал случайно, что один охотник добыл в Монгольском Алтае хороший экземпляр горного барана. Мне удалось уговорить охотника подарить шкуру этого аргали Зоологическому музею Академии наук. Придется только предварительно несколько обработать ее, так как она неправильно снята и нехорошо вычищена.

1 января 1926 г.

Новый год встретил в нашем Полпредстве; было очень сердечно и хорошо. Что-то этот год даст нашей экспедиции? Приготовил к печати и сдаче на почту две статьи: для московских «Известий» и для «Вестника знания».

10 января.

Приехал в Улан-Батор А. Н. Васильев, направляющийся на новую работу в Китай. Я встретился с ним и с удовольствием с ним побеседовал.

С самого начала января в Улан-Баторе установилась ясная, тихая, хотя и холодная, погода. Снега почти нет в долине Толы. Он весь испарился на солнце.

¹ Северная Монголия. Номунтульские памятники. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова, Ленинград, 1925. (Прим. ред.).

На-днях узнал, что 18 ноября 1925 г. у себя на родине умер П. П. Телешов. Мир его праху! Хороший, честный был работник Пантелей Прокофьевич. Начиная с путешествия по Центральной Азии Н. М. Пржевальского и кончая моей экспедицией 1907 — 1909 гг. в Хара-хото, Телешов принимал участие во всех научных походах в Азию (за исключением путешествия Роборовского), а именно в пяти. Вспоминая его участие в работах Николая Михайловича, М. В. Певцова и моих, невольно проникаешься любовью, уважением и признательностью к этому незаурядному человеку, так много способствовавшему научным успехам всех экспедиций в части зоологии. Имя его будет всегда неразрывно связано с именами русских исследователей природы Центральной Азии.

24 января.

Наконец выезжаем из Улан-Батора в Хангай, к своему отряду. Погода очень холодная. Весь январь в городе температура держалась около $-30,0^{\circ}$, доходя и до $-33,0^{\circ}$, при ясном небе и прозрачном воздухе. Снега везде мало, только в оврагах—сугробы, но и те так уплотнены, что выдерживают тяжесть человека.

28 января.

Сегодня около четырех часов дня благополучно добрались до Сайя-нойон-курэ. По дороге никаких происшествий не было, только несколько раз застревали в снегу в оврагах, но быстро откапывались и следовали дальше. Ночевали в попутных юртах или в монастырях. В монастыре Уйцин-ван я сделал несколько интересных фотоснимков главного храма «Чой-рэн» — тибетской архитектуры. Здесь, на юго-восточной окраине монастыря, мое внимание привлек деревянный столб до двух метров высотой. В верхней части этого столба выточено из дерева очень грубое изображение репиз'а с семенниками. По рассказам местных жителей, много лет тому назад в Уйцин-ване с какого-то определенного момента начало наблюдаться неслыханное явление. Ламы один за другим стали уходить из обители, жениться, обзаводиться семьями и превращаться в настоящих мирян-кочевников. Старейшие ламы объяснили этот отлив из монастыря наводнением какой-то злой силы. По их представлению, эта злая сила, воплощенная в женский образ, появлялась каждую ночь в Уйцин-ване, прилетая с вершины горы Ноин-ула, расположенной в 17 км к востоко-юго-востоку от монастыря, и соблазняла лам. Чтобы избавиться от нее, они решили воздвигнуть вышеописанное сооружение, предполагая, что соблазнительница будет удовлетворяться этой эмблемой и перестанет смущать лам. Так или иначе, в настоящее время ламы монастырь будто бы не покидают и жизнь течет спокойно. Эту необыкновенную эмблему я также сфотографировал.

Прибыв в Сайн-нойон, я тотчас послал нарочного на свой бивак и просил В. А. Гусева немедленно доставить большое гранитное изображение «Хара-ушхай» (черной, или злой, старухи) ко мне, чтобы я мог отправить его с возвращавшейся в Улан-Батор машиной в Полпредство, для дальнейшей пересылки в Ленинград.

29 января.

Проводил грузовик с двумя ящиками наших коллекций (ожидавших отправки уже несколько недель в Сайн-нойоне) и с извознием Хара-ушхай в Улан-Батор, а сам с Елизаветой Владимировной отправился верхом к нашему лагерю. Удивительно радостно было видеть знакомую долину Онгиин-гола, наши лесистые ущелья, наш ключ прозрачной воды, юрты и весь бивак, с вышедшими навстречу спутниками. Я всех перецеловал, в особенности В. А. Гусева — моего незаменимого хозяина лагеря и помощника во всех разнообразных делах. Собаки визжали и прыгали кругом, стараясь обратить на себя внимание. Ребятишки — девочки Цэрэна и соседняя монголочка Пямбо — бросились мне на шею.

Ожидавший меня сотрудник глаголевской партии тотчас явился в юрту с докладом. Оказывается у Глаголева все благополучно, он работает на Эцзин-голе. Местный начальник — бэйлэ не чинит препятствий, а, наоборот, идет во всем навстречу. Надо поскорее снарядить Филиппа в обратный путь, в Хара-хото, снабдив его деньгами, китайскими охранными бумагами и всякими наставлениями.

31 января.

После холодного Улан-Батора нам в Хангае кажется совсем тепло. Солнце ощутительно греет, мы умываемся в своем аршане, где всю зиму продержалась постоянная температура в $+15,2^{\circ}$. Написал большое письмо Глаголеву, сообщил ему о своих работах и найденных мною памятниках старины. Старался подбодрить его, чтобы он с весной начал энергичные раскопки в Хара-хото.

1 февраля 1926 г.

Приезжали монголы из местного кошунного управления, просматривали наши бумаги, записывали состав экспедиции, вооружение, знакомились с нашими дальнейшими планами следования на юг, к Гун-нору.

Девочкам — бурятке и монголке — подарил маленькие серебряные колечки с красными камешками. Они очень радовались и убежали, сверкая голыми пятками, показывать драгоценности своим родителям.

2 февраля.

Утром температура воздуха только $-11,0^{\circ}$. Пахнет весной. Мы все в отряде настроены бодро и радостно, в предчувствии

скорого окончания зимовки. Ночью Елизавета Владимировна отправится сторожить волков на падали.

4 февраля.

Две ночи караулили волков, но они не явились, а между тем их здесь много и они постоянно нападают на местные стада. На солнце снег испаряется и тает. Вблизи бивака сохранились лишь отдельные его латна.

Из монгольского хошунного управления получили известие, что местные власти в любое время могут дать нам верблюдов для нашего дальнейшего следования. Посоветовавшись со спутниками, мы решили выступить около 20 марта.

Сейчас около бивака часто наблюдаю сорок, черных вóронов, красноклювых клушиц, а изредка и стайки чечеток (*Acanthis flammea*).

8 февраля.

Гусев принес с развалин Олун-сума темный обожженный кирпич, весом около 12 кг, размерами $22 \times 31 \times 4,5$ см. Из обожженного кирпича делались полы, и им же облицовывались стены внутри помещения; сырец служил для кладки стен вообще, и из него же был сложен фундамент.

Вечером стала падать крупа, земля опять забелела, и все кругом приняло зимний вид. К ночи прояснело и грянул мороз $-27,0^{\circ}$ при сильном северо-западном ветре. В юрте ночью $-15,5^{\circ}$.

В ущелье Хэтрун в кулемки (ловушки на мелких зверьков) попались колонок и какая-то странная полевка. Вообще ловушками мы мало что добываем; повидимому, у нас их никто как следует не умеет ставить.

10 февраля.

Холода все еще держатся. На заре минимальный термометр показал $-23,8^{\circ}$. Небо ясное, воздух прозрачный. К середине дня заметно теплеет.

Собираюсь съездить в Сайн-нойон-курэ проявить снимки и навестить вдову Сайн-нойон-хана, которая недавно прислала мне и Елизавете Владимировне по голубому хадаку.

14 февраля.

Три дня пробыли мы с Елизаветой Владимировной в Сайн-нойоне. Много проявляли, печатали, делали новые фотоснимки. Мне удалось сфотографировать хубилгана, вдову Сайн-нойон-хана с сыном и еще некоторых лам и мирян. Снимки вышли хорошие, и я их тут же роздал всем лицам, которых снимал. Восторг был большой.

Я навестил теперь уже знакомых мне да-ламу и хубилгана, которые попрежнему выказали мне много внимания и предупредительности, расспрашивали о моей поездке в Улан-

Батор и интересовались различными политическими вопросами — больше всего положением дел в Китае.

Вдова Сайн-нойон-хана принимала меня также очень приветливо. Не успел я войти в юрту, как тотчас забегали люди в красных халатах, и из юрты появилась ханша вместе с прелестным 13-летним сыном.

Юрта была вся застлана очень нарядными китайскими коврами, украшена дорогими бурханами. Из мебели, кроме низких сидений с подушками, было и несколько обыкновенных стульев. После чая сын Сайн-нойон-хана поднес мне в серебряном кубке какой-то прозрачный напиток и при этом возложил мне на руки хадак. Я оказал краткую речь и выпил. Затем я, в свою очередь, поднес хозяйке коралловый браслет, а мальчику — серию каменных животных — зверей и птиц, а также перочинный ножичек хорошей работы, бумагу и карандаш для рисования. Вдова Сайн-нойон-хана несколько раз спрашивала меня о моей жене, Елизавете Владимировне, и просила передать ей привет. Вторично я посетил любезную монгольскую даму уже вместе с Елизаветой Владимировной. При этом случае мы оба получили приглашение останавливаться на будущее время в ханской юрте и жить в ней сколько нам будет нужно. На прощание Елизавете Владимировне также была предложена чарка вина и подарен хадак.

Погода во время нашего пребывания в Сайн-нойон-курэ была почти все время хорошая, теплая. В самом монастыре таяло, и воробьи чирикали по-весеннему.

17 февраля.

Со вчерашнего вечера подул сильный северо-западный ветер, пошел снег, к утру температура опустилась до $-22,0^{\circ}$. Снег был весь сбит в овраги и углубления, где образовал сугробы. На равнине оголилась земля.

Проектирую поездку в бассейн Орхона, в урочище Уптэн, где есть маленькое отделение Монченкооп и можно найти приют. Оттуда надо предпринять ряд экскурсий по новым местам. В передний путь хочу заехать на развалины монастыря Ламон-гэгэна, где теперь имеется кумирня Цзун-рид. До этой кумирни нас проводит Гусев, а дальше отправятся лишь трое: Елизавета Владимировна, я и Цэрэн.

19 февраля.

Выступили в бассейн Орхона. Погода неважная, облачная, сыпал снег. Мы с Елизаветой Владимировной — верхом на конях, Гусев и Цэрэн — на сарлыках. Еще один сарлык вез вьюк с продовольствием и постелями. Сначала путь пролегал к северо-востоку; мы пересекали речные русла с ледяными наплывами, поднимались на горные склоны и луговые гребни. Соседние с нашим лагерем ущелья — Хэгрун, Барун-улан и

Цзун-улан — мы миновали еще при хорошей погоде и могли следить за характером гребня Хангая, который несколько понижался к северо-востоку. Когда же мы опустились в ущелье речки Боруль-чжунтэн-гол и повернули вверх по ее течению — к монастырю Цзун-рид, небо совсем заволокло, разгулялся крепкий северо-западный ветер, пошел снег и началась настоящая зыбка.

От старого Ламэн-гэгэна видны только остатки капитальных стен главного храма, расположенного на склоне увала. Виден фундамент из темного крепкого сланца и основательные глинобитные стены до 30 см толщиной. Можно восстановить план храма и его пристройки, обегавших к подножью увала. Интересны два каменных (песчаник) изваяния животных, напоминающих львов. В километре от развалин приютилась обитаемая ныне обитель Цзун-рид.

Ввиду ненастной погоды мы ограничились беглым осмотром развалин Ламэн-гэгэна и остановились в Цзун-риде на ночевку.

20 февраля.

Буря продолжалась весь день. Дул северо-западный ветер. Падал снег. Пришлось пережидать непогоду в Цзун-риде, только бедного В. А. Гусева я все же рискнул оправить на сарлыке в наш лагерь, так как ему необходимо было завести хронометры и вообще находиться неотлучно на главном стане экспедиции в мое отсутствие.

Мы посетили лишь еще маленькую и бедную кумирню, расположенную поблизости от Цзун-рида, у подножья горы Байи-цзурхэ, на фоне леса.

В монастыре Цзун-рид всего 15 лам, которые живут в юртах около храмов. В главном храме довольно много бурханов, писанных на шелку, а металлических совсем мало.

В левой пристройке монастыря, среди всевозможных бурханов и атрибутов богослужения, хранится ларец с набитыми или засушенными шкурками змей, почитающихся священными. Говорят, что они были переданы в Цзун-рид ламами старого монастыря Ламын-гэгэна. Ключ от ларца со змеиными шкурами хранится в ныне существующей обители того же имени. Раз в год ламы приезжают сюда на свое старое пепелище, совершают какие-то особые обряды на развалинах монастыря, и тогда в их ритуале фигурирует этот ларец и священные змеи. При входе в означенную пристройку на стене около двери нарисованы масляной краской изображения нескольких змей.

Мы приехали как раз во время богослужения. Из храма доносилось монотонное пение, перемежавшееся со звуками труб. По словам местных лам, развалинам Ламэн-гэгэна не более 300 лет. Никаких преданий или исторических сведений об этом старом монастыре у них не сохранилось.

21 февраля.

С утра было тихо, ясно, непогода кончилась. Температура —25,4°. Мы выступили рано и стали подниматься на отлогий перевал Уптэн-дабан. Итти было довольно трудно без дороги и даже без следа по снегу. В оврагах мы застревали, так как наши животные проваливались местами по брюхо в наметённые сугробы, и тогда принимались прыгать. По речкам и ключам снег обледел и тоже создавал немалые препятствия. До вершины перевала дошли около трех часов дня. Солнце светило ярко, белый ровный снег слепил глаза. Голодные кони и сарлык очень ловко разрывали копытами снег и ели траву, пока мы записывали показания анероида и термометра и фотографировали панорамы к северу и югу. Хвойный лес небольшими колками взбегал по соседним распадкам выше перевала, расположенного в глубокой седловине. Спускались в бассейн Орхона по лесистому ущелью. Здесь лесная зона занимает оба склона и развита пышнее, чем в бассейне Онгиингола. Над участками кедровника высились скалы и вершины, лежавшие уже в гольцовой зоне. Ущелье, по которому мы следовали до самого отделения Монценкоопа, протянулось на 13 км. По дну его бежал ручей, скрытый в густой уреме. Монценкооп помещался в деревянной постройке, обставленной очень удобно и уютно. Нас приняли гостеприимно, быстро затопили печь и согрели чай.

22 февраля.

Ночь была звездная, морозная, на заре —27,0°. Елизавета Владимировна рано утром отправилась на экскурсию, а я беседовал с монголами о памятниках старины. Мне обещали показать могилу с каменным столбом и еще какой-то «белый камень с изображением змеи», но к этим памятникам путь был далекий, и мне рекомендовали выехать на следующий день как можно раньше.

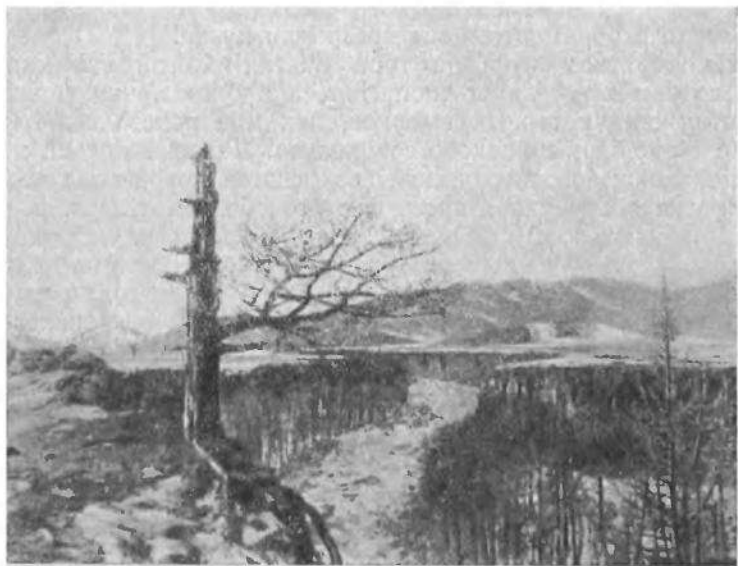
Днем на солнце стало очень тепло: 2,5°. В комнате проснулась муха.

23 февраля.

Утром —23,8°. С зарею я уже в пути в сопровождении Цэрэна и проводника. Наше ущелье открывалось в долину Орхона, по которой мы и направились к северо-северо-востоку. Мы несколько раз пересекали лавовые потоки, обогнули вершину Сангин-тологой с выходами сланцевых скал и направились на пересечение долины. На скалах Сангин-тологой я отметил целое общество бурых грифов (6—7 особей).

Орхон протекает здесь по каменистому руслу, сжатому скалистыми выходами. Вода бурлит и пенится, в особенности на крутом повороте течения (от юга к востоку). Ударяясь о скалы, река образует водовороты. Мне говорили, что в этом месте глубокий омут, и здесь ловят крупных тайменей. Не-

сколько ниже Орхон выходит на простор, и русло его достигает 80 м ширины. Мы переправились через реку по серебристому, блестящему, гладкому льду, который пришлось предварительно посыпать землей, и стали углубляться в ближайшую широкую боковую долину Айгутэн-гол, к северо-западу. По луговым скатам гор снег лежал слоем в 10 см глубины, а в овражках он достигал 1 м. Вверх по долине пролежала наезженная дорога. По ней оказывается возят лес. Чем выше мы поднимались по Айгутэн-голу, тем круче становилась

Верховья Орхона. Река течет, окаймленная отвесными базальтовыми стенками

дорога и глубже снег. По сторонам виднелись монгольские стойбища, всюду пасся скот, выгребая копытами траву из-под снега. Так как все к этому времени успели сильно промерзнуть и устать, мы заехали в ближайшую юрту отдохнуть и напиться чаю. В юрте везде лежали куски бараньего меха и выкройки из бумаги. Оказывается, хозяйка специально занималась шитьем меховых шапок и была известна по всей округе как прекрасная мастерица этого дела. После краткого отдыха мы вновь пустились в путь и через каких-нибудь полчаса достигли первых двух могил. На одной лежала белая известняковая глыба и стояла вертикально темная плита, на соседней могиле—небольшой гранитный четырехгранный столбик с сильно пострадавшим от времени орнаментом. Орнамент был только на верхней стороне памятника. С боков камень был

гладкий, а нижнюю сторону нам посмотреть не удалось, так как памятник сильно примерз к земле, и мы не смогли сдвинуть его с места.

Выше по той же пади, в 10 км, имелась еще могила с памятником, но мой проводник Лхагба отговорил меня от ее посещения. Он рассказал, что несколько лет тому назад монголы пробовали раскапывать это погребение, ничего не нашли и бросили работу, но камень с орнаментом они забросали землей, а потому сейчас, зимой, нам осмотреть его все равно не представилось бы возможности. Я согласился с его доводами, и, сфотографировав обе могилы, у которых мы стояли, а также столб с орнаментом, мы повернули назад.

На обратном пути, на горе Сангин-тологой попрежнему сидело общество *Vultur monachus*, а в ближайших скалах я заметил стайку горных выюрков, как мне показалось *Leucosticte giglioli*, и одинокого сорокопута. Лавовые потоки и нагромождения осколков легкой поздреватой породы мы пересекали уже в сумерки и здесь немного сбились с пути. В этих оригинальных россыпях очень легко заблудиться. Они тянутся широкой лентой по долине Орхона на многие километры, и по ним проложена едва намеченная тропка; ориентирами служат маленькие обо, сложенные из этой же породы вулканического происхождения, которых необходимо строго придерживаться.

25 февраля.

Вчера я позволил себе отдых после утомительной поездки к могилам, а Елизавета Владимировна экскурсировала в лесу. Орхонские леса оказались несколько богаче птичьим населением. Здесь были сойки, ореховки, розовые чечевицы и другие виды, не наблюдавшиеся в лесах бассейна Онгийн-гола.

Утро было тихое и ясное. Мы выступили с рассветом и двинулись вверх по долине Орхона мимо целого ряда лесистых ущелий (Могойтэ-ама, Мольтэ-ама, Богутэ-ама, Хамыр-ама и др.). Дорога была плохая, большей частью приходилось пробираться среди обломков вулканической породы и лавовых потоков. Русло Орхона постепенно углублялось и, наконец, скрылось в узком каньоне с отвесными боками. Глубина каньона достигала 20 м и более, ширина — 60—80 м. По дну его росли высокие тополя и лиственницы, а также можжевельник и другие кустарники. Река, падение которой становилось круче, катила свои волны по крупным валунам и была почти свободна от льда, образовывавшего лишь забереги в более тихих местах течения. В глубине каньона был как бы свой особый мир. Луговая долина Орхона, покрытая большей частью снегом, казалась мертвой, а внизу среди древесной растительности раздавались птичьи голоса. Там оживленно кормились рыжегорлые дрозды, овсянки, розовые чечевицы; на воде держались гоголи, по камням бегали оляпки. Каньон

сопровождает реку всего 4—5 км, затем постепенно мелеет, сходит на-нет, и русло реки снова выходит в широкую долину. Здесь в Орхон впадает речка Улан, образуя при впадении мощный водопад, низвергающийся с высоты около 16 м струей в 10—12 м ширины. Сейчас водопад представлял массу белого льда, по которой струился незначительный слой воды. Так как водопад местного названия не имел, то я окрестил его водопадом «Экспедиции».

Водопад Экспедиции на речке Улан, низвергающийся в Орхон

Переправившись через речку Улан, мы проследовали в ущелье левого берега Орхона — Бургустай, где остановились на ночлег в юрте Монценкоопа.

26 февраля.

С раннего утра Елизавета Владимировна поехала обследовать каньон и его заманчивую «парковую» растительность, а я отправился фотографировать водопад и ближайшие окрестности.

27 февраля.

Выступили по направлению к «дому». Решили подняться на водораздельный хребет по пади Улан, очень богатой лесом по сиверам и скалами по солнцепечным склонам. По дну ущелья — богатая урема. В верхнем поясе мы вступили в зону лиственничного редколесья, а затем и кедровника. Видели следы косуль, кабанов, лисиц.

Перевалив хребет, мы спустились в знакомое ущелье Барун-улан и около трех часов дня достигли бивака. В результате

мы прошли съёмкой 125 км (съёмку во время пути все время вела Елизавета Владимировна), обследовали небольшой, новый для нас район бассейна Орхона и добыли несколько десятков птиц.

9 марта 1926 г.

Первые дни марта я провел в Сайн-нойон-курэ, где побывал на монгольском празднике масок, посмотрел их танцы и сделал немало фотоснимков. Повидался также с местными властями и договорился о верблюдах для экспедиции к 20 марта — ко дню нашего выступления на юг.

На днях к нам заезжал местный житель Цэдэн-Пунцук, занимающийся изготовлением очень изящных предметов из серебра. Он делает женские украшения для волос, серебряные накладки для огнива и т. п. Работа его весьма художественна. Кроме своих художественных талантов, он еще замечателен своим даром «прорицания» и умением шаманить. Цэдэн-Пунцук поднес мне в подарок очень интересную статуэтку Будды, которую он лет 30 назад нашел около развалин Олун-сумэ. В ответ он получил от меня кусок парчи, чем остался очень доволен. В юрте моих спутников он согласился в один из вечеров пошаманить, что и проделал очень удачно¹.

11 марта.

Ездил к усыпальнице Сайн-нойон-ханов и сфотографировал могилы. Вечером писал статьи для «Вестника Знания» и для московских «Известий».

16 марта.

Три дня провел в Сайн-нойон-курэ. Занимался фотографией, изготовленные снимки тут же сдавал на почту для отправки в Ленинград и Москву — в Географическое общество, в Академию наук и в Главнауку. По возвращении в лагерь я заметил первых даурских галок, объявившихся поблизости. Меня порадовали подарком дикой кошки, полученной от одного из работников нашей торговой организации, в свежем нетронutom виде. Таким образом, мы сможем изготовить и шкуру и череп по всем правилам искусства. Чувствуется приближение весны. Среди дня температура нередко поднимается выше ноля, показались пауки, на солнце летают мухи.

18 марта.

Пасмурно и холодно. Минимум — 16,0°. Энергично готовимся к выступлению в урочище Холт и далее на Орок-нор.

¹ Знакомство с шаманом — ламой Цэдэн-Пунцуком — и процесс камлания описан П. К. Козловым в его «Кратком отчете о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Географического общества 1923—1926 гг.». Северная Монголия, вып. 3, Л., 1928, стр. 21—23. Свидетельства путешественника о наличии шаманства в среде буддистов-ламаистов в Монголии представляет большой научный интерес. (Прим. ред.).

Монгол шаман Цэдэн-Пунцук верхом на яке (река Онгийн-гол в Хангае)

Вечером прибыли верблюды для нашего груза. Елизавета Владимировна заканчивает последние статьи для «Вестника Манчжурии» и для ленинградских журналов. Из Хангая за зиму мы написали немало статей.

19 марта.

Производил астрономические наблюдения. Замерз совсем, в особенности досталось рукам. Даже в юрте стало снова холодно, так как дует сильный северо-западный ветер. Весь день топили печь. Писали последние письма перед выступлением. Неизвестно, откуда удастся отправить следующую почту. Спутники до позднего вечера возились с укладкой и наладиванием верблюжьих седел.

ПУТЬ ДО УРОЧИЩА ХОЛТ И ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

20 марта 1926 г.

Выступили по направлению к урочищу Холт ясным утром. Температура воздуха -14° , при резком, холодном северо-западном ветре. Около пяти часов вечера расположились биваком на реке Тармэлэн-гол, пройдя 25 км к юго-востоку. Еще на нашем лагере в Хангае в последний момент неожиданно получили почту с радостными для нас вестями из Совнаркома: экспедиция продлена до октября 1926 года. Оклады с 1 октября 1925 г. увеличены всем старшим сотрудникам в три раза! Это поощрение Правительства вливает бодрость и новые силы на предстоящую летнюю деятельность. Я весь горю стремлением сделать возможно больше, провести работы экспедиции возможно удачнее и плодотворнее во славу своего дорогого Отечества.

21 марта.

Съездил в долину соседней речки Манитэ, сфотографировал там могилу с каменной плитой и камнем с надписью на китайском языке. Караван между тем поднимался к перевалу Тэлэж-дабан, неподалеку от которого выделялась плоская и высокая вершина Хан-хухшин-ула, с пятнами снега в гольцовой зоне. Спустившись с перевала ущельем Тэлэн-гол, мы остановились неподалеку от бокового распадка Ихэ-модо, где есть исторические памятники. Ихэ-модо не особенно богат лесом, как можно было ожидать, судя по его названию «большое дерево». По северному склону я видел лишь негустые листовичные колки и кусты можжевельника. На луговых склонах я отметил много керексуров разных типов. Кроме того, у подошвы горного ската стояли развалины каменного здания, а выше него намечались выложенные камнями два квадрата: нижний — в 200 м в поперечнике, верхний — в 400 м. По середине каждой стороны ясно обозначались дугообразные входы, где раньше были, по всей вероятности, башни. Монголы

говорили мне, что здесь было в древности какое-то китайское военное укрепление. О времени его существования я не мог добыть никаких сведений.

[Время существования китайской крепости (XIII век) выяснилось по возвращении экспедиции осенью 1926 г. в Улан-Батор, когда китайским ученым археологом Юй Ю-женем была прочтена и переведена надпись, сделанная на камне в урочище Манитэ и сфотографированная П. К. Козловым. Надпись гласила: «По милости его Богдоханского Величества, Бу-ян... главнокомандующий... тысячным отрядом гвардейского корпуса, левого крыла, тысячник Чан-вэн... выступив в поход со смелыми богатырскими войсками, четвертой луны... числа, 15 года Джиу-юань (1275?) в северном направлении, прибыл на место... числа 10-й луны, поставил айлы, построил дворы, применительно к характеру горной местности основал крепость и с помощью канавы отвел из реки воду и устроил озеро.

Эта крепость по своей прочности может равняться древнему золотому городу — Джиоу-чунг-гуань и каменному форту».

Охранное войско долгое время пребывало в бездействии и однажды в теплый день вышло на стрельбу. Съехались все чины, и после стрельбы... сказал: «если что-нибудь существует на земле, то оно должно иметь свое имя или название, и не может быть, чтобы что-нибудь существовало без названия. Еще Конфуций сказал: «Название должно быть прочное и точное». По сему вопрос наименования является вопросом великой важности. Между тем, в настоящий момент эта крепость и высокая и красивая не имеет своего названия, и это обстоятельство меня печалит».

— «Все, что вы говорите, очень правильно. В таком случае — какое же дать название крепости?»

И тогда гун доложил «Раз волею великих Тенгриев и добродетелью их на тысячи лет мы распространили величие и славу на весь мир и всею мощью подавили восстание, то не подобает ли дать название сему городу: «Военная крепость, распространяющая величие и славу». С этим все согласились.

Надпись сия поставлена 12-й луны, 5-го дня, 15 года, в правление Джиу-юань великой Юаньской династии.

Тысячник гвардейского корпуса левого крыла Чан-вэн». — Е. К.].

22 марта.

Сделали дневку и экскурсировали в ближайших ущельях, а я фотографировал исторические памятники в пади Ихэ-модо.

23 марта.

Мы вышли в широкую долину Улан-эргэ, где проходит большая дорога из Улясутая в Улан-Батор. При устье реки

Тэлэн-гол снова отмечен целый ряд керексуров. В Улан-эргэ видели на степи несколько табунков дзеренов, кормившихся буквально рядом с табунами лошадей. К западу от нашего пути по долине возвышался скалистый массив Ашигэт-хат, увенчанный острыми зубцами и «башнями» причудливой формы. Леса Хангая кончились. Мы теперь были на его юго-восточной полупустынной окраине.

24 марта.

Ночь была холодная, но с восходом солнца мы с радостью услышали пение рогатых и монгольских жаворонков (*Melano-corupha mongolica*). Последние большей частью распевали, сидя на камне или на холмике, только изредка поднимаясь в воздух. Мы держали путь к прорыву южных гор речкою Мурин и шли косогором, откуда на далеком юге нам открылась цепь гор Гобийского Алтая. Вскоре, у подножья пустынной мелкосопочной гряды, показалась обширная котловина с тремя озерами, самое крупное — восточное — носит название Гун-нор. К нему примыкают обширные болота. Здесь, в урочище Уха-обо, раскинулось стойбище моего знакомого монгольского начальника — Чумыт Дорчжи, который уже давно ждал нашего прихода в его хошун.

Я был очень тронут проявленным к экспедиции вниманием: нас ожидала прекрасная новая юрта и запас необходимого топлива — аргала. Через несколько минут после прихода каравана нам принесли целый котел монгольского беленого чая.

Мы расположились на продолжительную стоянку, так как, по словам Чумыт Дорчжи, в данном районе имеется много палеонтологического материала, залегающего нередко совсем открыто в руслах мелких речек. Надо было проверить эти сообщения, а быть может, и заняться раскопками.

25 марта.

С утра готовили подарки для Чумыт Дорчжи и его семьи, а в середине дня отправились к нему с визитом. Мой приятель был болен и лежал в своей богатой, чисто прибранной юрте. Повидимому, он чувствовал себя очень скверно, голос у него был слабый, движения вялые. Тем не менее он любезно приветствовал меня, расспрашивал о моих работах и успехах и выразил уверенность, что я или моя жена ему поможем в его недомогании. Я сердечно благодарил Чумыт Дорчжи за его внимание, за желание содействовать моей экспедиции и поднес ему на память золотые часы. Подарки получили все: старушка-жена Чумыт Дорчжи, его сын и жена сына. Старик позвал своего сына, шепнул ему на ухо несколько слов, после чего тот подал отцу круглую шляпную картонку, из которой последний извлек две каменные чашечки китайской работы и европейский футляр с дюжиной массивных

серебряных ложек. Все это при хадаках было поднесено мне и Елизавете Владимировне. Мы приняли китайские чашки и хадаки, а ложки с благодарностью возвратили владельцам, не вызвав этим никакой обиды. Чумыт Дорчжи несколько оживился и стал вспоминать свое пребывание в Ленинграде, визит ко мне и те прекрасные монгольские, тибетские и китайские коллекционные вещи, которые он у меня видел. В заключение я сфотографировал семью моего приятеля, а Елизавета Владимировна осмотрела раны, оказавшиеся на теле Чумыт Дорчжи, и внимательно расспросила об его болезни.

Прощаясь со мною, Чумыт Дорчжи сказал, что все его лошади и верблюды в моем распоряжении и что он поручил своему сыну показать мне все интересные в палеонтологическом отношении места.

В тот же вечер к нам в юрту действительно явился сын Чумыт Дорчжи—Готоп и мы запланировали с ним целый ряд поездок. Прежде всего решили посетить скалистые горы Ашигэт-хат.

26 марта.

Ездил с Готопом и В. А. Гусевым в горы Ашигэт-хат. На пути видели группы дзеренов, которые спокойно паслись, подпуская нас на 200 шагов. В открытой долине я обратил внимание на два керексура, расположенные каждый на отдельном кургане. Обычно эти могилы видишь на совершенно ровном месте или на покатом горном склоне. Ашигэт-хат богат обнажениями гранитов, сильно обдутых, отшлифованных ветром и песком. Форма их весьма причудлива. Гребень массива имеет острые зубцы и пики.

Готоп показал нам пещеру, носившую все признаки недавнего пребывания в ней отшельника. Здесь висели приклеенные к доскам писанные бурханы—Будда, Аюша, Цаган, Дархэ и др. Рядом лежали камни с надписями «мани» и еще с незнакомыми тибетскими буквами. Вблизи входа—выемка в скале со следами очага. В глубине гор я снял несколько рисунков на скалах—изображения животных, отдельные иероглифы и пр.

В мелких распадках по вершинам везде красовались обобщенные формулы «Ом-мани-пад-мэ-хум».

Монголы явным образом обращают внимание на отдельные скалы необыкновенной формы, напоминающие то человеческую фигуру, то голову в шапке и т. п. Складывают на них обобщенные формулы и священными знаками и вообще почитают, как нечто непонятное и священное. В одном месте отдельная скала имела форму дома с округлой крышей. Изпод скалы вытекал минеральный источник. В нише на каменной плите стояло шесть изваяний святых буддийского пан-

теона. По словам Готопа, они были раньше позолочены, но сейчас вся позолота от времени сошла. Перед этой скалой сложено обó, нарисовано «мани». Скала явно превращена в часовню или маленький храм.

Вообще нужно сказать, что массив Ашигэт-хат очень богат историческими памятниками разных эпох. Почти в каждом ущелье имеются керексуры, плиточные могилы и писаницы на скалах. Кроме того, как уже было указано, на вершинах и на

Чумыт Дорчи с семьей

отдельных скалах множество обó и надписей, сделанных, по-видимому, монголами.

Растительность массива небогата — кое-где у скал лепятся кусты можжевельника, а склоны устилает невысокая трава. Из млекопитающих здесь встречаются аргали, дикая кошка, волк, лисица, хорек и мелкие грызуны. Из птиц, кроме обычных хищников, видел скалистых голубей, кекликов, каменных воробьев, завирушек (*Prunella fulvescens*), рогатых и монгольских жаворонков и немногих других.

27 марта.

В течение всей ночи и дня температура не опускалась ниже нуля, а в полдень в тени было $+12,6^{\circ}$.

После всесторонних размышлений и обсуждений вопроса с Елизаветой Владимировной я решил, что целесообразнее будет планировать предстоящую летнюю работу экспедиции несколько иначе, чем я предполагал. Мне следует сосредоточить свое внимание на палеонтологических изысканиях здесь, в Холте, или, точнее, в урочище Уха-обо, а Елизавета Владимировна отлично справится с исследованием Орок-нора и с наблюдениями весеннего пролёта птиц в озерной котловине. В помощь ей я отпущу препаратора и переводчика.

Сегодня Елизавета Владимировна навещала больного Чумыт Дорджи, промывала его язвы (что приходится делать ежедневно) и, по моему поручению, беседовала с ним о могилах Сайн-нойон-ханов, о развалинах Олун-сумэ и Ламэн-гэгэн и о других памятниках монгольской истории. Гусев с Готопом ездили осматривать могилу, где когда-то работали монголы кладоискатели. К сожалению, Гусеву не удалось добраться до нужного места, так как речка, встретившаяся ему на пути, так сильно разлилась, что ее нельзя было переходить вброд. Он возвратился в лагерь уже ночью при луне.

28 марта.

Барометр сильно падает. Облачно, тепло. Воздух насыщен пылью. Елизавета Владимировна с утра отправилась в горы Ашигэт-хат за птицами. Остальные спутники заняты снаряжением в путь Орокнорской партии. Всё имущество и продовольствие делим, отдаем орокнорцам лодку, драгу, рыболовные сети — все необходимое для исследования озера. Помимо орнитологической задачи я возлагал на Елизавету Владимировну и географическую, а также просил ее собирать растения и насекомых.

После полудня прибыли подводчики с верблюдами для Елизаветы Владимировны. Животные в очень хорошем состоянии.

Итак, в скором времени наша экспедиция будет вести работу одновременно в трех пунктах: Глаголев на юге, в низовье Эцзин-гола, Елизавета Владимировна на Орок-норе, я — в Холте.

Под вечер я поднялся на невысокую соседнюю вершину Уха-обо, отстоявшую от нашего лагеря в 600 шагах к западу. На юг залегала широкая долина с тремя серебристыми пятнами льда. Это — озера Гун-нор на обширном болоте. Южнее озер простирались с северо-запада на юго-восток гряды холмов, на вершине одного из которых стояло обь. Еще далее к югу вздымалась высокая темная безлесная гряда, за которой белели вершины Гобийского Алтая. На западе угрюмо высился скалистый массив Ашигэт-хат, на севере — пустынный хребет Хангая с вершиной Хан-хухшин-ула. Всюду на золо-

том фоне прошлогодней травы в ближайшей озерной котловине бродил скот. Птиц не видно было ни одной.

Елизавета Владимировна в сумерки вернулась из Ашигэт-хата, привезла завирушек (*Prunella fulvescens*), овсянок (*Emberiza godlewskii*), пищух (*Ochotona*) и множество клещей, которые впились ей в тело, главным образом, в голову... От монголов мы уже слышали жалобы на клещей, которых особенно много в ближайших горах.

30 марта.

Елизавета Владимировна с препаратором и переводчиком готовы к выступлению на Орок-нор. У них 10 вьючных верблюдов, 3 верховых (для двух подводчиков и переводчика) и 2 лошади — для Елизаветы Владимировны и препаратора.

Ночью минимум был — 3,4° С. С утра — облачно, в воздухе попрежнему пыль, горизонты сокращены.

В 9 часов 30 минут утра мы с Гусевым уже вернулись в свой лагерь, проводив Орокнорскую партию до ближайшего обь.

31 марта.

С утра облачно и холодно — 7,0° С, идет снег, сильный ветер. Мы с Гусевым вспоминаем Елизавету Владимировну и сетуем на то, что сразу после выступления ей приходится испытывать такую неприятную весеннюю бурю с метелью. Весь наш багаж занесен снегом, его намело целые сугробы. Мы весь день топим печь в юрте, я сижу в теплом бараньем полушубке.

К ночи разъяснело, воздух стал необычайно прозрачным, ветер стих, морозит, снег хрустит под ногами. Температура — 12,6°.

4 апреля 1926 г.

Три дня потратил на поездку в урочище Чамалхайнэн-ху-дук, где расположен торговый пункт Монценкоопа.

2 апреля я выехал из своего лагеря в сопровождении монгола-проводника и направился сначала котловиною Гуннора, затем долиной речки Гардэн-гол, следуя к юго-западу, в сторону Гоби. Последний этап пути проходил по сильно пересеченной местности. Гряды холмов и незначительных поднятий с плоскими перевалами сменяли друг друга. До урочища Чамалхайнэн-ху-дук оказалось 50 км. Отсюда очень хорошо виден Гобийский Алтай и ближайшая к югу относительно низкая горная цепь Ушюк, которую несколько загораживает небольшой массив — Тэг.

У колодца расположено монгольское стойбище и юрта Монценкоопа. Вода в колодце прекрасная. Мощность водного горизонта до 50 см. Кругом расстилается степь с жалкой травой. Местами поверхность земли усыпана мелкой окатанной

галькой разных оттенков. Даже монголы обращают внимание на красоту этой гальки, собирают наиболее красивые, с их точки зрения, образцы, а дети катают камешки, заменяющие им игрушки.

В Монценкоопе я познакомился с очень почтенным монголом — Самбагарва. Это — местный доктор, лечащий главным образом травами. В его аптечке я увидел, кроме того, очень разнообразные предметы: шкурку головы и шеи бородача-ягнятника, несколько змеиных и рыбьих шкурок, летучую мышь, сухие корни и стебли растений и множество костей ископаемых животных. Кости он добыл путем раскопок в урочище Баин-улан-цап. Заметив мой интерес к палеонтологическим остаткам, Самбагарва, не задумываясь, подарил мне все свое собрание.

Из расспросов выяснилось, что местность Баин-улан-цап находится в 40—50 км к юго-востоку от Чамалхайнэн-худук. Еще далее к югу также имеется богатое ископаемыми урочище Лун-тэг.

3 апреля я сделал небольшую (до 30 км) экскурсию в урочище Куйтун, лежащее к югу от массива Тэг. Здесь я осмотрел и сфотографировал «Чуктоп-чулу» — плиточную могилу с гранитным изваянием человека, от которого уцелели лишь голова и основание фигуры.

У южного подножья горы Тэг залегало 8 могил с каменными насыпями. Самая высокая могила (до 2 м) — предпоследняя к западу. Южнее западной окраины Тэга находилось 4 керексура — квадратной и округлой формы.

Сегодня, на обратном пути, подъезжая к Гун-нору, видел на озере серых гусей (*Anser anser*), красных уток. Воздух насыщен пылью, дали скрыты.

6 апреля 1926 г.

Теплый, но ветреный день. Температура в 1 час дня +17° С. Везде виднеется свежая трава. Сегодня занят писанием писем, а завтра намереваемся перекочевать поближе к реке Холт, где думаю начать палеонтологические раскопки. Меня очень занимает эта новая область, в которой мне еще не приходилось работать. Ничего, попробуем! Вспомнил сейчас почему-то краткую надпись, которую сделал мне когда-то на своей фотографии друг Н. М. Пржевальского, генерал И. Л. Фатеев: «Вперед, юноша!». И я всё стараюсь идти вперед и вперед... Много времени протекает с тех пор, а я как сейчас вижу перед собой маленькие номера в Столярном переулке № 6 (Ленинград) и родные образы Пржевальского и Фатеева, слышу их оживленные голоса... Приятно вспоминать прошлое, но и мучительно... К вечеру в наш лагерь прибыл Готоп с верблюдами и погонщиками.

7 апреля.

От Уха-обо мы двинулись к востоку, по слабопересеченной местности полупустынного характера, а затем постепенно перешли на юго-восточное направление. Вскоре вступили в сухое русло, где нередко встречались глинистые и конгломератовые обрывы. В глине мы нашли несколько раковин моллюсков. Вскоре увидели родник и около него разбили лагерь. Местность вблизи родника называется Холт. То же название носит и сухое русло речки. С большим трудом удалось поставить

Лагерь экспедиции в урочище Холт

юрту. Северный ветер превратился в настоящую бурю и мешал устраиваться на новом месте.

Кругом виднелись стойбища монголов, стада овец, табуны лошадей.

8 апреля.

Ночь была полuyaсная, с минимумом в $-12,5^{\circ}$. Утро ясное, прохладное. Я сразу после чая пошел вниз по сухому руслу и в одном из обрывов обнаружил сначала несколько раковин, затем верхнюю челюсть грызуна, а рядом основание рога какой-то антилопы, крупный позвонок млекопитающего и несколько зубов. Пока мы занимаемся сбором подъёмного материала и знакомимся с окрестностями. Я сделал несколько фотоснимков с обрывов до их раскопок.

После обеда начали раскопки первого правобережного обрыва. Материала добывается очень много. Больше всего

костей черепа какого-то крупного животного и бивней весьма значительных размеров¹.

От нашего родника бежит маленький ручеек. Вчера он был покрыт льдом, а сегодня я уже слышу его журчание.

9 апреля.

Небо ясное, холодно. Оживленно поют жаворонки. Совсем рядом с нами держится пара красных уток. Видел сегодня во время экскурсии по ручью двух дроф в степи, черноголового чекана и завирушку.

Раскопки продолжаются. Попрежнему попадают одни только черепные кости. Гусев извлек массивную нижнечелюстную кость. Палеонтологический материал расположен в красноватой глине, иногда среди глины и конгломератов, и лежит плотным слоем, который очень трудно разбивать, не повреждая самих объектов. Мешает работе и мерзлая земля.

Кругом нас печальный полупустынный ландшафт, в воздухе всегда пыль. Безотрадная картина! На ее фоне особенно радостно слышать песни жаворонков. Сегодня с утра вверх по речке следуют стайки чибисов.

10 апреля.

Сегодня Гусев принес мне несколько ребер и кости задней конечности. Замечено, что палеонтологический материал гораздо лучшей сохранности залегает на глубине полуметра от поверхности земли, где начинается уже мерзлота.

Ночь теплая 5,5° С; выли волки.

11 апреля.

Перед восходом солнца подморозило — 2,0°. На раскопках сегодня больше всего продолжают встречаться огромные ребра. Фотографировал обрыв. Высота его всего 2 м. Костеносный горизонт расположен на высоте немногим более 1 м над дном сухого русла. В некоторых местах, видимо, были оползни, почва смыта, и кости лежат под тонким слоем земли, выдаваясь маленькими бугорками.

К закату солнца прибыли подводчики, доставившие отряд Елизаветы Владимировны на Орок-нор вполне удовлетворительно.

Письмо Елизаветы Владимировны очень интересное. Озеро Орок-нор еще покрыто льдом, но есть уже полыньи, на которых скопляются пролётные стаи птиц. Много гусей, уток

¹ В Холте, по определению сотрудницы Палеонтологического института Академии наук Б. И. Беляевой, были найдены кости следующих ископаемых животных: *Chilotherium*, *Hipparion*, *Aceratherium*, *Tragocerus gregarius*, *Gazella* sp., *Cervus* sp., *hyaena gigantea*, *Ictitherium* и др. Все эти животные относятся к третичной, так называемой гиппарионовой, фауне и датируются верхним миоценом или нижним плиоценом (Е. К.).

и лебедей. «Сейчас под вечер, — пишет Елизавета Владимировна, — слышен крик лебедей-кликунов, нежное «трюк-трюк» шилохвостей и голоса связей. Красные утки летают всё время со своим стоном.

Все эти голоса напоминают Асканию-Нова¹, но только здесь гораздо лучше, так как из двери палатки открывается беспредельная гладь озера, за которым вздымается белая Бага-богдо. Чудесно!»

С раскопок мне принесли большую берцовую кость и много позвонков, а также коленную чашечку, затылочную кость и целый ряд ребер.

Палеонтологические раскопки в урочище Холт. В центре — П. К. Козлов

Экскурсируя вверх по сухому руслу, я обнаружил два родника с прекрасной прозрачной водой. Теперь я уверен, что водой мы будем обеспечены и летом.

Кроме красных уток, в нашем соседстве держатся еще коршуны и вороны. Ежедневно проносятся стайки большедуков-копыток.

¹ В Аскании-Нова П. К. Козлов впервые побывал до революции, а в 1917 году он был назначен комиссаром этого степного заповедника и во многом способствовал сохранению здесь редких животных. См. его работы: «Аскания-Нова в ее прошлом и настоящем», 1914, Государственный заповедник Аскания-Нова. «Вестник знания», 1928, № 15 и 17. Государственный заповедник Аскания-Нова. «Научный работник», 1928, № 1. (Прим. ред.).

15 апреля.

Всю ночь шел снег, намело целые сугробы. Утром выюга продолжалась. Ничего не видно и не слышно кругом. Где-то прячутся теперь жаворонки, прекратившие весеннее пение?

Буря затихла лишь во вторую половину дня. Показалось солнце. Гусев вместе с переводчиком Цэрэном ходил вниз по сухому руслу Холт. В пяти километрах к юго-востоку наметили два значительных обрыва, в которых есть палеонтологический материал.

Думаю, что мы закончим раскопки нашего первого обрыва по правому берегу дней через 5—6, а тогда перейдем к исследованию других мест, которых мы обнаружили немало.

17 апреля.

Урочище Холт. Ночью температура опускалась до $-8,5^{\circ}\text{C}$, при полном штиле и ясном небе. Утро рассвело также прозрачное, холодное, но после восхода солнца подул слабый норд, усилившийся во вторую половину дня.

Воздух наполнился пылью, солнце светило тускло, небо заволокло серой пеленой. Одни полевые жаворонки нарушали тишину своим пением. До сих пор зелени на наших холмах почти нет.

Спутники мои продолжали раскопки в обрыве № 1. Как в нем, так и среди подъемного материала по ближайшим скатам и равнинам пока попадают кости одного и того же типа.

Приезжал Готоп — сын Чумыта Дорчжи, просил лекарства для своего отца, сильно простудившегося во время последней снежной бури.

18 апреля.

Сегодня пасха. Невольным образом нахлынули на меня воспоминания об этом дне и о весне вообще в родной сердцу Слободе в далекие времена моего светлого юношества и тесного общения с незабвенным Н. М. Пржевальским. Ясно представил себе глухие смоленские леса, ночевки в лесу с охотниками (кумом Иваном и кумом Стефаном), волчий концерт по соседству и рассказы Николая Михайловича о своих путешествиях.

Весна в Холте меня удручает холодами и ветрами, а также незначительными успехами в области палеонтологии. Но я бодрюсь и надеюсь на всё прекрасное. Скоро станет теплее, природа оживет. Всё на этом свете преходяще.

У нас опять в гостях проезжие монголы, которые появляются почти ежедневно, разыскивая в холмах и равнинах отбившихся от стад во время последних бурь животных. Удивительно, что кочевники до сих пор не в состоянии приспособиться к климатическим невзгодам — не заготавливают для скота

сена, не строят загонов — и в результате в зимнее и весеннее время теряют значительную часть своих стад¹.

Весь день был опять ветреный, к вечеру стало тише, небо покрылось тонкоперистыми облаками.

20 апреля.

Утро почти ясно, с порывистым северо-западным ветром. Видел пару коньков, желтую плиску и удода. Барометр сильно падает, но я все-таки завтра намереваюсь съездить на вершину горы Сончжи и осмотреть каменное изваяние человека, о котором мне рассказывал знакомый монгол Ламаджап.

21 апреля.

Облачно, на северо-западе дождевые тучи, дали скрыты. За мною приехал Ламаджап, и мы отправились верхом к востоко-юго-востоку от лагеря, пересекая бесчисленные холмы и залегающие между ними однообразные ложбины, зеленевшие редкой травой. На выходах скал резвились пищухи. Через полтора часа увидели вершинку с одним «главным» и с семью «второстепенными» обб. В затишье, под скалами, впервые в эту весну отметил бабочку крапивницу. От главного обб открылась соседняя к северо-западу вершина, увенчанная «сончжи» — маленькой кирпичной постройкой. Поднявшись к ней, я увидел довольно обширную панораму. На западе вблизи блестело покрытое льдом озеро Гун-нор, дальше едва выделялись горы: Хан-ула, Ашигэт-хат, Уха-обо. На севере маячили хангайские вершины — Хайрхан и Хан-хухшин-ула. На востоко-юго-востоке лежал наш Холт с биваком экспедиции. На северо-востоке расстилалась обширная полоса, покрытая мелким гравием, среди которого высились обдутые ветрами гранитные останцы причудливых очертаний, в виде башен, плит, матрацев, грибов и др. Там же, по словам Ламаджапа, находилось несколько керексуров. На юге намечались контуры горных гряд, протянувшихся с востока на запад, но Гобийско-го Алтая совсем не было видно из-за пыльной дымки.

Постройка, известная среди местного населения под названием сончжи, сложена из сырца цвета светлой глины. Это — пирамидальное сооружение из трех ступеней, с прямоугольным (с неравными сторонами) основанием. По общим очертаниям оно напоминает субурган. Вокруг сончжи сложено восемь обб. Ламаджап, как и другие монголы, с которыми я беседовал об этой постройке, говорил, что, по преданию, здесь похоронен «большой начальник хотон», метис монгола и китайки.

Сделав фотоснимок с сончжи, мы направились к стойбищу Чумыт Дорчжи, чтобы навестить больного старика и передать

¹ Ныне араты Монгольской Народной Республики в значительном количестве строят загоны для животных, а заготовка сена приняла массовый, хотя и не повсеместный характер (Прим. ред.).

ему некоторые лекарства. После недолгих разговоров и чаепития мы с Ламаджапом поехали в его айл, прямо на восток. Тропинка проходила как раз около матрацевидных гранитов, которые я отметил с вершины сончжи. Мы находились, как я понимаю, на разрушенном обширном плоскогорье. Покатая равнина с мягкими холмами представляла море крупнозернистого песка. На вершинках высились гранитные останцы, кое-где украшенные примитивными, вырезанными на камне рисунками, изображавшими горных козлов, всадников на конях и пр. Очертания этих фигур светлее гранитного фона и издали видны яснее, рельефнее. Вблизи рисунок кажется расплывчатым. У окраины плато находилось несколько керексуров — два округлых и несколько прямоугольных. Один из последних, обставленный небольшими вертикальными плитами, я сфотографировал.

Домой вернулись в сумерки. Не доезжая лагеря, отметил большую стаю серых журавлей, летевших к северу. Я сильно устал, в особенности потому, что мне попалась очень «трясая» лошадь с крупным шагом. По горам протянулись целые стены снеговых туч. Дул пронизывающий северо-западный ветер. Сидя в палатке, нередко мерзнешь больше, чем в Хангае в начале марта. Часто вспоминаю нашу зимовку в Хангае. Хотелось бы еще поработать в верховьях Онгиин-гола летом, более тщательно исследовать животную жизнь горы Хан-хохшун-ула. Занимает меня и находка человеческого черепа, кости которого показались мне необычайной толщины. Этот череп был вынесен дождевым потоком и найден в русле ручья в урочище Ихэ-модо. Неплохо было бы осмотреть еще раз и это урочище.

23 апреля.

Сплошная облачность с утра. Температура на заре — 6,7° С. Речка Холт подёрнулась льдом. Жаворонки прекратили пение. Соседняя полупустыня тиха и мертва. Холод сильно мешает нашим палеонтологическим поискам. Промерзшая почва не дает работать. Спутники отправились на сбор подъёмного материала. Вечер ясный и тихий, воздух прозрачный.

24 апреля.

С полуночи начал дуть сильный норд, принесший облака. Пошел снег. Утро крайне печальное. Ревет буря, все живое куда-то исчезло. Мы кутаемся в шубы и сидим в юрте и в палатках. Около 11 часов неожиданно прибыл К. Даниленко — мой молодой спутник из партии Глаголева, ездивший ненадолго в Москву для свидания с родными. Теперь он привез мне деньги, корреспонденцию и последние известия из центра. Через несколько дней ему надлежит отправиться к месту работ, в Хара-хото. Получил очень интересное донесение от С. А. Глаголева, которому удалось хорошо поработать в Ноин-богдо

и съездить на Эцин-гол. Я особенно доволен, что он сумел сохранить добрые отношения с местным населением.

Вечером, едва я успел улечься спать, как порыв ветра открыл дверь юрты, сбросил покрышку с отверстия в потолке, и меня тотчас занесло снегом. Пришлось одеться и вместе с товарищами укреплять юрту. Снег продолжал идти всю ночь.

26 апреля.

Утро полуясное, с юго-восточным ветром. Все кругом укрыто снегом от 8 до 10 см глубиной. По оврагам и у подножья гор намело большие сугробы. Боюсь, чтобы при таянии этого снега не случилось разлива речки Холт, которая может затопить лагерь. Во второй половине дня, во время выюги, заметили на речке несколько птиц: камышового луня, степного орла, удода, конька, желтоголовых и белых плисок, рыжегорлого дрозда, чекана и немногих других. По холмам и в соседней полупустыне бродят отбившиеся от стад животные. Монголы целыми днями носятся вскачь, разыскивая заблудившихся коров и лошадей. Спутники заняты откапыванием и очищением от снега багажа и палаток. Ночью мороз — 12° С.

27 апреля.

С утра — всё та же зимняя картина. После полудня прояснело, скоро запестрели проталины и начали петь жаворонки. За ночь в нашем соседстве погиб верблюд, и теперь на его труп слетелись бурые грифы и один степной орел. Вечер тихий, небо звездное. Долго и с удовольствием гулял перед сном по биваку, размышляя о предстоящих работах экспедиции.

29 апреля.

Последние два дня все также холодно и пасмурно. Занят писанием донесений в Москву, а также большого письма — наставления С. А. Глаголеву, с планом работ, который он должен выполнить в Хара-хото. Посылаю в Кремль телеграмму следующего содержания: «Экспедиция Козлова верховье Орхона открыла величественный водопад, глубокий каньон, большие площади лавы, памятники и погребения с оригинальными хорошо сохранившимися орнаментами и печать древнего письма. Обследовала прилежащий Хангай, богатый лесом и дикой животной жизнью, а также горячими целебными источниками. 20 марта Козлов оставил зимовку, направился пустыню Гоби, нашел ископаемые остатки позвоночных, занялся добычей последних. Исследование этого района продлится до конца лета. Пролёт птиц Орок-норе наблюдает Козлов — орнитолог экспедиции. В июне Козлов прибудет в Хара-хото, где ведутся раскопки его помощником Глаголевым».

Сегодня В. А. Гусев экскурсировал вниз по Холту и принес черепную кость какого-то ископаемого.

1 мая 1926 г.

Облачное утро со слабым северо-западным ветром.

Вечером на нашей маленькой речке, которая лишь местами течет по поверхности земли, а затем скрывается под землю, наблюдал пару красных уток и 7 каких-то куликов, похожих на фифи (*Tringa glaucoptera*). Одна из казарок щипала траву на берегу; кулики, бродя в воде, добывали корм, а некоторые тут же дремали, стоя на одной ноге.

Ночью снова вода в речке замерзла. На утренней заре было —6,5° С.

3 мая.

К нам прибыл тибетец, захватив письмо от Елизаветы Владимировны с Орок-нора, где он надеялся найти меня, но, не застав, приехал в Холт. Теперь он направится в Ганьчжоу, Синин, Гумбум; там отдохнет до сентября, а затем по большой дороге паломников пойдет в Лхасу. Ужели мне так и не удастся побывать в столице Тибета? С какой бы радостью я принял новое поручение Правительства, чтобы поработать в Тибете. Там я хотел бы и умереть, но лишь после сдачи отчета и написания книги с иллюстрациями о Лхасе. Лишь после этого можно было бы сказать: «довольно, пора и на покой».

Ну, а пока надо действовать. Елизавета Владимировна пишет, что очень довольна своей работой на Орок-норе, собрала много интересных видов птиц, сделала географическое описание котловины озер; на спутников тоже не жалуется, наоборот, хвалит их. Я очень счастлив, что и в ее отряде все благополучно, и дело исследования разных областей Монголии идет, таким образом, хорошо и успешно.

5 мая.

Погода попрежнему холодная, ветреная, часто перепадает снежок. Сегодня в 8 часов утра —1° С. Сажу в юрте в полушубке и в валенках, совсем по-зимнему. Холод, морозы очень задерживают палеонтологические работы, и это начинает выводить меня из терпения. Продолжаю писание деловых писем и отчетов, а также статей для «Известий».

7 мая.

Первая ночь без мороза. Зелень сразу показалась везде вдоль речки. Радостно приступили к исследованию очередных мест залегания костей ископаемых в береговых обрывах реки Холт. В красной глине все время попадаются кости или их обломки, но ничего существенного, замечательного пока не найдено.

Показалась первая ласточка-одиночка.

На болоте вспугнул пролетного бекаса (*Capella gallinago*). Над биваком протянул журавль-красавка. Видел невдалеке нескольких дроф. По ночам снова стало подмораживать. Каждое утро на речке — тонкая ледяная корка. Днем тепло. В полдень бывает выше 20° С в тени. Сухость воздуха крайняя. На лугах слышно жужжание насекомых. Всё-таки наступает лето.

Ездил к разрушенному гранитному плато с фигурными останцами, где сделал несколько снимков находящихся там керексуров, отдельных обдутых глыб и рисунков на них. Мне очень услужливо помогал при этом незнакомый монгол, пасший неподалеку овец. Он подошел узнать, что я делаю, и, поняв, старался всячески облегчить мою работу: держал коня, помогал взбираться на круто поднимавшиеся камни и, наконец, указал несколько рисунков, которые я, правда, уже ранее заметил.

Сделав около 35 км, я вернулся к биваку как раз вовремя. 12 мая в 2 часа дня началась сильнейшая западная буря, несшая облака пыли. Солнце скрылось за этой пыльной завесой.

13 мая.

Минимальная температура этой ночью была —8,7° С, речка скована льдом. От теплых дней не осталось и помина, приходится отапливать юрту. Птицы и насекомые снова замолкли.

Спутники собираются на работы к Сончжи. Мы решили обследовать эту вершину и произвести раскопки под кирпичной постройкой, описанной мною выше.

Монголы не только не возражают против наших изысканий, но охотно соглашаются помогать нам, говоря, что им давно хотелось узнать, нет ли в этом месте «клада», но они одни не решались копать.

В долине речки добыл бекаса (*Capella gallinago*), наблюдал журавлей-красавок (*Anthropoides virgo*), пасшихся на лугу, и кулика фифи.

16 мая.

Готовлюсь к отъезду на юг: сначала навещу партию Елизаветы Владимировны на озере Орок-нор, а затем партию Глаголева в Центральной Гоби. В Холте оставляю В. А. Гусева, китайца Фучина и других рабочих для продолжения раскопок. Гусев, кроме того, будет коллектировать в свободное время птиц и растения. Уверен, что этот серьезный и исполнительный человек прекрасно справится со своей задачей.

Холода продолжаютя, речка до полудня всегда подо льдом. Северо-западные ветры не унимаются и только изредка затихают к концу дня.

Сейчас в район нашего лагеря в Холте прикочевало много монголов. Ранней весной, когда мы начинали работы, население совсем отсутствовало, ютась в защищенных от ветра ущельях Хангая.

ЭКСКУРСИЯ НА ОЗЕРО ОРОК-НОР И В ХАРА-ХОТО

18 мая 1926 г.

Вчера и сегодня потеплело. Днем до 22° С в тени. Сильные западные ветры поднимают пыльные вихри, носящиеся по нашей полупустыне. Все окутано пыльной дымкой. В 6 часов утра покидаю Холт в сопровождении переводчика Цэрэна и монгола Цэрэн Дорчжи. Мы и наш багаж следуем на верблюдах. Везем некоторое продовольствие нашим южным партиям.

Из урочища Холт мы прошли в долину Гун-нора и остановились в урочище Гунбуртэ у прекрасного родника, окаймленного яркозеленой травой. На своем пути мы пересекли два отрога горок Гонтэн-сончжи перевалами Убур-булык и Барунтуру. Во всех логах были хорошие пастбища, везде виднелись стада рогатого скота и стойбища монголов. Из птиц отметил чеканов-каменок (*Oenanthe oenanthe*), грифов и степных орлов. Орлы и грифы кормились на трупах животных, павших во время последних снежных вьюг и холодов. Раз мы были свидетелями неудачной охоты хищника. Темнобурый орел, паривший высоко в небе, начал вдруг снижаться с большой быстротой, вытянув вниз ноги. Он опустился положительно в 10 шагах от каравана, повидимому не поймав добычи, и тотчас прижался к земле, несколько распутив крылья. Поведение его было для меня неясным. Проводник же заметил, что будто бы орлы таким образом нередко подкарауливают у нор пищух. Пришлось лишь пожалеть, что ружье мое было уложено.

Озеро Гун-нор расположено в обширной котловине, и хотя оно питается родниками, но вода его солоноватая. Глубина озера очень незначительная, берега песчаные. Во время нашего пути дул сильный северо-западный ветер, несший облака пыли. К вечеру стало тихо. На нашей стоянке Гунбуртэ — несколько хороших, богатых водою пресных ключей, бегущих по галечным руслам среди пышной травянистой растительности. На озере и на ключах много индийских гусей, красных уток и куликов.

19 мая.

За этот день сделали очень большой переход в 55 км и подошли к реке Тацин-гол, берущей начало в горах Хангая и сбегавшей в соленое озеро — Таци-цаган-нор. В седле пришлось пробыть 12 часов. Мы все очень устали. Местность на нашем пути была однообразна — все та же холмистая степь, местами полупустыня. Вершину Хан-ула мы обогнули с юга, откуда она кажется особенно величественной. Везде видели монгольские пастбища, из птиц несколько раз отметили стрижей и береговых ласточек. Мы вступили в долину Тацин-гол в средней части течения этой реки. Здесь Тацин-гол стремительно несется по галечному ложу то одним руслом, то дробясь на рукава. Местами из воды выступают крупные гранитные валуны, около которых образуются быстрины и водовороты. Берега — то скалистые, то глинистые. Высокие террасы левого берега сухие, правого — низкие — гуджирные, покрытые зеленью, в частности касатиком. Ширина реки от 20 до 30 м, всей долины — до 400 м.

В сумерках заквакали лягушки и долго свистели кулики-перевозчики (*Tringa hypoleucos*). Ночь была тихая, ясная. Светил молодой месяц.

20 мая.

Выступили ранним прекрасным утром при полном безветрии. Первые 7—8 км шли вниз по долине Тацин-гол. С запада к реке подошло лавовое плато, круто обрывавшееся к воде конусообразными выступами красных и желтых глин. Выходы глин были накрыты мощным слоем лавы, как массивной кровлей. Вскоре река вступила в каньон, и мы, не доходя его, должны были переправиться на правый берег и дальше следовать по плато среди вздымавшихся по сторонам невысоких лавовых отдельных. Это интересное плато, известное у монголов под названием Банн-айрак, с доминирующей вершиной Бугу-хайрхан, тянется далеко к западу, как взволнованное море. Следуя к югу, мы вскоре пересекли его, и перед нами открылась широкая полупустынная котловина озер, замыкавшаяся на южном горизонте цепью Гобийского Алтая. Отсюда хорошо и рельефно вырисовывались отдельные вершины: плоская Ихэ-богдо, а восточнее ее — конусообразная Бага-богдо. В пыльной дымке мутно белели снега на вершинах гор. На ночлег остановились в пустынном урочище Хуху-нор без воды и довольствовались привезенной в наших дорожных бидонах.

За этот день видел на Тацин-голе черного аиста (*Ciconia nigra*), красных уток, крачек (*Sterna hirundo*), а по выходе в полупустыню — множество саджей, орла, а также стада харасулы (*Antelope subgutturosa*). Из растений бросались в глаза голубые касатики, карагана со своими золотыми цветами и *Reaumurea*.

21 мая.

Серое утро, небо в слоистых облаках. Мы пересекаем волнистую, несколько покатую к югу равнину. Поверхность покрыта мелкой галькой, местами почва песчаная. Везде много цветущей караганы. На жалких пастбищах пасутся верблюды, овцы, реже лошади и рогатый скот. Около 10 часов утра подошли к урочищу Хольбольджин-нор с двумя солончаковыми озерками. Вблизи меньшего восточного бассейна возвышался субурган, отмечавший пресный источник Цзогэн-булак. Здесь мы запаслись свежей водой. На ключе отметили несколько красных уток, крачек, чаек, а на озерке — пару пеганок. Мы проследовали между озерками среди невысоких барханов сыпучего песка, поросших караганой, а затем вскоре вступили на столовидную возвышенность, усыпанную галькой. Я нашел целый ряд отшлифованных трех- и четырехгранных. К полудню разгулялся западный ветер, вскоре превратившийся в бурю, которая сильно мешала движению, сбивая караван в сторону. Пришлось остановиться несколько раньше времени на берегу реки Амгэлэн-гол, в монгольской юрте. По словам местных жителей, эта речка впадает в Орок-нор.

22 мая.

Выступили перед рассветом, сначала следуя долиной Амгэлэн-гола, а затем поднялись на высокое плато. Лишь перевалив через горную гряду Хусэ-хамыр, мы увидели впереди на юге голубую гладь Орок-нора. Последние этапы пути пролегли среди песчаных барханов, а затем через участок дерисунной степи.

Лагерь Е. В. Козловой, расположенный у юго-западной оконечности озера в урочище Далын-туру в соседстве пресных ключей, мы заметили издали по белой палатке. Нас не ожидали. Елизавета Владимировна уехала на весь день на экскурсию в горы.

23 мая.

Весь день знакомился со сборами, произведенными за весну Елизаветой Владимировной, пересмотрел шкурки птиц, спиртовые коллекции грызунов и пресмыкающихся, а также папки с растениями. В общем остался доволен работой своих сотрудников. На ближайшие дни наметил поездку на лодке для промеров глубин Орок-нора.

Погода стоит хорошая, днем ветрено, но к вечеру — тепло и тихо. Над степью поют полевые жаворонки, на озере перекликаются лебеди, постоянно слышится характерный голос орлана-белохвоста. Вообще птиц пока еще много. Стаи уток то и дело перемещаются, летя низко над водой, бакланы охотятся за рыбой совместно с крупными чайками, всегда сопровождающими их.

25 мая.

Крепкий северо-западный ветер и изрядные волны всё же не помешали нам пересечь Орок-нор на нашей легкой складной брезентовой лодке с юго-запада на северо-восток. Дно Орок-нора, илистое у юго-западного берега, становится песчаным и твердым по мере приближения к центру бассейна. Не доходя 200 м до северного берега, появляется галька. По нашему пересечению, глубина водоема увеличивалась очень равномерно. В 200 м от юго-западного берега она достигала всего 1 м, в 400 м — 1,5 м, в 600 м — 2 м и, наконец, в 1 600 м — 4 м. Дальше на протяжении целого километра промеры давали почти одни и те же цифры — от 4 до 4,5 м — и только метрах в 100 от северного берега снова снизились последовательно до 2 и 1 м. Во время плавания мы вспугнули несколько стай нырков и наблюдали много серебристых чаек и крачек-ласточек. Причалив к галечной косе северного берега, мы вытащили лодку и отправились на бивак пешком; на пути видели каких-то крупных куликов на болоте.

26 мая.

Мои сотрудники продолжали промеры по диагонали с северного берега на юго-восточный. Результаты — приблизительно те же. Максимальная глубина и здесь не превышала 4,5 м. Таким образом, рельеф дна довольно однообразный с постепенным понижением к центру и к северной окраине котловины. Дно — илистое у южных берегов, песчаное на более глубоких местах и галечное в некоторых районах у северного побережья. В восточной части озера вздымается небольшой — до полукилометра в окружности — островок Хара-доба, покоящийся на галечнике и поросший кустами тамариска. Здесь мои спутники обнаружили несколько гнезд серых гусей (*Anser anser*). Елизавета Владимировна удачно экскурсировала за вчерашними крупными куликами, которые оказались *Pseudoscolopax semipalmatus* и, видимо, здесь гнездились.

Я фотографировал. Снял озеро, его древнюю каменистую береговую террасу, а также вид на хребет Гобийского Алтая.

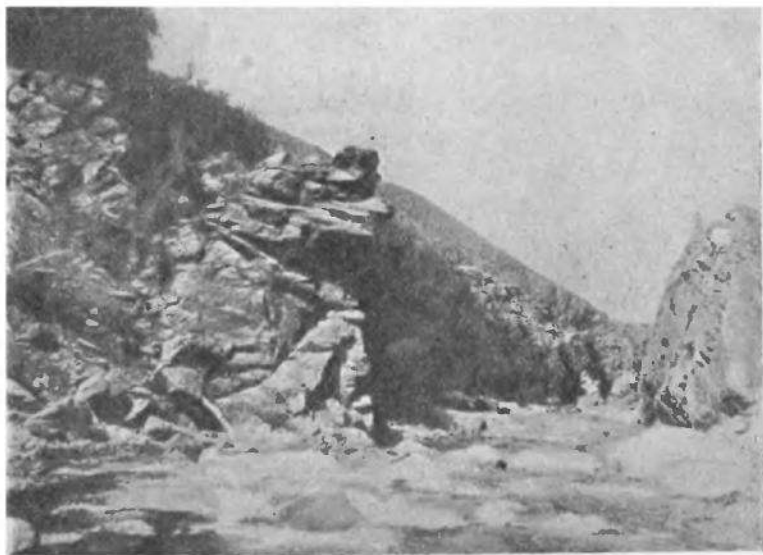
27 мая.

Утро прохладное, горизонт сужен пыльной завесой. Вообще, на Орок-норе воздух большей частью не прозрачный. Постоянные ветры несут пыль и песок, проникающие во все ящики, в пищу и засыпающие палатку и юрту, которые приходится ежедневно чистить. На зубах тоже всегда хрустит песок. Сегодня с запада пришла настоящая пыльная буря. В верхнем и среднем поясах гор выпал снег.

28 мая.

Приехала целая компания монголов из местного районного управления. Ознакомившись с нашими бумагами, выданными

монгольским правительством, эти люди все-таки обратились ко мне с просьбой не стрелять на «священном» озере и в горах Ихэ-богдо. Все беды нынешней весны — падеж скота, холод, частые бури и непогоду — они склонны были приписать нашему присутствию и охоте на птиц и зверей. Очень долго пришлось беседовать с представителями власти, объясняя, что мы с своей стороны исполняем задание как своего, так и их правительств и не можем прекратить работу по своему усмотрению.

В ущелье Битютэн-ама в предгорьях Ихэ-богдо, высочайшей вершины Гобийского Алтая

В конце концов переговоры закончились благополучно. Мне были обещаны животные и проводник для поездки на Эцзин-гол, а орокнорской партии разрешено было перекочевать в Гобийский Алтай для продолжения сборов и наблюдений.

Елизавета Владимировна принесла из соседних гор гнездо пустынной славки (*S. papa*) с полной кладкой и добыла при нем самку. Попался также первый щитомордник. Переводчик сообщил о виденных им на южном берегу озера 10 керексурах.

30 мая.

Мы с Елизаветой Владимировной совершили экскурсию в ущелье Битютэн-ама у подножья главной вершины Ихэ-богдо. День выдался тихий и ясный. Сначала мы пересекли камени-

стую полупустыню, поросшую кустиками миндаля и караганы, а затем — по сухому руслу и горке Цэргэлэ — предгорья хребта. На всем пути почва была усыпана острыми осколками породы. Видели пустынных соек (*Podoces hendersoni*), небольшую группу хара-сульт (*Antilope subgutturosa*) и зайцев-толаев. От подножья гор озеро было видно очень рельефно. На северном берегу его намечались барханные пески, а дальше к северу в пыльной дымке утопала однообразная ровная каменная полупустыня. На южном берегу намечался довольно глубокий залив и высокая древняя береговая терраса. Невдалеке от устья ущелья Битютэн-ама на валуне видел высеченные рисунки животных, столь часто встречавшиеся везде на скалах в Монголии. Здесь же отметил несколько керексуров и еще ряд каких-то совсем особых округлых каменных груд до 2 м окружности, резко отличавшихся как от керексуров, так и от обд.

Сухое русло ручья Битютэн-ама всё загромождено огромными валунами; хорошо видны боковые (висячие) и конечная морена. Всё ущелье несомненно ледникового происхождения и тянется вверх на 12—15 км. В своей нижней части оно достигает 140—150 м ширины, суживаясь по мере подъема вверх. В трех километрах от устья в тальвеге приютилась небольшая рощица тополей, ив и берез. По крутым склонам — довольно густые заросли кустарников. Здесь звонко гремит ручей, который вскоре теряется под землей и не выходит за пределы гор. Разбив лагерь под одной из берез, мы дальше пошли пешком и вскоре достигли узкого каньона глубиной до 40 м и шириной местами до 10 м. У воды, в этой узкой щели виднелись небольшие площади льда. На выступе скалы примостилось орлиное гнездо. Из птиц я отметил уларов (*Tetraogallus altaicus*), кекеликов (*Alectoris kakelik*), серых куропаток (*Perdix daurica*), горных ласточек (*Biblis rupestris*), стрижей (*Apus pacificus*), стенолазов, трясогузок (*Motacilla alba leucopsis*), чеканов (*Oenanthe pleshanka*), пеночек (*Oreopneuste fuscata*), обыкновенных сорок, клушиц, перепелятников, жулана (*Lanius isabellinus*) и даже бекаса-отшельника (*Capella solitaria*) и куликов-перевозчиков (*Tringa hypoleucos*). Из млекопитающих мы видели не раз горных козлов и аргали. По словам монголов, в горах есть волк, лисица и леопард.

Несмотря на жалкие пастбища, мы нашли в Битютэн-ама несколько юрт; монголы держали сарлыков и овец. Лошадей и верблюдов у них почти не было. На крутом склоне горы в пещере ютился лама-отшельник. Другая пещера была необитаема.

31 мая.

Экскурсировал вверх по ущелью. На противоположном склоне каньона услышал шум падающих камешков. Взглянув

туда, увидел стадо горных козлов. Они, видимо, спускались на водопой, но я им помешал. Все же они вели себя спокойно. Нижняя группа животных — несколько молодых самок и самец — стояли смирно и смотрели на меня. Повыше в скалах шли матки с козлятами и очень крупным самцом — видимо, вожаком. Козлята подбегали к матерям и сосали их на ходу, сильно толкая в живот своими мордочками. Тут же были и прошлогодки. Стадо находилось от меня очень близко, стрелять можно было даже из дробовика, но в руках у меня был только сачок для ловли насекомых. Я думаю, что животных можно было бы даже сфотографировать.

Около полудня, в самый жар, мы пустились в обратный путь; кони наши шли вниз очень споро, и через 3 часа мы уже достигли лагеря на берегу озера.

Вечер и первая половина ночи были теплые и даже душные.

Решаю выехать на Эцзин-гол 3 июня с переводчиком и проводником монголом Цэндэ. Караван будет состоять из пяти верблюдов: 3 верховых и 2 вьючных.

1 июня 1926 г.

Утро тихое, полужасное. Озеро — как зеркало. Птицы ликут; наши кони благодушествуют на хорошей траве. Елизавета Владимировна заботливо собирает меня в дальнюю дорогу. Препаратор экскурсировал и принес козодоя (*Caprimulgus eugoraeus unwinii*), болотную курочку (*Porzana pusilla*) и живого ежа.

Перед отъездом пишу последнее наставление Гусеву в Холт, прошу позаботиться присылкой к 20 июля 15 вьючных верблюдов к колодцу Ул-худук на северный склон Гобийского Алтая, куда вскоре перекочет и где будет ждать моего возвращения Елизавета Владимировна. Ночь тихая, ясная, воздух насыщен пылью.

2 июня.

Несмотря на низкое стояние барометра, погода отличная. Сегодня провожаю своего холтского проводника Цэрэн Дорджи домой, снабдив его почтой — письмами моему отряду в Холте, а также корреспонденцией в Москву.

3 июня.

Выступили к югу в три с половиной часа утра. Заря только занималась, зеркальная поверхность озера — сначала огненно-красная — сделалась золотисто-фиолетовой. С восходом солнца стало тепло. Первыми, еще в сумерках, запели жаворонки, затем засвистели на озере кулики, начали с писком летать коньки (*Anthus campestris*). Закричали лебеди-кликуны, пронесся клекот долгохвостого орлана, а с лугов с гоготанием поднялись серые гуси, перемещаясь с места ночлега на озеро.

Мы начали медленно подниматься к устью ущелья, которым надо было следовать на пересечение восточного крыла массива Ихэ-богдо. Этим же ущельем (находящимся против урочища Далин-туру) в свое время возвращался из Сычуани Г. Н. Потанин¹. Два часа следовали мы по широкой каменной бэли, пока не достигли глубоко врезанного в конгломератовую толщу каменистого сухого русла, в которое и спустились. На первой террасе находилось обд, а по середине русла — массивная намогильная насыпь из крупных обломков пород. Решительно везде по нашему пути залегают эти немые памятники далеких предков. Вероятно они имеются и во всех других ущельях Гобийского Алтая, не посещенных нами.

Благодаря крутому подъему, мы втягивались в ущелье медленно, да и сытые животные после длительного отдыха, в первый день пути всегда быстро устают. Картина вокруг нас была достаточно безотраднa: везде одни камни, зелень почти отсутствовала. Вот посыпались мелкие камешки с крутого восточного склона ущелья: там, в тени, следовали, как призраки, рыжие козлы. По мере подъема скал становилось меньше, открылись небольшие площади альпийских лугов. Внизу появилась жалкая, но прозрачная струя воды, сбегаящая с ледника.

Послышался свист уларов, а одновременно где-то еще выше однообразно закуковала кукушка. Интересное сочетание.

Вскоре встретили стадо сарлыков, которое гнали вниз две молодые растрепанные монголки. Девушки громко свистели и кричали звонкими голосами, подгоняя животных, и живо напомнили мне пастухов-тибетцев. Вблизи, западнее нашего пути, стояла одинокая юрта, около которой лаял крупный пес. Лай его красиво отдавался эхом в тихих горах.

Под перевалом Хустэн-даба мы встретили ламу-богомольца с котомкой за спиною. Глухой древний старец едва тащился по косогору, опираясь на палку. Маленькая девочка лет десяти-одиннадцати самостоятельно гнала небольшую группу сарлыков на южный склон хребта. Она остановилась посмотреть на нас и поговорила с нашим проводником. Потом, держа во рту данную мной карамельку, она указала рукой в сторону глубокого ущелья, где находилось ее стойбище, и уже на ходу промолвила: «Заходите к нам».

Перевал оказался мягким с признаками луговой растительности. Южный горизонт был закрыт вздымавшимися впереди нас параллельными грядами гор, между которыми залегали пустынные, безжизненные равнины; среди хребтов выделялась столовидная вершина Обонь-шандэ, рядом с источ-

¹ Имеется в виду путешествие Г. Н. Потанина в 1886 г. См. «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия». СПб., 1893. (Прим. ред.).

ником Хустэн-булак, на востоке темнела вершина Ихэ-тыпши, на западе громоздились высокие массивные горы, примыкавшие к гребню Ихэ-богдо.

Абсолютная высота перевала — несколько менее 2 800 м¹. Южный склон хребта представлял сплошную россыпь — хаос камней и выветрелых скал розового гранита. Сухие русла ручьев были забиты крупным щебнем и песком.

Трудный сорокаверстный переход привел нас в конце концов на речку Чэтэн-гол с обильными ключами в ее долине и с зелеными полосами лугов, покрытых ирисами. Мы разбились бивак у красных скал Улан-хошу. Приятно было отдохнуть после десяти часов непрерывного качания в седле на верблюде! Насколько я мог понять, река Чэтэн-гол берет начало у тех же вершин хребта, которые питают ручей северного склона Ихэ-богдо — Битютэн-ама, где мы так недавно экскурсировали.

Вечером я поднялся на красные скалы, с тем чтобы посмотреть, куда нам завтра придется идти. Но гряды гор были скрыты пыльной дымкой и едва вырисовывались неясными силуэтами. Ночь наступила тихая и облачная.

4 июня.

Утро рассвело облачное, прохладное, ветреное. Выступили рано, едва забрезжил свет. Благодаря густой пыли, наполнявшей воздух, приходилось ехать, что называется, ощупью. Проводник Цэндэ всё же каким-то чутьем без компаса угадывал направление.

Сначала мы следовали по речке, потом по сухому руслу, поросшему редким тальником. В долине валялся труп хулана, на котором пировали бурые грифы и волк. Один из грифов обратил на себя мое внимание странной ковыляющей походкой. Оказывается у него была частично оторвана (вероятно капканом) одна лапа. Поднявшись на высокий левый берег, мы начали уклоняться от русла к юго-юго-востоку; среди песчано-каменистой пустыни, в восточном направлении, проводник издал указал горки Эрдэни-тологой, где имелись колодцы. Вскоре мы подошли к ним, но не остановились, а направились дальше, в безбрежный пустынный простор. На пути отметили ряд керексуров. Около 8 часов утра увидели впереди вершину Суджи, по которой Цэндэ убедился в правильности взятого нами направления. Чаше стали встречаться табунки антилоп хара-султ (*A. subgutturosa*), начался мелкий саксаульник. Вокруг каждого деревца ветры навяли песчаные холмы, затруднявшие движение, а потому мы взяли курс прямо на юг и вышли на торный торговый тракт из Кобдо в Калган. В саксауле я видел пустынных воробьев (*Passer ammodendri*). Еще

¹ Видимо, значительно ниже. (Прим. ред.).

через некоторое время мы достигли урочища Цаган-тологой с многочисленными ключами, составляющими один из истоков реки Лэгэн-гол. В попутном монгольском айле мы передохнули, подкрепились чаем с верблюжьим молоком и побеседовали с приветливыми хозяевами. Женщины, как старая, так и молодая, занятая расчесыванием «запасных» волос, долго любовались моим обручальным кольцом червонного золота. Старуха попросила даже разрешения подержать его в руках. Я подал ей кольцо, которое она благоговейно прижала ко лбу и, полузакрыв глаза, прошептала молитву.

Мы расположились при ключе, окаймленном изумрудной зеленью. Отрадное впечатление нарушал труп верблюда, лежавший на лужайке и издававший зловоние. Неподалеку виднелись жалкие пашни, принадлежащие местным монголам. Земля обработана плохо, монгольской сохой, в которую впрягается верблюд. Сеют исключительно ячмень для дзамбы. Около полей имеются маленькие и тоже плохо прокопанные арыки для орошения. Паи́ню охраняет караульный, который живет здесь же в шалаше.

Пустынные гряды гор и горок, расстилавшиеся к югу, топились в густой, печальной мгле. Было душно и жарко. Днем в тени температура поднималась до 35° С.

Так как наш Цэндэ дальше не знал дороги, нам пришлось обратиться к местному начальству с просьбой дать нового проводника. С трудом удалось найти человека, знавшего пустыню на расстоянии двух предстоящих переходов.

5 июня.

Утро тихое, полuyaсное. Мы выступаем в 3 часа утра, чтобы избежать самую сильную жару. Впереди нас в широтном направлении протянулись вершинки гор Халтэрэ-нуру — темные, безжизненные.

Вначале, пересекая долину со старыми и новыми пашнями и болотистой речкой Лэгэн-гол, мы двигались медленно, но дальше, когда за сланцевыми разрушенными высотами началась ровная, песчано-каменистая пустыня, наши верблюды пошли очень ходко. Вскоре мы стали втягиваться в передовые отроги Халтэрэ-нуру, по ущелью — руслу Халтэрэ-ама; миновав колодец с прекрасной водой (Халтэрэ-худук), мы завернули в айл нашего проводника Гендына, где нас угостили чаем с молоком. Южнее Халтэрэ-худука мы следовали в области расчлененных темных гор Халтэрэ-нуру, сложенных из гранитов и сланцев. Многие гранитные отдельности, обработанные ветрами и песками пустыни, имели причудливые формы, напоминавшие фигуры людей и неведомых зверей. Горы то сближались, зажимая караван в узкое кольцо, то снова раздвигались, давая место ложбинам и долинам, по которым ютились кочевники и их стада — лошади, верблюды, овцы.

К колодцам и источникам вели хорошо натоптанные тропы. В 30 км от Халтэрэ-худука мы отметили хороший источник Хуцэ-булык, вокруг которого были положены каменные плиты и создан маленький бассейн. Еще далее к юго-юго-востоку мы пересекли второстепенную горную гряду и долго спускались по сухому руслу в извивавшемся ущелье с острыми гребнями, пока не достигли нового источника Хулустэн-булак. Здесь, в пределах всё тех же гор Халтэрэ-нуру, на луговой террасе мы разбили лагерь. Вблизи расположилось несколько монгольских стойбищ. Среди обычных в этом районе домашних животных — верблюдов и овец — мы отметили также порядочное количество рогатого скота. По соседству трещали саксаульные сойки, не обращавшие внимания на присутствие людей.

Ночь была тихая, облачная. Для нас ночи проходят особенно быстро: мы очень мало спим.

6 июня.

Утро облачное. Вскоре после нашего выступления, преодолев узкое каменистое ущелье, мы, наконец, оставили горы Халтэрэ-нуру и поднялись на плоскую возвышенность. Мы шли на юго-восток по мягкой покатости, усыпанной мелкой галькой. Горы расступились. В одном каменистом русле, поросшем дерису и тамариском, имелись лужи воды, что свидетельствовало о близком соседстве еще одного источника. Наш проводник несколько задерживал движение каравана тем, что постоянно отклонялся в стороны от маршрута и долгое время тщетно разыскивал местное начальство, у которого нам надлежало просить нового проводника. Поэтому мы ехали медленно. На пути снова стали попадаться выветрелые, причудливо обдутые серые граниты. Я вместе со спутниками развлекался рассматриванием этих отдельностей, среди которых мы нашли в одном месте сооружение, сильно напоминавшее два рядом стоящие шкафа, а в другом — как бы изваяние гигантского сурка, выглядывающего из норы, и т. д. На пути несколько раз видели небольшие стада хара-сульт, а из дерисуна то и дело выпугивали маленьких зайцев-толаев. Местность продолжала полого снижаться к югу. Бесчисленные сухие русла, заросли саксаула и площади с дерисуном утопали в пыльной мгле.

Пройдя 25 км, мы остановились на отдых у трех колодцев. Здесь должна была произойти смена проводников. Едва мы развели костер и отпустили на пастбу своих животных, как в наш лагерь явился местный районный начальник — цагда, который самолично согласился сопровождать меня в горы Ноин-богдо.

Цагда Дорджи прибыл на откормленном прекрасном верблюде. Сам он был нарядно одет, с оружием у пояса. Вскоре

за водой пришла его жена с ребяташками и, конечно, зашла в нашу палатку, чтобы познакомиться и посмотреть наш обиход. От нового проводника я узнал, что колодец называется «Сухайт», что означает тамариск. Этого растения в районе очень много. Южнее его сменяет саксаул. На дальнейшем пути мы долго шли зарослями этих корявых деревьев, среди которых везде паслись верблюды нашего проводника цагды. Я с удовольствием любовался на них, так как, действительно, при всем моем опыте, редко встречал таких рослых сильных и упитанных животных. Помню, как во время четвертого путешествия в караване Николая Михайловича¹, состоявшем из 56 верблюдов, было всего два подобных гиганта. Одного из них все мы называли «Серебрянкой»; еще в Гоби, испугавшись чего-то, он разнес ящичный выюк головного эшелона и после того никогда не позволял выючить на себя ящики, а соглашался на самый тяжелый груз — серебро, — уложенное в мягкие сумы. Отсюда и его прозвище.

Из низины с саксаулом мы поднялись на пустынную щебне-галечную платообразную террасу и следовали ею до нового спуска в следующее понижение с порослью того же растения. После часа дня стало очень жарко. Мы с Дорджи ехали впереди и несколько быстрее каравана. Через каждые 1½ — 2 часа мы делали маленькую остановку, садились на землю, разувались и отдыхали. Дождавшись выюков, мы вновь забирались на своих животных и, мерно покачиваясь, следовали дальше.

В послеобеденный переход мы прошли 28 км (всего в этот день 53 км) и с половины пути увидели на юге силуэты гор Нэмэгэтэ, преграждавших дорогу. Мы остановились на ночлег еще в полосе саксаула, но мягкий подъем к Нэмэгэтэ уже ясно намечался.

7 июня.

Весь вчерашний вечер и первую половину ночи было необыкновенно тихо. Летали ночные бабочки. На полотне палатки я изловил какое-то очень крупное паукообразное, собрал ночниц и улегся спать. Около часа ночи всех нас разбудил внезапно налетевший крепкий западный ветер, с шумом несший песок и гальку. Пришлось вставать, укреплять палатку, а в 3½ часа утра мы уже вновь отмеряли расстояние на своих верблюдах. Ровная покатость с подъемом к югу постепенно превращалась в бэль — сложную сеть сухих каменистых русел, — с более или менее высокими, обрывистыми берегами. Голодные верблюды на ходу срывали побеги саксаула. Через 10 км мы почти достигли подножия главного хребта Нэмэгэтэ.

¹ Четвертое путешествие Н. М. Пржевальского начиналось из Кяхты и Урги в 1883 г. См. его «От Кяхты на истоки Желтой реки». СПб., 1888, и М., 1948. (Прим. ред.):

Здесь было несколько колодцев, вблизи которых расположились юрты местных жителей. Мы начали подниматься в горы ущельем Улэн-ама, но вскоре должны были остановиться у прекрасного артезианского колодца Улэн-худук, так как надо было снова менять проводника. Колодец лежит на порядочной высоте, под скалами, и известен своей вкусной, чистой водой, не промерзающей и зимою. Горы кругом весьма скалисты, круты и мрачны. Весь день в наше соседство монголы пригоняли скот на водопой. Здесь мы наловили мух, державшихся у лужиц воды, но бабочек совсем не было, если не считать нескольких махаонов, промчавшихся над скалами. Непрерывно дул сильный ветер, много раз менявший направление и, наконец, уронивший палатку на меня, в то время как я мирно заполнял страницы этого дневника.

Вечером Дорджи привел нам нового проводника, а сам отправился домой. Мы с ним расстались друзьями, и я обещал навестить его на обратном пути из Хара-хото. Удивительно симпатичный человек — толковый, серьезный, хозяйственный, внимательный! Мне было очень жаль, что он не мог следовать с нами далее. Таких людей не часто приходится встречать...

Новый проводник разъяснил нам, что дальнейший путь наш будет пролегать не ущельем Улэн-ама, где мы стояли, так как оно трудно проходимо для вьючных животных, а более западным.

Вечер был необычайно тихий, облачный. Горные козлы спустились с крутизны в наше соседство, но снять их не удалось благодаря быстро надвигавшимся сумеркам. Перед сном ловил бабочек на свет. Видел летучую мышь.

8 июня.

Выступили в 3 часа 40 минут утра — немножко заспались... Утро было чудесное. Восток уже пылал. На севере отчетливо вырисовывался пройденный нами хребет Халтэрэ-нуру и залегавшая между ним и Нэмэгэтэ впадина, поросшая во многих местах саксаулом. Мы старой дорогой спустились из ущелья Улэн-ама к северному подножию хребта и двинулись к западу, чтобы через 5 км снова начать подниматься к югу по каменистому руслу ущелья Хонгэль-ама. Подъем был мягкий на протяжении 15 км до самого плоского лугового перевала Шара-хутук. На перевале не было привычного обь, и далеких горизонтов нам не открылось. Спуск к югу оказался значительно короче (около 10 км) и круче. Скалы южных склонов гор ярко блестели на солнце, словно отполированные темным пустынным загаром. В одном из боковых ущелий северного склона, известного под названием Тусулур (что значит водопад), я отметил небольшую струйку воды, окаймленную кустарниками и травой. Там летали горные выюрки,

горихвости и чеканы. В альпийском поясе мы слышали голоса уларов.

Около 11 часов утра мы вышли из гор, и нам открылась обширная панорама. Широким жолобом лежала перед нами впадина или межгорная долина, замыкавшаяся на южном горизонте следующими горными грядами (считая с запада на восток): Тосто, Хошу, Ноин-богдо и Сэврэ. Пройдя немного вдоль южного подножья Нэмэгэтэ к востоку, мы разбили лагерь у двух колодцев Хобрэн-худук. От местных монголов узнал, что в восточной части хребта (Нэмэгэтэ) имеются скалы с изображениями зверей.

9 июня.

Ночь была прекрасная, прохладная, ярко светили звезды. Мы поднялись в 1 час ночи, а в 2 часа уже были в пути на пересечение долины в направлении к Тосто. Несмотря на очень каменистую тропу, наш маленький караван двигался быстро. К 7 часам утра мы сделали 23 км и достигли дна котловины, у колодца Оэтэлэн-худук. Здесь проживала партия китайцев торговцев, а поодаль находилось монгольское стойбище. Китайцы, вопреки своим обычаям, показали себя не очень любезными и почтительными по отношению к нам.

Через 15—18 км мы подошли уже к окраине передовой цепи гор Тосто, тянувшихся с востока на запад. Остановившись отдохнуть в попутном айле, я неожиданно узнал огорчительную для себя новость. Оказывается произошло недоразумение. Нам следовало идти к колодцу Дэбсык-худук, находящемуся в хребте Ноин-богдо, а наш проводник вел (и почти довел) нас к Дэбсык-худуку гор Тосто. И в тех и в других горах имеются колодцы, носящие буквально одни и те же названия (и в Тосто и в Ноин-богдо имеются как Ихэ, так и Бага-дэбсык). Ошибка эта стоила нам целого дня пути, так как мы сделали 38 км к юго-западу совершенно напрасно, вместо того чтобы идти к юго-востоку. Я тотчас остановил верблюдов, и мы сами стали искать подходящей тропы прямо к востоку, чтобы достичь Ноин-богдо. Такая тропа нашлась очень быстро, и мы направились вдоль северного подножья гор. Между тем становилось очень жарко, надо было передохнуть у воды. Мы остановились у первого колодца — Довэ-худук.

Надо заметить, что почти все колодцы, залегающие вдоль цепи Ноин-богдо, тщательно выложены сланцевыми плитами; водоносный горизонт здесь неглубок, а вода — прекрасного качества.

Подкрепившись чаем с дзамбой и покормив верблюдов, мы около 1 часа дня продолжили свой путь по хорошей выючной дороге, пересекавшей многочисленные сухие русла с довольно высокими береговыми террасами. К югу убегали тропинки,

протоптанные домашним скотом; они вели к монгольским айлам, расположенным несколько глубже, в горах.

Когда мы прошли обособленную гряду Зангэт-хайрхан и поднялись на очередную береговую террасу, нам открылась величественная панорама на близкую вершину Хохшу и на целое скопление острых скалистых пиков, окружающих массив Ноин-богдо. В 5 часов дня наш караван остановился на ночлег у колодца Уэльсэн-худук, сделав всего 58 км.

Проводник, чувствовавший себя виноватым, очень быстро разыскал себе заместителя, и, в конце концов, мы расстались с ним вполне мирно и даже одарили его, по общепринятому у нас в путешествии обычаю.

10 июня.

Серое небо, прохладно. Выступили на рассвете с проводником ламою. Невдалеке, на одном из холмов показалось два хулана, но сразу исчезли. Мы вскоре миновали высокий массив Хохшу с крутыми, иногда отвесными, пустынными склонами и стали приближаться к группе пиков Ноин-богдо, которые у монголов носят название «хано», что значит стена. Главная вершина Ноин-богдо имеет форму трапеции. Тропа постепенно углублялась в горы. Теперь мы шли на востоко-юго-восток. Справа от нас высились, словно взъерошенные, вершины Хулэстэн-ула. Ландшафт тех и других высот был пустынен и печален. Становилось жарко. Верблюды то и дело поднимались на небольшие перевалы и вновь спускались в долины. В одном из крупных ущелий — Обо-сандэм-ама отрядно зеленели заросли дерисуна (чия). Наконец, мы свернули в сухое песчаное русло Куку-довзйн-сайр, где по скалистым склонам лепились тополя, и поднялись по нему до колодца того же названия, где и заночевали. Здесь еще вечером я выловил из колодца сачком прекрасного, видимо только что упавшего в воду, тушканчика. Совсем близко от нас вздымались к небу своеобразные «хано» самых причудливых очертаний, в виде башен, замков, гигантских пальцев и т. п. Ряд таких вершин уходил в даль, к северному крылу Ноин-богдо.

11 июня.

В 4 часа утра мы уже в пути. Утро опять облачное и очень прохладное. Шли вверх по сухому руслу, и через 4 км нам открылась вновь, но уже вблизи, характерная вершина Ноин-богдо. С южной стороны на ней высилось грандиозное обд. Пройдя всего 8 км, мы решили сделать более длительную остановку на попутном колодце Дэлэн-усу, с тем чтобы отсюда совершить налегке экскурсию в абсолютно безводный и почти бесплодный массив Ноин-богдо; там меня интересовали надписи и рисунки на скалах, о которых рассказывали местные жители.

Легкий дождь сменился к середине дня ясной погодой, и я смог сделать несколько фотографических снимков ближайших высот Улан-дэлэн-хада.

12 июня.

Серым облачным утром я отправился с монголом-проводником на экскурсию к главному массиву Ноин-богдо. Мы подъехали к подножию массива с юга (сделав всего 10 км от Дэлэн-усу), откуда склоны самой вершины выглядели необычайно крутыми и недоступными. Массив Ноин-богдо замыкает довольно широкую долину с запада, а на востоке виднеются горы Гурбу-тушэмил. Дальнейший путь, мимо колодца Сучжэн-булак, был очень утомителен. Приходилось пересекать каменистые ущелья и овраги, причем верховые верблюды при спуске в очередное сухое русло всегда переходили в тряскую рысь, от которой вскоре начали болеть все внутренности и каждая мышца тела. На пути я развлекался созерцанием массивов Гурбу-тушэмил, их отвесными бурыми склонами, в которых на большой высоте над обрывами зияли пещеры. Самым величественным показался мне Дунду-тушэмил, т. е. средний. У подошвы каждого Тушэмил—колодец. Растительность — самая жалкая, пустынная—имелась только в среднем и нижнем поясах. Пройдя последний, восточный Тушэмил, мы спустились в узкое пустынное и унылое ущелье, которое после многочисленных изгибов и поворотов привело нас к другой пади, где залегает колодец Бага-дэбсык (партия Глаголева провела 2 месяца несколько ниже, на колодце Ихэ-дэбсык).

На Бага-дэбсыке кочевников не было, колодцем давно не пользовались, и он был полон навоза мелкого скота. Кроме того, на поверхности воды в изобилии плавали многочисленные трупы жуков, мух и ночных бабочек. В соседних скалах громко кричали кекелики (*Alectoris kakelik*), у самого колодца на утесе ютились горные голуби (*Columba rupestris*). Здесь же перелетали розовые вьюрки (*Erythrospiza mongolica*). Недалеке трещали пустынные сойки. Наскоро утолив жажду, я отправился искать изображения животных на скалах и очень быстро их обнаружил. Скалы оказались сплошь покрытыми мелкими рисунками, среди которых особенно ясно были видны фигуры верблюдов, аргали и всадников на конях. Немало было и каких-то неведомых знаков. Над самым руслом на тех же скалах я разобрал целые сцены из жизни людей и животных. В том же ущелье, несколько ниже, я нашел еще отдельные валуны, покрытые пустынным загаром, сквозь который намечался тот же орнамент.

По отношению ко всем подобным рисункам на твердой породе интересно отметить, что изображения видны гораздо более отчетливо на значительном расстоянии, а вблизи контуры

как-то теряются. Поэтому сделать хорошие снимки довольно трудно.

В 4 $\frac{1}{2}$ часа мы направились обратно к колодцу Сучжэн-булак, которого достигли уже после того, как солнце скрылось за ближайшие горы. Здесь у нашего толкового проводника монгола мы и ночевали. Около этого колодца, в 200 м к востоко-юго-востоку, на покатоcти, у подошвы горы расположены в ряд девять круглых каменных насыпей; между насыпями — около 1 м расстояния, а весь ряд протянулся на 36 м. Диаметр каждой насыпи — около 1 $\frac{3}{4}$ м. По словам местных жителей, это сооружение называется Оболен-чулу и по древности своей не уступает керексурам.

В юрте за чаем при свете коcтра и светильника около бурхана летали ночные бабочки, проникавшие через дымовое отверстие в потолок жилища. Одну ночницу поймал я, дру-гую — хозяин юрты. Я удивился, с какой осторожностью он сделал это, бережно передав мне бабочку в морилку.

13 июня.

Утром снимал Ноин-богдо, но погода была облачная, и я не уверен в удаче моих фотографий. К 12 часам дня мы прибыли к нашему лагерю на колодце Дэлэн-усу. Вечером я поднялся на отдаленную седловину, чтобы еще раз полюбо-ваться на вершину Ноин-богдо. По крутым пустынным скло-нам и в недоступных человеку скалах везде паслись домаш-ние козы. Эти животные, наравне с дикими горными козлами, используют корма в местах, казалось бы, совсем непригодных для пастбы.

Весь день небо было в тучах; по-временам падали капли дождя и набегали сильные порывы ветра, носились пыльные вихри. Все местные монголы ждут не дождутся благодатного дождя, так как корма совершенно выжжены.

14 июня.

Погода опять облачная с порывистым юго-восточным вет-ром. Мы выступили позднее обыкновенного — в 4 часа 40 ми-нут и сразу взяли направление на юго-запад. Сначала путь пролегал среди горного ландшафта (массив Дорбульжин-хо-рун, вершина Хайлистэн с источниками и, наконец, трехвер-шинная гора Эрдэни), а затем мы вступили в открытую пус-тынную равнину, по которой, как демоны, бежали затейливые по очертаниям пыльные вихри. На горизонте играл мираж.

Недалеко от одного из колодцев в горах — Ихэр-худук, — в 10 км от Дэлэн-усу я заметил стадо аргали в 12 голов. Они спокойно паслись на дне русла у подошвы горного склона. Заметив нас, животные стремглав бросились вверх по крутиз-не. Впереди бежал огромный рогач, следом за ним изящно прыгал ягненок. На вершинах скал и на гребнях аргали на самое короткое время останавливались, чтобы вновь пуститься

дальше. На одном колюдце, вблизи выхода из гор на равнину, мы встретили семью монголов, прикочевавших сюда издалека и устраивавшихся на новом месте. При первом же знакомстве с нами они рассказали о своем великом несчастье: у них на днях погибла дочь 20-летнего возраста. Девушка отправилась пасти овец в скалистые горы и больше не вернулась домой. Через несколько дней родители нашли 20 зарезанных волком овец и около них — труп пастушки, погибшей от неизвестной причины.

Наш караван, выйдя на равнину, подвигался особенно успешно. Тропа шла по направлению к высокому ободу на холме, вблизи которого строился монастырь. Строителями являлись китайцы. Материалам служили глина и дерисун. На севере тянулись горы, над которыми доминировал знакомый нам массив Хохшун. К югу расстилалась безбрежная, ровная, как стол, пустыня; она значится на карте как «степь Алтын-гоби».

Миновав кумирню Оботэн-хурул, мы расположились на ночлег в 3 км от нее, у пресного источника Убур-булак, откуда было видно высокое обод, обставленное целым кольцом меньших по величине обод. Едва мы разбили палатку, как к нам явился главный лама кумирни, по имени Бут, в сопровождении еще нескольких монголов, одному из которых поручено вести нас на Эцзин-гол. Нам советовали выступить возможно раньше и запастись водой. По словам наших новых знакомых, при успешном движении мы можем достичь цели на следующий день.

Лама Бут слышал о том, что на Эцзин-голе работает партия русских, и выразил удовольствие познакомиться теперь со мною — начальником экспедиции. Он объяснил мне, что мои спутники при их следовании из Ноин-богдо на Эцзин-гол пользовались более восточной дорогой, известной под названием Сучжэн и выходящей на восточный берег озера Согонор. Мой маршрут должен пройти между озерами и называется «Модон». В заключение лама пожаловался на боль в правой руке и ключице и просил лекарств. Со мною не было никакой аптеки, но я обещал привезти ему какое-нибудь средство при своем обратном следовании.

Весь день было облачно при сильном переменном ветре. Как мы ни старались, нам не удалось так поставить палатку, чтобы ветер не врывался в дверь, раскидывая листы бумаги, засушенные растения и извлеченных из морилки насекомых.

15 июня.

Поднялись в полночь, проспав все же 4 часа; выступили в 1½ часа ночи. Небо было покрыто тучами, сквозь которые кое-где проглядывали звезды. На этот раз нас сопровождал лама на молодой, еще не выезженной верблюдице. К правой ноге

животного был привязан аркан, при помощи которого наездник мог заставить верблюдицу лечь. Путешествие для нашего проводника, да и для всех нас, оказалось довольно беспокойным. Верблюдица всю дорогу кричала, прыгала, извергала изо рта жидкость, обрызгивая всех, жалась к каравану, к другим верблюдам и, толкая их, все время сбивала с тропы, а на косогорах приходилось опасаться, как бы она не столкнула выючных животных вниз по склону. Лама все же не унывал, хвалил свою верблюдицу, уверял, что она сильна и гибка и прекрасно пройдет до Эцзин-гола и обратно. В подтверждение своих слов он иногда запускал ее во всю прыть по каменистой равнине и быстро скрывался из глаз.

Еще в темноте на северной окраине слегка всхолмленной пустыни я слышал лай собак. Лама объяснил мне, что здесь на колодце Боомын-худук есть монгольский айл. В окрестностях имеется еще несколько колодцев, но вода везде солоноватая, пригодная, собственно говоря, только для домашних животных. Монголы, живущие здесь, несомненно страдают от плохой питьевой воды, но кочевники привыкли считаться, главным образом, лишь с тем, что полезно их стадам, составляющим всё их благосостояние.

Рассвет застал нас уже в совершенно ровной каменистой пустыне, темной от загара. Несмотря на твердый грунт, узкая тропа все время была видна и змеилась вперед. По руслам дождевых потоков сосредоточивалась колючая растительность. Кое-где видели табунки антилоп хара-сульт и стада хуланов. Из птиц отметили лишь больдуруков и пустынных соек. На холмистой окраине пустыни еще в темноте я слышал пение жаворонков.

После восхода солнца стало порядочно пригревать, и всех нас потянуло ко сну. Сидишь на верблюде, покачиваешься и дремлешь, хотя и стараешься не уснуть и не упасть с седла. Чтобы прогнать дремоту, я впервые в жизни воспользовался советом проводника и несколько раз нюхал табак. Оказывается, действительно, хорошо помогает! Томительно и однообразно тянулось время. Наконец через 10 часов пути, пройдя 45 км, мы решили остановиться часа на 2. Верблюдам корма достаточно, они пасутся вблизи нас. У нас есть с собой вода и дзамба. Только мы расположились пить чай, как внезапно разразилась песчаная буря. Все кругом заревело, застонало... Дзамбу доканчивали уже с песком. Через час ураган утих и заменился крепким ветром; воздух немного очистился от пыли. Проводник указал нам темную гряду, едва маячившую на далеком юге, и сказал, что это — высоты около озера Сого-нора.

Вскоре мы снова в пути. Местность едва заметно понижается в сторону котловины низовьев Эцзин-гола. Галька стала мельче, еще темнее. Мы отметили несколько последова-

тельных понижений. В низинах появился тощий саксаул, изредка тамариск. Ветер совсем стих, разъяснело, и солнце стало сильно припекать. Верблюды шагали ходко с приятным и столь знакомым путешественнику шорохом мозолистых ног по твердому грунту пустыни. В стороне Гашиун-нора всё время играл мираж: виделось несуществующее озеро.

Пройдя еще 15 км, я поднялся на небольшую возвышенность, к ободу, сложенному из саксаула, и увидел, наконец, настоящее озеро Гашиун-нор. Здесь, в окрестностях обода, решили ночевать, сделав за день 60 км и пробыв в седле 14 часов. Люди и животные заметно утомились. До гряды Боро-обо, в соседстве озера, на востоко-юго-восток от нашей стоянки, оставалось 13 км.

16 июня.

Спали, как всегда, отлично и с рассветом были уже в пути. До Сого-нора дошли быстро и проследовали его западным берегом к югу. Северный берег озера обрывистый. Здесь на возвышенности сооружено обо, которое мы видели издалека (Боро-обо). По водному простору (восточный берег был едва виден) гуляла волны, озеро шумело. Приятно пахло свежестью и водой. В пышных густых зарослях камыша и тамарисков гудели рои насекомых. Овода сразу облепили наших верблюдов. Мы свернули несколько к востоку, чтобы выйти из чащи, и вскоре нашли торную дорогу, проходившую по окраине галечного плато. Впереди были видны густые камыши южного берега, а на востоке — глиняные и каменные постройки монастыря и ставки торгоутского бэйлэ. Через час мы были уже в монастыре, где молодые ламы с любопытством смотрели на нас, бормоча вполголоса: «Какие страшные люди пришли». Не представляю себе, чем мы их напугали...

В управлении нас встретили приветливо и угостили чаем. Председатель по имени Чэныр передал мне письмо от начальника южной партии — С. А. Глаголева, из которого я узнал, что сам Сергей Анатольевич с Даниленко находятся в Хара-хото, а молодой Пржевальский занят сборами птиц, зверей и насекомых на восточной ветви Эцзин-гола.

Между тем наши вьючные животные, не заходившие в монастырь, проследовали к колодцу Хурлын-худук, где под сенью больших тополей мои спутники устроились лагерем. Не успел я расположиться в палатке, как прибыл Чэныр, уже доложивший торгоутскому бэйлэ о моем приезде. Оказывается бэйлэ хворает и сможет принять меня только после моего возвращения из Хара-хото. Я в свою очередь угостил председателя чаем и побеседовал с ним, прося его, во-первых, оказывать и в дальнейшем содействие моим спутникам, чтобы они могли успешно выполнить свои задания, а затем своевременно предоставить им верблюдов для переезда в Холт. В заключение я спро-

сил, не было ли у него с моими сотрудниками каких-нибудь недоразумений, которые он желал бы разрешить с моей помощью. На это Чэныр, не задумываясь, ответил, что сотрудники экспедиции всё время занимались своим делом, и никаких недоразумений у него с ними не было.

Обменявшись рядом любезных фраз, я просил председателя передать моему старому знакомому—торгоутскому бэйлэ—золотые часы и хадак в качестве привета. Чэныр низко поклонился и ушел. Через час он вернулся обратно с золотыми часами и повторил мне слова князя. Бэйлэ благодарит меня за дружбу, не хочет взять ценного подарка, потому что давно знаком со мною и считает это излишним, просит принять его хадак и надеется, что на моем обратном пути он будет в состоянии повидаться со мною, чему будет очень рад. Пока он поручает своему сыну-наследнику завтра навестить меня.

Пользуясь прекрасной погодой, я сделал несколько фотоснимков и, между прочим, увековечил свой бивак под сенью высоких тополей. Было жарко, душно и пыльно. В палатке—множество мух, муравьев и пауков. К вечеру стало легче, а ночью совсем посвежело, но вскоре поднялась буря. Шум ветра в ветвях тополей, а также пыль, обдававшая нас, мешала спокойному сну, и мы задремали только к утру, когда ветер стих.

17 июня.

Серое, пыльное, сравнительно прохладное утро. У нас всё время посетители: соседние монголы, идущие к колодцу за водой или следующие верхом мимо нас, неизменно заворачивали к палатке, подсаживались к костру и вели неторопливые беседы. В 8 часов утра явился сын торгоутского бэйлэ—Топшин-баир—высокий, красивый молодой человек, с орлиным носом и умным лицом. В первое мое посещение этих мест Топшин-баир был еще ребенком и смотрел на русских издали любопытными глазами. Сейчас он почти во всех делах заменяет отца, которому уже 70 лет. Мне было очень приятно поговорить с ним. В непринужденном разговоре я вновь высказал свои пожелания о том, чтобы он продолжал оказывать содействие членам моей экспедиции и во-время предоставил бы им выючных животных для следования в урочище Холт. Топшин-баир обещал исполнить все мои пожелания и поинтересовался, не буду ли я сам нуждаться в верблюдах для обратного пути к северу. На это я ответил, что располагаю животными и благодарю за предупредительность. В заключение я вручил молодому князю кусок золотой парчи, хадак и золотые часы, возвращенные его отцом. Он казался очень довольным и даже тронутым такой честью и с достоинством благодарил меня.

В самые жаркие часы дня я с успехом ловил мух, бабочек и жуков (преимущественно древесных), а также скорпионов, сальпуг и фаланг. Мы вскоре улеглись спать, так как завтра предстоял большой 40-километровый переход до базы глаголевской партии.

18 июня.

Утро холодное и прозрачное. Выступили в 4 часа и бодро зашагали среди густых зарослей тамариска, хармыка, джиды и камыша. В тополевом лесу и среди тамарисков было особенно пыльно. Вскоре стало очень жарко, кругом жужжали насекомые. В начале лета Эцзин-гол утопает в пышной зелени — пока еще свежей и яркой. Все рукава реки совершенно сухи и заполнены сыпучим песком. Только в омутах в тени стоит вода, к которой приходят как домашние, так и дикие животные.

Между отдельными руслами реки иногда залегают довольно большие тополевые рощи, а по соседству вздымаются песчаные холмы, то сплетаясь в сложный узел, то извиваясь узкой полосой барханов. Сухие русла Эцзин-гола похожи на широкие аллеи, обставленные мощными тополями или кустами тамариска. Издали с вершины холма — как вверх так и вниз по бывшему течению реки — открывается отрадное море зелени, среди которой желтеют лишь оголенные ложа рукавов Эцзин-гола и отдельные склоны барханов, большей частью также заросших кустарниками.

Местный торгоут вел нас то одним берегом реки, то другим, постоянно пересекая песчаное русло. Изредка на пути встречались пасущиеся кони, ослы, крупный рогатый скот, козы и овцы. Все животные были в теле, видимо пастбища здесь отменные. Долина Эцзин-гола, ее лёссовая почва, периодичность обводнения реки, поддерживающего жизнь тополево-тамарисковых лесов, местное население, пользующееся в своем домашнем обиходе высокими двухколесными телегами — арбами, всегда напоминали мне Китайский Туркестан, в частности долину Хотан-дарьи. Стойбища торгоутов, как старые заброшенные, так и населенные, встречались часто. Загоны для скота и всякие ограды построены из уродливых сухих стволов тополей и ветвей тамарисков.

Жара сильно донимала нас в течение всего дня. Дорога была пыльная, местами верблюды вязли в сыпучем песке. Заросли тамарисков иногда так плотно сдвигались, что выюки ломали ветви кустарников, а седоку приходилось низко наклонять голову, чтобы не оцарапать лица, и всячески лавировать, чтобы не порвать одежды. Следуя вверх по долине, мы сначала пересекли средний рукав Эцзин-гола — Дунду-гол, потом еще два второстепенных русла и, наконец, вступили на берег самого восточного рукава, известного под названием Онцын-

гол, где и нашли базу глаголевской партии. Палатки спрятались в лесных зарослях левого берега, только кухня была вынесена на середину заросшего травой сухого второстепенного русла. Меня приветствовал Н. В. Пржевальский. Этот юноша сильно вырос, но остался попрежнему очень худеньким и узким в плечах. Экспедиционная собака Пестрый, взятая из Улан-Батора, сразу узнала меня и бросилась ласкаться.

Долина Эцзин-гола, реки, берущей свои истоки в горах Нань-шаня.
Центральная Гоби

В первый же день приезда я ознакомился со сборами птиц, млекопитающих и насекомых; выслушал несколько охотничьих рассказов, а затем усталость взяла свое, и я после вечерних очередных метеорологических наблюдений залег спать. Вечер был тихий и ясный. Сквозь белое полотно палатки светила молодая луна. Громко пели цикады. Голоса моих спутников рядом быстро смолкли, и весь лагерь уснул.

19 июня.

День тихий, ясный. С утра фотографировал тополевые и тamarисковые рощи и вообще ландшафты Эцзингольской долины. Потом просматривал спиртовые сборы, которые оказались в хорошей сохранности.

В палатке — необыкновенное количество мелких муравьев, местами укрывающих ковром войлоки. Отделаться от них нет возможности. Они довольно безвредны, но всё же неприятны.

Торгоуты после моего появления в партии Глаголева стали гораздо любезнее, чем были раньше. Охотно предлагают всякие продукты: молоко, сало, масло и мясо. Довольствуемся очень хорошо.

Вечером вблизи палатки на воздухе при полной тишине заводили граммофон. Многие пластинки доставили мне большое удовольствие. Уже больше года не приходилось слышать музыки.

20 июня.

Утро было ясное, затуманенное пыльной дымкой. Воздух теплый. Временами дул порывистый северо-восточный ветер. Произошла маленькая неприятность: исчезли отпущенные на пастьбу верблюды. Цэндэ — наш орокнорский проводник и хозяин верблюдов — в отчаянии, рыщет уже много часов по зарослям Эцзин-гола, но пока безрезультатно, хотя уж 3 часа дня. Обидно будет, если из-за этого не удастся завтра выступить в Хара-хото. В середине дня, когда воздух немного очистился от пыли, я сделал еще несколько дополнительных фотоснимков: увековечил сухие русла восточного рукава Эцзин-гола с биваком экспедиции, а также — уголок с водою и лесом, куда приходят стада на водопой. Довольно глубокий водоем продержится, вероятно, еще порядочное время. Мы долго сидели на возвышенном берегу этого временного озера, любуясь игрою мелкой рыбешки. Спутники ловили насекомых, а я с большим удовольствием выкупался и даже поплавал. Вода была довольно чистая и в самом глубоком месте достигала мне до шеи. Очистившийся от пыли воздух после трех часов дня снова наполнился ею: усилился северо-восточный ветер и вновь всколыхнул песок и лёсс. Солнце выглядело бледным диском. Верблюды нашлись только к вечеру; таким образом завтра можно ехать.

21 июня.

Серое мглистое утро. Северо-восточный слабый ветер. Мы в пути с 6 часов утра; держим направление почти к югу. Пересекли Онцын-гол и площади пышной древесной растительности, которая постепенно редела. Появились песчаные барханы — с кустарниками и совершенно оголенные. Образование таких барханов известно: сначала куст тамариска или другое растение задерживает перемещающийся силой ветра песок, который скупивается у его подножия. Кустарник тянется вверх, поднимается постепенно и песчаный холм. Нередко при высыхании соседних русел реки кустарниковая растительность начинает хиреть от недостатка влаги, отмирает, песчаный холм

Из раскопок в Хара-хото

постепенно вновь развеивается ветром, обнажая скелеты ветвей и стволов.

От Онцын-гола до Хара-хото около 12 км. На всем этом протяжении дорога змечется среди песчаных бугров с тамариском; видны следы древних пашен, арыков, остатки гранитных валов. Только в непосредственном соседстве с мертвым городом, с северо-северо-востока надвинулись сыпучие пески в виде бесформенной насыпи. Эти пески прикрыли местами стены города и проникли внутрь его. Путнику приходится подниматься на высокий песчаный увал, с которого виден весь город. Шпиль субургана виден километров за 5. Городская стена за 3 км вырисовывается уже ясно. Все серо, безжизненно и тонет в мглистом воздухе.

Через 4 км мы прошли одинокий субурган, через 7 км — щебнистое возвышение, на котором расположены парные субурганы на расстоянии 1 км один от другого. У северного субургана имеется глиняная пристройка. Руслa с мертвым лесом, которое я видел в свое последнее посещение Хара-хото, я в этот раз не нашел, но в общем характер местности мало изменился. Так называемый Знаменитый субурган, подаривший мне когда-то богатые научно-художественные сокровища, выделялся и сейчас своим высоким пьедесталом на окраине возвышенной террасы, на которой покоится и весь город. На субургане происходили работы. Около него меня встретил С. А. Глаголев и показал прокопанные его рабочими перекрещивающиеся ходы через пьедестал. В этот момент со стены Хара-хото послышался призыв на утренний чай. Мы вошли в город через западные ворота. Я сразу узнал то место, где когда-то долго жил, где так много работал, радовался и восхищался удачными результатами раскопок. В городе было всё так же тихо, мертво, пустынно и угрюмо. Белый шатер экспедиции приютился между западной и южной стенами, ближе к первой, на развалинах храма, где предварительно очистили плиточный пол. Воду приходилось брать из колодца, находившегося в 7 км к юго-юго-востоку от города. На мой вкус она была вполне доброкачественная.

С. А. Глаголев устроил меня в своей палатке, где находились все предметы, добытые в Хара-хото. Здесь были фрески, керамика, глиняные фигуры, а также металлические изделия — топор, лемех и пр. — и обрывки писем, собранных главным образом в Знаменитом субургане. Все коллекции я тотчас просмотрел и обратил особое внимание на раскрашенную статую в 1 м высотой и на голову Будды, которые показались мне наиболее ценными объектами находок. Затем я ознакомился с дневниками, съемками, графиками и чертежами, сделанными К. К. Даниленко, по указаниям С. Ф. Ольденбурга. Юноша прекрасно выполнил задание, сделал подробнейшую съемку Хара-хото, начертил соответственно план

города и написал очень обстоятельную легенду к плану. Позднее мы все вместе отправились бродить по мертвым улицам. Сначала прошли к месту последних раскопок—у северо-западного угла, где видимо был дом Хара-цзянь-цзюня. Затем поднялись по бывшей «лестнице» к субурганам. Лестницы больше не существовало. Судя по провалам, размытым углам и обвалу в воротах и башнях, здесь не так давно прошел ливень, потоки которого сильно испортили внешний вид крепости. Я с удовольствием вспомнил, что Штейну удалось всё-таки увековечить лестницу¹. А вот и брешь — выход за стены в оазис — ход, которым пользовался лично Хара-цзянь-цзюнь. Здесь был плиточный пол и облицованные стены. На пути мы собирали наиболее типичные образцы керамики. Вечером беседовали о минувшем, уже пережитом, и строили планы на предстоящее. Мои спутники предполагают в ближайшее время выполнить и последнее мое задание: измерить с помощью плота глубину озера Сого-нор и сделать профиль его дна. Говорили также о маршруте в Холт и об исследовании по дороге хребта Сэврэ. Вскоре после девятичасовых метеорологических наблюдений улеглись спать. Вечером и ночью сильно занимали комары.

22 июня.

День рассвел более ясным и прозрачным. Мы на ногах с 6 часов. Утром фотографировал, причем ветер, несший мелкий песок, сильно мешал работе. После полудня северо-западный ветер перешел в бурю, продолжавшуюся до позднего вечера. Песчаные холмы закурились, как маленькие вулканы. Там, где я в свое время спрятал целый ряд крупных глиняных статуй, в настоящее время — огромное скопление песка. Нам так и не удалось их найти, несмотря на тщательно сделанный мною в 1909 г. план места, где мы закопали интересные фигуры.

Вечером перезаряжал кассеты фотоаппарата в убежище лампы-отшельника у южной стены, где, между прочим, оказывается оставил свой автограф спутник моей предыдущей экспедиции С. С. Четыркин.

23 июня.

Небо с утра окутано свинцовыми тучами. Тихо. Падают отдельные капли дождя. Сегодня просил своих спутников сосредоточить внимание на поисках легендарного «колодца», где якобы были спрятаны все сокровища Хара-цзянь-цзюня перед сдачей города. Во вторую половину дня стало светлее, и я опять занялся фотографированием разных деталей города. На завтра намечаю свой отъезд.

¹ После открытия Хара-хото Монголо-бичуанской экспедицией П. К. Козлова сюда приезжал и вел большие раскопки археолог А. Штейн. (Прим. ред.).

24 июня.

Полуясное утро. У меня всё готово. Прощай мой сонный город, прощай Хара-хото!

Последний раз я навестил свое детище.

Мы шли старой дорогой через тополевые и тамарисковые рощи к своему лагерю на Онцын-голе. Днем стало совершенно ясно и жарко. Вечером светила полная луна, и было очень тихо. После сухости Хара-хото воздух долины Эцзин-гола кажется влажным. Коля Пржевальский порадовал меня добычей саксаульного воробья (*Passer ammodendri*) и кустарницы (*Phorphilus pekinensis*).

25 июня.

Утро облачное. Солнце встало в густых тучах, и были видны только косые его лучи на небе. Я устал, и мне хочется скорее попасть на Орок-нор и в Холт. Всё время думаю о своих спутниках, работающих там, далеко на севере.

Приезжал на ослике мальчик торгоут; привез мне в подарок молока в медной посудине. Он мне очень понравился: стройный, красивый, с узким лицом и умными выразительными черными глазами. На голове красная повязка, из-под которой виднелась коса. В общем он напоминал девушку. Мальчик обещал доставить тушканчика и показать места, где, якобы, водятся много змей.

Около 6 часов вечера с востока пришла сильная песчаная буря. Казалось, что на нас надвигается высокая стена желтой пыли, а потом все закрутилось и утонуло в сплошной мгле. Буря бушевала всю ночь, тучи сгустились, и упало немного капель дождя. Лёссовая пыль и мелкий песок покрыли довольно основательным слоем мою постель и все вещи. Кроме того, противные муравьи сотнями лезли под одеяло и не давали спать. Было душно и жарко. Ветер стонал и шумел, грозя унести палатку. Давно не испытывал такой скверной ночи.

26 июня.

Небо покрыто темными сплошными тучами. В 6 часов 30 минут утра пошел мелкий, но спорый дождь. Дождевые капли были темного цвета, так как они увлекали за собой частицы лёсса и песка, взвешенные в воздухе; шел настоящий «грязный» дождь. Все тело, в особенности руки, искусанные за ночь муравьями, покрылись волдырями и сильно зудились. Но все-таки было приятно, что посвежело, и всякий «гнус» исчез. Отсутствовали даже комары. Сегодня распростились и с Онцын-голом. Выступили в 6 часов 30 минут утра: шли очень успешно среди тамарисков и песчаных бугров. Дождь сеял непрерывно. Около 9 часов подул восточный ветер и разрядил тучи. Появились полосы ясного неба. Мы быстро обсохли и совсем повеселели.

Изредка на пути виднелись айлы торгоутов и их стада овец. Иногда табуны сытых лошадей подбегали к каравану, смотрели на нас и, словно дикари, фыркая, уносились прочь, неизменно пересекая нам дорогу. Из диких животных я отметил хара-сульту, в кустарниках кричали фазаны, перелетали саксаульные воробьи, пели *Rhopophilus* и делали своеобразные эволюции в воздухе чеканы. Одна самка фазана перебежала тропинку, а через несколько шагов взлетел ее птенец, величиною с куропатку.

Не доезжая 15 км до ставки торгоутского бэйлэ и нашего колодца Хурлын-худук, мы отметили развалины значительного

П. К. Козлов и его старый друг торгоутский бэйлэ

монастыря, пострадавшего во время дунганского восстания 58 лет тому назад. Вместо погибших храмов торгоуты выстроили новый монастырь под названием Даши-гойлэн или Хошун-хит в низовье реки, в соседстве озер и центральной пустыни. Среди лам-торгоутов есть один тибетец из монастыря Лаврана около Лхасы. На вершине пустынной возвышенности, к югу от храма, стоит обо цилиндрической формы с «поясом».

Переход от Онцын-гола до Хурлын-худука, под сень отдельно стоящих тополей, был очень утомителен. Мы расположились лагерем только в 3 часа дня. Через час ко мне уже явился председатель с приветствием от старого князя торгоутов и с приглашением на завтра к самому бэйлэ. По словам Чэныра, старик на его доклад о моем приезде промолвил: «Мы оба постарели, узнаем ли друг друга? Завтра я пришлю за моим старым приятелем (т. е. за мною) человека и лошадь» — «Мне,—

закончил Чэныр, — бэйлэ приказал выполнить все Ваши пожелания наилучшим образом».

В сумерки порывы ветра прекратились, стало почти тихо. Температура воздуха 17°, а ночью было еще прохладнее.

27 июня.

Утро было ясное, не жаркое, и в промежутках между отдельными порывами ветра тихое. На небе — узкие полосы перистых облаков. В зеленой листве тополей переговаривались саксаульные воробьи.

Сегодня долго толковали с С. А. Глаголевым, который провожает меня и завтра должен вернуться в Хара-хото. Он рассказал мне много интересного о деятельности его партии и о своих взаимоотношениях с сотрудниками, которым он дал отличные характеристики. Между прочим, мой помощник сознался мне, что чувствует себя не вполне подготовленным к самостоятельной работе и что ему очень хотелось бы проделать еще одну экспедицию под моим началом на более скромных ролях «ученика». Он хотел бы вести только геологические и ботанические наблюдения и сборы.

Около полудня за мною приехал сын старого бэйлэ — торгоутский гун с приглашением на чашку чая. В сопровождении молодого князя, председателя Чэныра и моего сотрудника — Глаголева и переводчика я отправился в ставку гуна, находившуюся в 1 км к северо-востоку от нашего лагеря. Мы подъехали верхом к глинобитной стене. Войдя в ворота, увидели ряд юрт, к двум из которых (княжеским) вели кирпичные дорожки. Нас пригласили в большую юрту молодого князя. У дверей стояла нарядная красивая жена его, мило и изысканно ответившая на мое приветствие. В юрту мы вошли в строгой последовательности: сначала пропустили меня, за мною последовал торгоутский гун, а затем — мои спутники. Меня усадили на почетное место, и тотчас передо мною появился сервированный стол. После обычных приветствий и чая я сфотографировал молодого князя с его черноокой супругой и маленьким наследником, представшим передо мною без всякой одежды. После маленького перерыва чаепитие продолжалось. Разговор принял более деловой характер. Я просил дать глаголевской партии верблюдов до Холта или по крайней мере до Орок-нора. На это торгоутский гун вежливо ответил, что они, торгоуты, избегают встречаться с халха-монголами и боятся вызвать неудовольствие китайцев, почему он может дать вьючных животных только до Оботэн-хурула. После долгих переговоров он, наконец, согласился доставить моих сотрудников несколько далее — до Ноин-богдо. Пока мы беседовали, в юрту ввели под руку моего старого приятеля торгоутского бэйлэ. Старый князь настолько изменился — одрях-

дел,— что его действительно трудно было узнать. Кроме общей слабости, он еще страдает почти полной слепотой. Трудно было также понять его невнятный лепет. Бэйлэ согласился сняться вместе со мною и со своим сыном.

По окончании визита и деловых разговоров я отправился к монастырю и там сделал еще несколько фотоснимков. Между прочим, сфотографировал группу лам на паперти, перед расписной красно-золотой дверью. Из монастыря я снова зашел к торгоутскому гуну, чтобы попрощаться. Здесь он поднес мне кусок тибетской шерстяной материи (красной с черными крестиками в белых окружностях) и тот самый отрез богатой золотой парчи, который я ранее отправил через него в подарок его супруге. Этому второму подарку я воспротивился и тотчас передал его по назначению. Княгиня приняла парчу с милой улыбкой. После заключительной чашки чая я, наконец, мог уехать домой в сопровождении торгоута, везшего шерстяную ткань.

Этот визит и длинные разговоры утомили меня, и я был рад попасть «домой», в свою палатку. Здесь я разделся до белья, так как было жарко, и сел за свой дневник. Вдруг неожиданно ко мне вошел торгоутский гун с человеком, несшим на спине целый мешок «даров природы». Супруга гуна прислала нам в дорогу продовольствие. Больше всего было риса и всевозможных сортов сахара... Все это было нам очень кстати.

Вечером в наш лагерь пришли торгоуты, хорошо помнившие меня и моих спутников по прошлой экспедиции. Они называли имена моих старых верных спутников и расспрашивали о их судьбе. Мне было крайне приятно, что торгоуты так тепло вспоминали русских, посетивших их много лет тому назад. Некоторые из гостей задавали вопрос: приеду ли я к ним еще раз?

Был очень рад, что Глаголеву удалось исхлопотать себе специального водовоза и 4 новых рабочих для производства раскопок в Хара-хото. Среди последних следует отметить торгоута по имени Гончик — необычайно трудолюбивого и исполнительного человека, уже работавшего в мертвом городе, в партии Глаголева. Впоследствии он заболел желудком и ушел домой. Кстати о желудочных заболеваниях. В предыдущую экспедицию, при наших работах в Хара-хото, у меня была организована доставка питьевой воды из Эцзин-гола, для чего служили специально нанятые ослики и погонщики. Нынче мои сотрудники пользовались водой из колодца, находящегося в 7 км к юго-востоку от города. В результате все, за исключением одного, переболели желудками; я пробовал эту воду: только что доставленная — она вполне приемлема, но позднее, когда постоит, то приобретает тяжелый запах и, повидимому, вредна.

Ночь была прекрасная, звездная. Светила луна. Было тихо.

Встали с зарею. Перистые облака плыли по горизонту, дул свежий восточный ветерок. Мы выступаем в сторону пустыни. У нас хороший проводник торгоут. Глаголев проводил нас еще немного и вскоре отстал. Мы расстались с ним самым дружеским образом.

Караван шел ходко по тихой долине. Из зарослей долетали крики фазанов, чириканье воробьев и пение славок и чеканов. На превосходных пастбищах лежали и лениво передвигались лошади, коровы, ослы. Проводник всё время заботливо прогонял пасшихся животных с нашего пути, чтобы они своими резкими движениями не напугали трусливых верблюдов. Высокий густой лиственный лес тянулся по берегам Модон-гатэлга-гола. Редкие тополя выделялись своими пышными кронами и могучими стволами. Хармык уже набирал ягоды. Тамариски стояли в своем нежном розовом наряде. Русло, в настоящее время сухое, было глубокое, песчаное и достигало 30—40 м глубины. Вероятно не позже, как через месяц, оно оживится водою... Из уремы доносился лай собак, там видимо располагались юрты. Две юрты стояли и у самой дороги. Когда мы проходили, обитатели спали, приподняв все войлоки с восточной стороны, чтобы легче дышалось. Река постепенно уходила к западу, где виднелись огромные тополя. Мы последний раз переправились через ее сухое песчаное русло и вскоре после этого, миновав обо на возвышенности, вступили в пустыню. В соседстве обо залегало небольшое болотистое озерко, заросшее пышными травами. Тут шел пир пернатых. Кричали крачки, утки, красные казарки (*Casarca ferruginea*). На заре мы наблюдали здесь утренний перелет. Наша дорога четко выделялась впереди на твердом каменистом грунте, постепенно поднимаясь выше и выше. В нескольких местах я отметил небольшие площадки зеленоватого цвета, покрытые какой-то массой, напоминавшей ил. Эта масса достигала 5—8 см высоты и сверху была подернута засохшей корочкой и присыпана песком.

Уже с 10 часов утра стало жарко и душно. Солнце жгло немилосердно, ветер порою обдавал накаленным воздухом, словно из горящей печи. Горизонт был сужен пыльной завесой. Боро-обо у берега озера Сого-нор всё еще маячило на юге среди моря миража. Пустыня в месте нашего пересечения достигала 85 км в поперечнике. Поэтому, пройдя большую половину ее — 45 км, — мы остановились на отдых. К вечеру, когда воздух несколько очистился, мы увидели на севере контуры хребтов, частью которых являются горы Ноин-богдо. На всем нашем пути пустыня была покрыта черным щебнем, блестящим от загара. Растительности не видели никакой. Только в сухих дождевых руслах ютились тощие кустарники — цзак, хармык, карагана, *Ephedra* и немногие другие. Несколь-

ко раз наблюдали быстрых антилоп хара-сульт. При дороге были нередки отдельные каменные плиты с вырезанными на них священными надписями. В отдельных случаях на таких же камнях красовались изображения фаллоса.

К ночи небо заволокло слоисто-кучевыми и дождевыми облаками, настала приятная прохлада.

29 июня.

Ночью было тихо, порою светила луна. Ко мне в палатку пробрался ежик и не хотел уходить, пока его серьезно не потревожили.

Выступив до зари, мы к восходу солнца сделали уже 9 км. Как и вчера, солнце всходило кроваво-красным диском. Сегодня оно через несколько мгновений скрылось за тучи. Равнина попрежнему была беспредельна с едва заметным подъемом к северу. На черной от загара поверхности едва-едва намечалась тропа, но верблюды, видимо, как-то чувствовали ее, потому что никогда не сбивались в сторону. К полудню мы достигли знакомого места Оботэн-хурул, с ключом Убур-булак и монастырем. На половине пути мы встретили торгоута с Эцзин-гола, который следовал к себе домой с тремя упитанными верблюдами без вьюков. Мы остановились и немного побеседовали. Оказывается мы видели его юрту—крайнюю к пустыне. Он заверил нас, что в один день перемахнет пустыню и прибудет домой глухою ночью. Едва мы остановились и устроились на луговой площадке, как пошел дождь. До вечера он принимался итти несколько раз. Воздух очистился, стало прохладно. Вблизи ключей паслись верблюды, лошади, коровы и овцы, задерживаясь здесь после водопоя. Позднее они все исчезли, и стало совсем тихо.

Мы с трудом нашли проводника ламу, оказавшегося нашим знакомым: он довел нас сюда с колодца Дэлэн-усу, когда мы следовали в передний путь. Теперь он обещал доставить нас на Улан-худук, несколько восточнее известной нам дороги.

Вблизи ключей Убур-булак я обратил внимание на массив, сложенный из бурой плотной породы, на которой покоятся основательной мощности конгломераты. Массив прорезан несколькими сухими руслами с крутым падением. На доминирующей вершине воздвигнуто обо, видное далеко из пустыни.

30 июня.

Ночь была облачная, с переменным порывистым ветром. Прохлада способствовала крепкому сну, и мы выступили на час позднее обыкновенного. В монастыре все еще спали, одни собаки провожали нас дружным лаем. Тотчас к северу от монастыря мы вступили на торную дорогу. Ландшафт оставался прежним: безбрежная темная каменная пустыня, пересеченная кое-где сухими оврагами и руслами, простиравшимися с

северо-востока на юго-запад. Наше направление было северо-северо-западное. На северо-западном горизонте виднелся массив Хохшун. К северо-востоку залегала цепь гор, которую проводник назвал Энгэры-инхэры. По мере приближения к горам число сухих русел увеличивалось, появились дерису и карагана. Стали встречаться небольшие высоты и целые массивы. Мы вступали в южные отроги цепей Гобийского Алтая, выклинивающиеся к югу, далеко в пустыне. Наконец мы вошли в узкое каменистое ущелье с легким мягким подъемом и пересекли первый после пустыни незначительный перевал Цаган-обонэн-даба. Спуск был также отлогий, и мы без труда осилили всю небольшую трядку, не более 15 км шириною. На северной окраине ее оказался прекрасный ключ Заталга, окаймленный изумрудной зеленью и золотыми пятнами гусиной лапчатки (*Potentilla*). Здесь было много мух и бабочек, которых я тотчас наловил. На южной окраине гор мы отметили пару молодых хара-сульт, вскочивших вблизи каравана и унесшихся вверх по сухому руслу, и одного крупного горного козла, неподвижно стоявшего на скалистой вершине.

Жители на нашем последнем переходе ютились по колодцам, которых я отметил три: Шабугус-худук — в 6 км от Убур-булака, Талэн-худук — в 10 км; а название третьего колодца — вблизи окраины гор — я не записал.

Ключ Заталга находился уже на окраине широкой долины, отграниченной на севере горами Нэмэгэтэ. Приблизительно на середине долины возвышалась конгломератовая гряда, которая далее к востоку носит название Хано (см. выше описание переднего пути на Эцзин-гол).

1 июля 1926 г.

Ночь была очень душная, спалось плохо, так как сильно зудились руки и ноги от укусов каких-то насекомых (на утро на теле были волдыри, которые я нетерпеливо расчесывал, и в результате у меня во многих местах появились пятна, напоминающие мокрый лишай). Только на рассвете стало прохладнее, подул с соседних южных гор приятный ветерок, и я крепко уснул, но еще сквозь сон услышал возню, крик верблюдов и голоса спутников: надо было вставать! Наскоро проглотили невкусного чая с дзамбой — и снова в путь! Весь день был жаркий и какой-то особенно нудный. Сначала мы направились прямо на северо-запад, на пересечение обширной долины. Верблюды шли ходко, дорога была легкая. Около 9 часов в это полуденное утро я заметил тушканчика, быстро прыгавшего впереди моего верблюда и, наконец, скрывшегося в норке. Вторая половина перехода была значительно тяжелее. Мы подошли к предгорьям Нэмэгэтэ, изрезанным многочисленными сухими руслами, глубоко врезавшимися в склоны красной глины, прикрытой сверху конгломератовой толщей. Эти бес-

конечные балки с крутыми, нередко отвесными стенками до 14—20 м высотой и с песчаным дном, поросшим цзаком (саксаулом), приходилось частично пересекать, а иногда и обходить, поднимаясь ближе к горам, на каменистое плато.

После 12 часов непрерывного движения мы осилили 47 км расстояния и вышли, наконец, к 6 часам вечера к колодцу Хобрэн-худук. Животные и люди сильно утомились.

Мы разбили лагерь на прежнем месте, что и в передний путь,— в соседстве с колодцем; рядом все еще стояла одинокая юрта, в которой проживали мать с дочерью, пасшие небольшое стадо овец и коз.

От колодца Хобрэн открывается прекрасный вид на всю пересеченную нами долину с высокими горными цепями на севере и юге.

Вечером пришлось перезаряжать пластинки, и я прозевал час наиболее обильного лета ночных бабочек. Старик лама, ожидавший нас у этого колодца с верблюдом (как было условлено в передний путь), очень заинтересовался ловлей насекомых. Пока было светло, он удачно поймал несколько хороших жуков, за что и получил маленькое поощрение. Вечером у костра он наловил целую чайную чашку ночниц, прикрыл их сверху другой чашкой, «чтобы они не улетели», и радостно преподнес мне. Пока я рассматривал невообразимую кашу, в которую превратились несчастные бабочки, лама внимательно наблюдал за мною. Когда же мне пришлось выбросить его сборы, он впал в большое уныние и смущение. Я разъяснил ему дефекты подобного способа лова и посоветовал лучше заняться скорпионами и жуками, что он и сделал.

2 июля.

Утро было тихое и облачное. Долину заволокло пыльной дымкой. Девушка монголка, пасшая овец около айла, затянула песню, и молодой высокий голос ее приятно разливался среди общей тишины. Местный охотник рассказал мне, что в горах Нэмэгэтэ недавно леопард¹ на его глазах схватил горного козла и мгновенно умертвил его. Заметив человека, хищник быстро исчез, бросив жертву, которой и воспользовался охотник. Монгол добавил, что леопард большей частью ловит горных козлов, бросаясь на них сверху, перекусывает горло и будто бы прежде всего выпивает бегущую из раны кровь.

Утренние часы прошли у нас непроизводительно. Животные наши так измотались, что мы долго не могли решить, пригодны ли они для дальнейшего следования через Нэмэгэтэ, или им нужно дать отдых. В конце концов мы рискнули выступить, но уже через 2 часа убедились, как тяжело нам будет ехать на усталых верблюдах. Мой верблюд неожиданно упал

¹ Барс-ирбис, водящийся в горах Гобийского Алтая. (Прим. ред.).

на бок и только по счастливой случайности не придавил мне ногу. После этого происшествия я сменил его на крайне капризное животное, которое непрерывно плевалось, кричало, не хотело идти и измучило меня необыкновенно тряским ходом. Так или иначе мы в конце концов добрались до верхнего пояса гор, где тропинка раздваивалась: южная отвечалась к знакомому перевалу Шара-худук, северная — к перевалу Улэн-даба. Ввиду того, что последняя дорога была на 10 км короче и на ней виднелись следы верблюжьего каравана, прошедшего с севера на юг (значит для верблюдов тропа доступна!), мы решили идти через Улэн-даба.

Горы Нэмэгэтэ высоки, скалисты, обрывисты, сильно расчленены и безводны; южные склоны более пустынные и блестят темным загаром, на северных — встречаются луговые площадки, а местами — заросли колючих трав. Ширина хребта в среднем достигает 15 км. С перевала Улэн-даба мы увидели лабиринт крупных остробоких ущелий, сбегавших от гребня к северу. Преобладали буро-красные оттенки горных пород. Далеко на севере расстилалась обширная долина с цзаком (саксаул). На крутом спуске лежал у самой тропы искалеченный верблюд с порванными ноздрями. Он уже не мог встать и, видимо, был брошен здесь монгольским караваном, следы которого мы видели раньше. В верхнем и среднем поясах гор тропа проходила по большой крутизне, так что вьючных животных приходилось спускать по одному; в нижнем — она вышла на дно серого песчаного русла, где верблюды уже могли идти самостоятельно до самого Улэн-худука. К ночи не удалось дойти до саксаульных зарослей, где мы стояли лагерем в передний путь, и мы остановились в 3 км от прежнего бивака, на открытом месте. Вечер был облачный, окрестности тонули в пыльной мгле. Я не стал ставить себе палатки, а устроился под пологом грустного пустынного неба, под защитой вьюков, на своих войлоках. Спал под легким одеялом. Вблизи себя на земле разместил все предметы, которые у меня всегда под руками: часы, anerоид, компас, бинокль, записная книжка, карандаш, спиртовка для жуков, морилка для бабочек, очки, ножик. Спутники расположились метрах в 20, у костра. Было душно и жарко. Южный ветер не приносил прохлады, а как-то еще больше расслаблял; всё было пропитано пылью, от которой тяжело дышалось. Усталые, мы скоро уснули, однако полуночная буря с запада разбудила нас ненадолго; я радовался, что над головой нет палатки, которая создавала бы шум и еще сильнее засыпала бы меня песком.

3 июля.

Проснулись в 4 часа при полной тишине. Всё было затянуто мглой, горизонт сильно сужен. Всё же на юге виднелся в

198

10—15 км силуэт высокой, темной, острой гряды Нэмэгэтэ. Вчера и сегодня я сам вел караван, за отсутствием местного проводника. Это было не совсем легко. Впереди нас залегали саксауловые заросли, где ориентироваться затруднительно. Среди саксаула часто встречались блестящие глинисто-лессовые площадки, издали похожие на лужи воды¹. Мы шли к северо-северо-западу. В саксаульниках отметили множество лисьих и хуланьих следов. Из птиц видели лишь пустынную сойку и крупного серого сорокопута (*Lanius excubitor*), издававшего странные скрипящие звуки, сидя на вершине корявого деревца. Наконец мы приблизились к спуску в сухое русло, также поросшее цзаком. Я узнал далеко на востоко-северо-востоке небольшую вершинку с обо, расположенную вблизи колодца Сухайт-худук и айла Дорчжи, куда мы стремились попасть, и уверенно повел караван в этом направлении. Наш погонщик верблюдов Цэндэ был несогласен со мною и уговаривал взять более западный курс. Я всё же настоял на своем. Мы следовали по сухому руслу, поросшему саксаулом, вспугнули на пути лисицу, по которой не успели выстрелить, и через каких-нибудь 5 км увидели пасшихся верблюдов. Мы сильно обрадовались этим животным, потому что они свидетельствовали о близости населенного места. И в самом деле, пройдя еще около 5 км, мы вышли к колодцу Сухайт-худук, где ютился небольшой айл и стояла юрта нашего знакомого монгола Дорчжи.

Нас тотчас окружили ребяташки, а потом явился и сам Дорчжи с приношениями: с пенками, сыром и горячим, забеленным молоком, кирпичным чаем.

С Дорчжи мы легко договорились о том, что он даст нам свежих верблюдов до Орок-нора, а наших усталых оставит пастись здесь. С Орок-нора мы пригоним ему животных обратно с Цэндэ, который заберет своих отдохнувших верблюдов. За эту услугу мы щедро поблагодарили Дорчжи.

Вечером Ганчжуров с Дорчжи отправились охотиться на хара-сульт. Они караулили антилоп на водопое и стреляли неоднократно на близкое расстояние, но безрезультатно.

Когда все верблюды собрались к ночи в соседство нашего колодца, я был удивлен их количеством. Здесь оказалось свыше сотни животных разных возрастов. Они держались по группам: взрослые, двухгодовалые и молодняк нынешнего года. Все были хорошо упитаны, линяли, а подростки проявляли необычайную игривость, в особенности когда их гоняли на пастьбу или обратно. Как я узнал от Дорчжи, он является не собственником, а лишь старшим ответственным пастухом всего этого стада, принадлежащего управлению Ламэн-гэгэна. У этого монастыря всего до 1 000 верблюдов, пасущихся в

¹ То есть такыры, называемые в Монголии тойримами. (Прим. ред).

разных районах. В передний путь мы встретили в горах Халтэрэ-нору двух лам, объезжавших эти стада и пастбищные владения Ламэн-гэгэна. Пастухи имеют право пользоваться молоком и шерстью верблюдов. Молоко целиком идет в пищу, а шерсть продают китайцам. Китайцы платят 2 серебряных доллара за 3,5 кг шерсти.

4 июля.

Ночь и утро были облачные, теплые. Мы решили сделать небольшой переход, всего в 25 км. Снова шли без проводника, и мне опять удалось благополучно провести караван, значительно сократив и выпрямив дорогу. Мы шли почти прямо на северо-запад, сначала по сухому песчано-каменистому руслу с порослью саксаула и тамариска и с гранитными выходами, затейливо обдутыми и обточенными песком и ветром, а затем — по меридиональной долине — на пересечение Халтэрэ-нуру. Ориентиром в этих горах нам служила очень заметная красная острая вершина Самсогэн-хурин-тологой, расположенная к юго-юго-востоку от Цаган-тологой. В Халтэрэ-нуру на нашем пути преобладали сланцы и розовые граниты.

К полдню мы пришли к ключу Хулустэн-булак, где застали стадо баранов и яманов на водопое. Вскоре животных угнали, и мы приятно расположились лагерем в полном одиночестве: обитателей вблизи не было. Мы купили у пастухов барана и впервые за поездку всласть полакомились мясом. При этом случае я узнал, что Цэндэ съедает за один присест около 3 кг жирной баранины! Вечером я ловил бабочек на огонь свечи, а моему проводнику после многих усилий удалось поймать сачком летучую мышь.

5 июля.

Встали около 3 часов ночи, так как предстоял большой переход. До этого, ночью, зажег свет посмотреть время и сразу заметил порхающих кругом себя ночниц. Пришлось снова заняться их ловом. Таким образом спал очень мало. Сегодняшний маршрут пролегал по знакомой местности. Везде прибавилось населения, по сравнению с тем, что было несколько недель тому назад. Видимо монголы прикочевали в этот район, потому что здесь корма значительно улучшились. Ущелье Халтэрэ-ама — пустынное; мы шли все время по безводному песчаному руслу. После полудня стало очень жарко, и верблюды начали натягивать бурундуки, иначе говоря, двигались неохотно. Около 3 часов достигли холодного, прозрачного, рокочущего источника Цаган-тологой с температурой 7°C и здесь остановились. Ключ полукругом обступали с севера светлые глинистые холмы. Долина приятно зеленела травой, среди которой яркими изумрудными площадками выделялись пашни. В арыках журчала вода. Местами виднелись кустики хармыка и редкие саксаульники.

6 июля.

Встали в темноте, когда звезды горели еще совсем ярко. Воздух был тих и прозрачен. Шли по мягкой тропе, выведшей нас на большую дорогу, окаймленную песчаными буграми, с пышными кустами хармыка, на которых появились уже крупные зеленые ягоды. Далее к северу местность стала постепенно выравниваться, и мы вступили в заросли саксаула, до 2 м высотой. Вскоре лес поредел, деревья помельчали и стали стлаться по земле. Мы оставили большую дорогу, свернув

Из ущелий Ихэ-богдо открывается живописный вид на озеро
Орок-нор

с нее на северо-северо-запад и ориентируясь на западный край отдельной гряды Эрдэни-тологой. На запад потянулись горы Сучжэ.

Мы шли очень ходко, поднимаясь по равнине к Монгольскому (Гобийскому) Алтаю. Под ногами животных был темный мелкий гравий. По мере приближения к горам гравий становился крупнее, начали появляться сухие русла. Через несколько часов мы спустились в широкую балку с обрывистыми склонами, где протекала речка Чэтэн-гол. Вниз по ее долине стлались сплошные ивняки, вверх — по направлению нашей тропы — зеленели пышные луговые травы. Далеко к северо-западу виднелся массив Ихэ-богдо и столовидная вершина Пунцэн-обо. Переправившись через очередное каменистое

русло, богатое ключевыми источниками, мы вскоре достигли известного нам урочища — Улан-хошу, где на лугу, пестревшем цветами, остановились на отдых. С восточного левого берега нас обступали базальты, на правом берегу среди базальтов ярко пестрели красные глины. Здесь навстречу нам попались китайцы-торговцы, ехавшие в Цаган-тологой. Через три часа мы снова продолжали путь по Чэтэн-голу. Поднявшись на левый берег, высоко над ложем реки, увидели табун хуланов. После неудачного выстрела они долго метались быстрым галопом из одной ложбины в другую и, наконец, исчезли по направлению к пустыне. Несколько раз наблюдали небольшие общества хара-сульт.

Последняя наша ночевка перед прибытием в лагерь Елизаветы Владимировны была у колодца, вблизи перевала через восточное крыло Ихэ-богдо, около столовидной вершины Пунцэн-обо. Подъем был крутой и каменистый, но всё же нам удалось довольно рано разбить лагерь, и тотчас после чая я решил подняться на Пунцэн-обо. Здесь, к моему большому удивлению, я обнаружил огромный керексур. Никто из монголов, несмотря на мои постоянные расспросы, ни разу не упомянул о существовании этого величественного памятника.

Совершенно плоская вершина Пунцэн-обо, диаметром около 200 шагов, была покрыта луговой растительностью и достигала 2714 м абсолютной высоты.

В центре высилась, повидимому, надмогильная насыпь, из мелких лавовых обломков, увенчанная сложной системой образных цилиндрических сооружений. К северу от этой насыпи располагались 2 небольших керексура, к юго-западу — один керексур. Вдоль восточного края столовидной вершины вытянулись в ряд 13 обо, из которых центральное, самое крупное, было украшено обелиском из темносерой породы, высотой в 1 м 20 см. На стороне обелиска, обращенной к востоку, хорошо выделялось несколько неведомых знаков, стилизованная фигура горного козла и фигура изюбря (оленья), прыгающего с высоты. Неподалеку от обо с обелиском лежал кусок темносерой породы, также с несколькими рисунками — вероятно отломанная часть того же обелиска.

С вершины Пунцэн-обо, от «Ханского мавзолея», как я назвал весь этот исторический памятник, открывалась грандиозная панорама. К северу у подножия гор расстилалась озерная котловина с голубыми пятнами Орок-нора, Цаган-нора и других более мелких озер, за нею желтела широкая полоса пустыни, замыкавшаяся на горизонте темносиним Хангаем. К югу тянулась бесконечная пустынная даль, всхолмленная грядами гор: Халтэрэ-нуру, Нэмэгэтэ, Ноин-богдо и др. На западе из-за соседних более мелких вершин Гобийского Алтая высилась Ихэ-богдо, на востоке — Бага-богдо. По моим представлениям, на такой доминирующей высоте мог быть похо-

ронен только очень уважаемый человек — по всей вероятности крупный вождь.

Осмотрев памятник, я спустился в свой лагерь, где мои спутники уже приготовили чай и с нетерпением ожидали меня. Вокруг нас громко свистели сурки (тарбаганы). Никакие насекомые не тревожили, и мы легли спать под открытым небом. Я долго не мог уснуть, все думал о «Ханском мавзолее» и о том интересе, который он должен возбудить у археологов.

7 июля.

Ночь была ясная, звездная, торжественно тихая. К 6 часам утра небо покрылось слоистыми облаками, которые, однако, вскоре стали рассеиваться. После чая я сразу отправился фотографировать мавзолей. Взглянув на вершину Пунцэн-обо при самом начале подъема, я даже вздрогнул. Там, на краю обрыва, стоял аргали и смотрел на наш бивак. Иногда он спокойно опускал голову и щипал траву или, повернувшись к нам в профиль, словно созерцал южный горизонт. Тогда особенно рельефно вырисовывались контуры его головы с огромными завитыми рогами. Мы шли очень осторожно и в то время, когда горный баран поворачивался в нашу сторону, мгновенно останавливались. Всё же зверь почуял наше приближение и скрылся в восточном направлении. Когда мы поднялись на вершину, там уже не было никого, только маленький зайчик-толай неторопливыми прыжками побегал от нее вниз по крутому склону.

Сделав два фотоснимка и взяв образчик лавы, из которой сложена вся центральная насыпь, я отметил, что в ближайшем соседстве никаких лавовых обломков не видно. Вероятно они были принесены сюда специально для сооружения памятника.

В 9 часов мы направились уже в дальнейший путь через перевал. Спуск оказался очень крутым и каменистым. В верхнем поясе я наблюдал горных выюров, как мне показалось, — *Montifringilla altaica*, а чуть пониже — стадо аргали. Долго и нудно карабкались мы по обрывистой тропе, малопригодной для вьючных верблюдов. Казалось, мы спускаемся в какую-то глубокую пропасть. Около 12 часов дня мы всё же добрались до нижней зоны хребта, и, отправив вьюки окружной более легкой дорогой, я с переводчиком сократили путь диагонально. Совсем не зная точного местонахождения моей орокнорской партии, я всё же как-то угадал правильное направление. В течение трех часов мы пересекали бесчисленные мелкие распадки и сухие русла, пока благополучно не выбрались на хорошую тропинку, шедшую вдоль северного склона гор. Эта тропа и привела нас, правда, сильно измученных, к колодцу Ул-худук, где мы увидели знакомые палатки Елизаветы Владимировны. Рев наших верблюдов сразу поднял экспедиционных

собак, которые бросились на нас с лаем, а потом уже с приветственным радостным визгом.

В отряде орнитолога экспедиции все оказалось благополучно, только сама она перенесла довольно тяжелое заболевание от укуса змеи-щитомордника. Меня здесь ожидало два почтовых пакета—за июнь и за июль, так что я сразу погрузился в чтение писем и бумаг. Цэндэ с выюками прибыл значительно позднее. Мы, собравшись все вместе, приятно провели остаток дня.

8 июля.

Только утром я как следует осмотрелся на своем новом биваке. Колодец и наши палатки располагались в маленьком распадке северного склона хребта Гобийского Алтая, на грани нижней и средней вертикальных зон. В 12 км к северо-востоку от нас, на 700 м ниже нашего лагеря, причудливым драконом раскинулось озеро Орок-нор, лежащее прямо к северу; за озерной котловиной виднелись отдаленные хребты Хангая. С юга, запада и востока нас загораживали крутые склоны нашего маленького ущелья.

Я с интересом рассматривал сделанные Елизаветой Владимировной за мое отсутствие сборы птиц, млекопитающих, насекомых и пресмыкающихся. Выслушал ее доклад о поездке вокруг Орок-нора с целью производства съемки береговой линии и ознакомления с прибрежной фауной. Елизавета Владимировна вручила мне две написанные ею во время болезни (когда она совсем не могла экскурсировать) статьи: «Озеро Орок-нор» и «Весенний пролёт птиц на Орок-норе». Я всем остался очень доволен, все меня здесь радовало и умиляло; просто отдыхал после всех трудностей поездки в Хара-хото. С своей стороны я показал своему орнитологу сборы птиц глаголевской партии, которые надо было определить и уложить. Вечером занялся почтой. Между тем погода испортилась: небо затянулось облаками и пошел обложной дождь. Перед сном мы завели граммофон, привезенный с Эцзин-гола, и все с удовольствием слушали музыку.

9 июля.

Дождь шел всю ночь и к утру усилился. В 4 часа утра пришлось всем подняться, чтобы окопать лагерь, который могли затопить дождевые потоки. Из других более крупных ущелий уже бежали большие ручьи. Вскоре вся широкая долина между нашим хребтом и ближайшими отрогами его — горками Дзэргэлэ—покрылась густой сетью водяных струй, несшихся к озеру. Утро прошло в сооружении отводных канав и укладке коллекционных ящиков в безопасное место на ближайшем горном склоне. К полудню барометр начал повышаться, облака поредели, а около трех часов показалось солнышко. Только на северо-западе еще громоздились тучи и там сверкала молния, а изредка долетали и раскаты грома.

Уже стало темнеть, когда с Орок-нора вернулся наш второй переводчик Цэрэн, пасший в долине озера наших лошадей. Старик оказался совсем больным: его изувечил верблюд, лягнув беднягу в живот совершенно неожиданно и беспричинно, когда Цэрэн проходил мимо этого «мирного» животного.

10 июля.

Ночь была ясная и прохладная. Все люди крепко спали, укрывшись меховыми одеялами. После полуночи разыгрался сильный ветер, полотно палатки надувалось, как парус, шелестело и хлопало; палки скрипели, дверь несколько раз откидывалась, и ее приходилось закреплять. Зато утро рассвело ясное, прозрачное, с глубокими синими далями.

Я занимался укладкой и регистрацией всех коллекций, а позднее фотографировал окрестные ландшафты. В течение всего дня дул порывистый переменный ветер. Иногда порывы бывали настолько сильными, что взметали в палатке не только листы бумаги, но и мелкие тушки птиц, которые катились по войлоку к двери. Приходилось неустанно следить за порядком в нашем жилище, чтобы не лишиться наших ценностей. Вечером видели крупный болид¹, черкнувший яркую полосу в северной части небесного свода с легким уклоном от востока к западу.

11 июля.

Ночь была ясная с тем же порывистым ветром. Около 4 часов утра очередным порывом вырвало железный кол нашей палатки и открыло ее нараспашку. День прошел в экскурсиях за птичками. Орнитофауна, видимо, собрана довольно полно. Повторно попадаются всё те же виды. С Орок-нора приезжала к нам на белом коне юная монголка в красном халате. Она привезла молока и осведомила меня, что для нашей предполагавшейся экскурсии в Битютэн-ама верблюдов не находится, а имеются только лошади. Я угостил девушку чаем с сахаром, завел её граммофон, показал фотоснимки, но ничто ее особенно не заинтересовало. Она обратила внимание лишь на маленькие ножницы, лежавшие на моем ящике, и никак не могла понять, для чего они служат.

13 июля.

Барометр начал падать еще с вечера, ночь была полужасная, тихая и очень теплая. Утро ясное, воздух прозрачен. Ходили с Елизаветой Владимировной на экскурсию на одно из мелких восточных ущелий с маленьким родником Гашиун-шандэ, что значит «соленый» ключ. Вода его, однако, была совершенно пресная. Распадок узкий, как щель, каменистый, крутой. Все же около воды — лужайка, покрытая цветами (больше всего *Potentilla*), и несколько кустарников. На водопой то и дело

¹ Т. е. метеорит (Прим. ред.).

прилетали мелкие, хорошо знакомые и уже добывавшиеся ранее птички. В скалах ворковали голуби *C. rupestris*. У воды было много стрекоз, мух и бабочек. От ключа книзу между скалами виднелось озеро Орок-нор.

Мы возвратились домой, не сделав ни одного выстрела, но с маленьким сбором растений и насекомых. Солнце ярко освещало сланцевые скалы, которые от загара блестели, как зеркала.

Вечером из долины Орок-нора прибыл переводчик и всё-таки привел для поездки в Битютэн-ама двух верблюдов. С удовольствием думаю об этой маленькой предстоящей экскурсии. Я вполне отдохнул. Невзгоды по тысячекилометровой поездке в 35 дней верхом по жаркой, знойной Гоби до Хара-хото уже забыты.

Между прочим, узнал неприятные новости с Орок-нора: среди населения тяжелое настроение, бабы воют. Оказывается пришло известие о мобилизации. Кроме людей, взяты кони, бараны, обмундирование, седла и пр. Мы отрезаны пустыней от культурного мира, ничего не знаем о том, что творится на белом свете, какие назревают в Китае события.

Во всяком случае совершается нечто тревожное, в связи с чем очень желательно было бы экспедиции скорее выехать в Улан-Батор, а затем и домой, чтобы благополучно вывезти все научные сокровища, добытые таким большим напряжением во славу Родины и науки.

14—15 июля.

Утро 14 июля теплое, сухое, ясное. Ездил с ночевкой в ущелье Битютэн-ама. Главными целями поездки были: сфотографировать замечательный каньон, валуны в русле ручья и древесную растительность, которой больше нигде нет на Ихэ-богдо, а кроме того, осмотреть керексуры и камни с надписями, если таковые найдутся.

От колодца Ул-худук, где мы стояли, до Битютэн-ама проложена хорошая тропа вдоль северного склона хребта в его нижней зоне. На пути приходится пересекать немало оврагов и ущелий. В одном месте горы образуют как бы расширение, амфитеатр, с большим количеством выходов красного сланца, напоминающих башни сказочного замка. Монголы называют это урочище Ширэ-ундюр. На правобережной террасе Битютэн-ама, у выхода ущелья из гор, расположена первая группа керексуров (круглых и прямоугольных). Прямо напротив, на террасе левого берега, я отметил второе кладбище с такими же керексурами. Третья группа керексуров находится в трех километрах вверх по ущелью, на правобережной высокой террасе; против этих могил, в скалах левого берега есть пещера, в которой и сейчас живет отшельник-лама. На последнем упомянутом кладбище с северной стороны положен камень с над-

писью «ом-мани-пад-мэ-хум», а с южной — камень с рисунком всадника, двух горных козлов и двух прямоугольников, с точкой посередине. Все подобные рисунки сделаны штрихами беловатого цвета. Эти штрихи производят впечатление глубоких царапин, затертых каким-то веществом, ставшим не менее твердым, чем порода, в которую оно включено. Мне показалось интересным, что пещера отшельника-ламы, своего рода современного Миларайбы, своим выходом обращена на это древнее кладбище.

На этот раз мы остановились несколько выше по ущелью, чем в прошлую поездку, и устроились в небольшом ложке, омываемом быстрым, пенистым рукавом речки, под сенью двух высоких деревьев — березы и тополя. По соседству стояло две юрты, в одной из которых проживала старая монголка. Елизавета Владимировна знала эту женщину и советовала мне остановиться у нее, рекомендуя старушку как очень милую и гостеприимную хозяйку. Вначале я так и хотел сделать, но женщина встретила нас очень сурово и нелюбезно, и мы предпочли жить под открытым небом. Впоследствии выяснилось, что она напугана и расстроена начальством, которое только накануне взяло ее сына «на войну», а кроме того «мобилизовало» ее коней и овец. Увидев людей с ружьями, она решила, что это новое посещение, связанное с мобилизацией. Старушка приходила извиняться и принесла нам молока.

Я был в общем доволен проведенным днем. Фотографии мои, судя по хорошему освещению, должны быть удачны; я нашел камни с надписями, которые искал, и увековечил их. Снимки, конечно, дались мне не даром. Сколько раз пришлось мне вброд перебираться через быструю горную речку, сколько я зачерпывал воду в сапоги и вновь выливал ее. В следующий раз я решил пользоваться для моих экскурсий верблюдом. Пусть он мочит ноги, а я сухой буду сидеть между его горбами... Препаратор принес пару клестов! Для здешних мест это редкое явление!

К вечеру небо покрылось сплошными слоистыми облаками. Мы надеялись на богатый лёт ночных бабочек, но их не было совсем; зато на фонарь сотнями устремлялись рыжеватые мелкие майские жуки. За ночь уровень воды в речке повысился, она громче зашумела. Повидимому в горах прошел дождь. Ночь была тихая, облачная. С утра мы все снова разошлись в разные стороны по ущелью доканчивать свои работы. Вернувшись к обеду к своему костру, мы нашли лагерь опустошенным: здесь побывала монгольская собака и съела все наши припасы. Спутники хотели тотчас уничтожить злодейку, но я их остановил, заметив, что этим беды не поправишь, а впредь надо быть осмотрительнее.

После обеда мы направились домой. Здесь я узнал, что в облачный вечер, накануне, у колодца Ул-худук был отличный

лёт ночниц, и Елизавета Владимировна наловила их на фонарь очень много. У нас же, в глубоком ущелье Битютэн-ама не было ничего.

К вечеру пошел дождь, продолжавшийся и ночью. Мы спали плохо, все время прислушиваясь, не загремит ли с гор грозный поток, не придется ли спасать коллекции..., но все обошлось благополучно.

16 июля.

Раннее утро было очень свежее, солнце едва пробивалось из-за облаков. Начали постепенно собираться в далекий обратный путь к северу. Сегодня глаголевская партия должна выступить с Эцзин-гола по направлению на Орок-нор и Холт, а из Холта должны быть направлены к нам 15 верблюдов, которые повезут нас к палеонтологическому лагерю. Наша собачка Чуфра ночью около палатки поймала прекрасного грызуна, который попал в спиртовые сборы. Именно эти грызуны почему-то в ловушки не идут, и только стараниями собаки были добыты 3 имеющихся у нас экземпляра.

17 июля.

Ганчжуров привез с Орок-нора весть о прибытии из Сайн-нойон-курэ 15 верблюдов, которых мы ожидали лишь к 20-му числу. Они остались пастись в долине озера, так как у нас в горах слишком мало корма. Подводчики передали для меня почту, которой я и занимался большую часть дня, если не считать небольшой экскурсии в Ширэ-ундюр для фотографирования этого урочища.

18 июля.

Все поднялись рано, начали укладку и распределение вьюков. Пришли с озера и новые подводчики, которые сразу освоились у нас и усердно помогали в работе. Целый день на биваке толпились монголы. Некоторые пришли за расчетом, другие заглянули, чтобы попрощаться и получить на память мелкие подарки, третьи просто явились из любопытства. Приехала на белом коне и девушка Тольчжэ, которая не раз навещала наш лагерь. Я на прощание ее сфотографировал. К вечеру все существенное было сделано, вьюки приготовлены. Я много раз вспоминал Холт, свой палеонтологический лагерь. Чем-то порадует меня мой спутник В. А. Гусев, проживший все это время в Холте, в уединении. Я очень ценю этого человека, вдумчивого, преданного делу экспедиции и искренне увлекающегося самой разнообразной деятельностью, в частности как археологическими, так и палеонтологическими раскопками.

Вечером пошел основательный дождь, все вещи пришлось укрыть брезентами. Ночь была ясная, звездная.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ

19 июля 1926 г.

Утро превосходное, ясное, тихое. Мы выступили в 6 часов утра. Несмотря на вчерашний дождь, дорога была уже совершенно сухая. Мы быстро миновали котловину озера Орок-нор и стали подниматься к гряде Хуцэ, сложенной из розового крупнозернистого гранита и сланца. Мелкие ущелья были засыпаны песком. Немного (3 км) не доходя Хуцэ, мы отметили превосходный колодец Сайрэн-худук, глубиной в $2\frac{1}{4}$ м. Вода его оказалась необычайно вкусной, что так редко бывает в пустынных местах. Пройдя еще 12 км к востоку-северо-востоку, мы спустились в глубокую и широкую долину Туин-гола (Амгэлтэ-гол). Вода в реке была теплая, прозрачная, уровень ее несколько не поднялся. Монгольских айлов в долине осталось мало: травы посохли, здесь почти совсем не было дождей, и большинство монголов еще в начале лета переключалось в Хангай, а некоторые — в долину Орок-нора. После крутых каменистых гор нам показалось особенно приятно остановиться на берегу реки, на лужайке, где трав и цветов было все-таки гораздо больше, чем на склонах Ихэ-богдо. У воды резвилось несколько видов куликов, летали крачки-ласточки и спокойно плавала семья красных уток. В небе все еще пели жаворонки и, свистя крыльями, проносились стрижи. На южном горизонте громоздился хребет Гобийского Алтая, по гребню которого лежал недавно выпавший снег.

К вечеру на северо-востоке скопились тучи, но у нас погода оставалась тихой и ясной в продолжение всей ночи.

20 июля.

Прекрасным, тихим, росистым утром мы оставили Туин-гол и двинулись к северо-востоку, к озеру Холбольдж, через щебнистое, пустынное плато, где я отметил много норок кротов.

Не доходя озера Холбольдж с юга, расположен небольшой (около 2 м в окружности) соленый бассейн, где происходит

добыча соли. Здесь же имеется прекрасный пресный ключ с температурой воды 8,5° С, над которым поставлен субурган. Местный районный начальник — цагда — заведует отпуском и распределением соли.

Соседнее озеро Холбольдж также соленое. Оно достигает 10 км в окружности и имеет в общем округлую форму, лишь слегка вытянутую с запада на восток. Берега его низкие, песчаные, реже илестые. На западном и северном берегах возвышаются песчаные барханы с отлогими западными и более крутыми восточными склонами. Дно твердое, песчано-глинистое. Ил имеется только у южных и западных берегов. С помощью нашей складной брезентной лодки мы сделали промеры глубин. Наибольшая глубина — 1 м, которая вообще преобладала при обоих пересечениях озера — с севера на юг и с запада на восток. Лишь в 100 м от берега глубина начинала постепенно и последовательно уменьшаться.

Озеро питается ключами, присутствие которых мы заметили во время купания: во многих мелких местах на поверхности воды появлялись пузырьки воздуха, и здесь вода была заметно холоднее. Наконец, ногами не трудно было нащупать место, откуда бил ключ.

На Холбольдже скопилось множество птиц. Больше всего было пеганок (*Tadorna tadorna*), красных уток и куликов-шилоклювок (*Recurvirostra avocetta*). Кроме них, отмечены также чайки, крачки-ласточки, кроншнепы, большие улиты, песчаники, зуйки и *Erolia ferruginea*. На песчаном бархане разгуливала серая цапля. На юго-западном влажном берегу держались чибисы.

При беглом изучении озера обнаружить в нем водной фауны не удалось.

21 июля.

Всю первую половину дня караван экспедиции бодро подвигался к северо-востоку по щебнево-песчаной пустыне; тропа постепенно поднялась на не менее пустынное базальтовое плато, к месту прорыва его рекою Тацин-гол. Сделав 35 км, мы остановились на левом берегу прозрачной реки в урочище Улан-доб. Несколько южнее нашего лагеря Тацин-гол уже выходил из гор на пустынный простор, берега его становились низкими и были покрыты скудной травянистой растительностью. В урочище Улан-доб мы заметили незначительных размеров монгольские пашни; мальчик монгол бродил с лопатой и следил за оросительными канавами. По его словам, юрты находились несколько выше и ниже Улан-доба. На пути из птиц мы видели чеканов, славок, пустынных соек и жаворонков. В долине Тацин-гола мы нашли только зуйков (*Charadrius dubius*). Около трех часов дня с севера пришла гроза, но дождь выпал незначительный.

Выступили на заре прекрасного, тихого, ясного дня и очень долго шли предгорьем хребта Ушюк, пересекая бесчисленные лога и сухие русла. В одной холмистой долине я случайно наткнулся на целое кладбище (более 10) керексуров; еще 2 керексура нашел в логу около гор и, наконец, в южном ущелье хребта, у перевала Ушюк-даба, отметил одну большую насыпную (из камней) могилу и три маленьких.

В месте нашего пересечения (восточнее двуглавой вершины Холботэ-цаган-ула) хребет Ушюк достигал 12—15 км в поперечнике и был совершенно безводен. По склонам его среди скалистых выходов и пятен луговой растительности змеились сухие русла — следы дождевых потоков, а в ущельях и боковых мелких распадках дно было засыпано галькой. В верхней зоне хребта, по обе стороны перевала Ушюк-даба — с севера и с юга — залегали неглубокие колодцы с хорошей прозрачной водой. Сам перевал — луговой с небольшим количеством цветущих растений. Из животных я отметил скалистых пищух, песчанок, сычика, горных вьюрков (*Montifringilla alpicola*), каменных воробьев (*Petronia petronia*), завирушек (*Prunella fulvescens*) и др.

Мы ночевали в хребте у колодца Кирэн-хошунэн-худук, куда пришли в 6 часов вечера, после двойного перехода. Вскоре начался основательный дождь, а так как мы опрометчиво расположились на дне ущелья, приходилось опасаться появления воды в русле. Усталые, мы с трудом перетаскивали вьюки на более высокое место, а палатку окопали канавой. Всё-таки спали беспокойно, все время вставали, следили за силой дождя и так и не раздевались до утра.

Все обошлось благополучно. К утру разъяснело, а дождевые потоки появились совсем незначительные. Растительность освежилась, воздух наполнился ароматом. Через наше ущелье прошел матерый волк, за которым устремился наш большой пес монгольской породы Гуло, но вскоре отстал и вернулся к каравану. По выходе из хребта перед нами развернулась обширная долина, уходящая к северо-востоку. Горизонт преграждался горами Готонтэн с вершиной Сончжи, а далее к северу виднелась и более высокая вершина Хан-ула. Мы пересекли долину по диагонали на северо-восток. Миновали несколько увалов, между которыми залегали мелкие озёрки и ряд сухих песчаных русел. По мере продвижения к северу высота увалов возрастала. На одном из них я отметил какие-то беловатые зубцы, которые заинтересовали меня. Остановившись у маленькой быстрой речонки Аргуй, около 4—6 м шириною и до 30 см глубиною, берущей начало в горах Ашигэтхат, мы решили здесь переночевать с тем, чтобы осмотреть

упомянутый увал. Долина речки выше нашей стоянки сжималась скалами, где виднелись кустарники, а около лагеря расстилался хороший луг, пестревший цветами. Мелкая речка хорошо прогревалась солнцем, температура воды оказалась 24° С, и мы все как следует вымылись, а затем я пошел на экскурсию к отмеченным мною зубцам на увале. Здесь я обнаружил ряд могильных насыпей из белых камней. С юга на гребне увала возвышались скалистые выходы в виде зубцов и темнели ниши и пещеры. Около некоторых пещер валялось много костей и копыт жеребят, овец и коз. Видимо это было убежищем волков, куда они утаскивали свои жертвы.

24 июля.

Тиха, прохладна и приятна была лунная ночь на реке Аргуй. Все уснули очень крепко и утром немного проспали. День выдался ясный и жаркий. Караван шел успешно по волнистым увалам, представлявшим сейчас прекрасные пастбища. Северо-западная окраина Гоби стала неузнаваема. Богатые дожди превратили полупустыню в степь. На протяжении дня несколько раз встречались мелкие озерки, где отдыхали кулики и утки, в степи паслись дзерены (*A. gutturosa*), с шумом бури проносились стаи саджей. И сегодня наша собака отгоняла от каравана крупного волка, которых в этой местности, видимо, было немало.

Я с Елизаветой Владимировной обычно ехали впереди наших выюков и, удалившись на 2—3 км, останавливались и отдыхали в ожидании каравана. На одной из таких остановок я как-то, незаметно для себя, крепко уснул и проспал четверть часа. Разбуженный криками верблюдов, я очнулся и только тогда понял, как сильно я устал, как, видимо, ослабела моя, казавшаяся несокрушимой, энергия и как мне необходим настоящий, продолжительный отдых после путешествия для дальнейшей успешной работы. Но как много значит подъем духа, страстное желание проникнуть во все детали жизни природы исследуемой страны, вскрыть историю населявших ее народов... Все эти стремления вливают новые силы, и усталости будто и не замечаешь.

25 июля.

Вчера произошла маленькая неприятность. Километрах в 15 от Холта мы с Елизаветой Владимировной решили проехать прямо в наш палеонтологический лагерь, не дожидаясь каравана. Я ехал на верблюде, Елизавета Владимировна на коне, огромный пес Гуло и маленький Чуфрик бежали сзади. Взяв правильное направление на вершину Сонджи, мы бодро тронулись в путь, и вскоре караван остался далеко позади и исчез из глаз. Через несколько часов езды я обнаружил, что мы все еще продолжаем идти по незнакомой местности, тогда как нам надлежало бы давно быть в урочище Холт. Вершины

Сончжи не было видно. Нас окружала однообразная холмистая степь с довольно высокими увалами. За каждым следующим увалом открывалась маленькая сухая долина, не отличимая от той, которую мы только что пересекли. Найти маленький, затерявшийся среди увалов, лагерь было нелегко. Мы решили, что, вероятно, уже прошли его, оставив где-нибудь в стороне, и повернули на юго-восток, тогда как все время до того шли на северо-запад. Становилось очень жарко, хотелось пить, но с нами не было никаких припасов, кроме нескольких кусков сахара. Мы знали, что здесь, на юго-восточной окраине Хангая, ключи, а тем более речки, встречаются очень редко, а потому сильно обрадовались, когда за очередным холмом увидели вдали яркозеленые заросли ирисов, свидетельствовавшие о присутствии воды. Мы быстро достигли зеленого оазиса и действительно обнаружили чудесный ключ. Животные и люди припали к живительной влаге и сразу почувствовали новую бодрость. Обсудив свое положение, мы решили заночевать около ключа, так как уже темнело, а животные, да и мы сами, нуждались в отдыхе.

Маленькие подседельные войлоки были нашей подстилкой, сами седла — изголовьем, и мы хорошо устроились. Правда, ночью стало холодно, а укрыться было нечем. Мы мерзли. Кроме того, приходилось часто вставать, чтобы смотреть за нашими животными, которых мы отпустили на пастбу. Здесь нам пришлось отметить интересное явление: верблюды и лошади, которых в нормальное время никогда не заставишь пастись рядом, сейчас в этой пустынной местности положительно не покидали друг друга. Но что было еще удивительнее — это поведение собаки Гуло. Этот монгольский пес всю экспедицию был прекрасным сторожем, всегда спал около палатки и не имел никакого отношения к нашим транспортным животным — верблюдам и лошадям. В данном случае, оказавшись в несколько необычайной обстановке, собака по собственной инициативе «пасла» верблюда и лошадь. Животные в поисках травы удалялись от нас на полкилометра — километр, то в одну, то в другую стороны. За ними неизменно следовал Гуло и, свернувшись рядом с ними калачиком, чутко дремал несколько минут, чтобы потом вновь передвинуться на новое место. Я просто умилялся, глядя на нашего верного пса!

Между тем, в лагере в Холте спутники были встревожены нашим долгим отсутствием. Караван пришел около 2 часов дня, а мы не появились даже к вечеру. Отправились в разные стороны разыскивать нас, давали сигнальные выстрелы, а когда стемнело, пустили с вершин холмов несколько ракет. Одну из ракет мы увидели, сидя вечером у своего уединенного ключа. Она показалась нам падающей звездой, но мы догадались, что это сигнал. Заметив направление ракеты, мы с Елизаветой Владимировной на утро 25 июля пошли

почти прямо к северу и через 10 км благополучно прибыли на бивак. Встреча с товарищами, в особенности с В. А. Гусевым, который все время оставался в Холте, пока я два месяца провел в разъезде на Орок-нор и в Хара-хото, была особенно радостной.

В палеонтологическом лагере все оказалось в порядке, все задания были выполнены. Раскопки велись почти всё время, кроме того, по вечерам и по выходным дням Гусев собирал птиц, насекомых и растения. Из палеонтологических находок выделялись огромные бивни и части крупной челюсти с зубами. Остаток дня прошел в осмотре коллекций и в беседах с моими отшельниками — Гусевым и китайцем Фучином. Вечером завели граммофон и пили чай со сладостями.

Наши подводчики торопятся домой, в Сайн-ноён-курэ. Пришлось отпустить их и написать в Монценкооп просьбу нанять нам к 9 августа новых 37 верблюдов для следования в Улан-Батор. Необходимость в большом количестве верблюдов вызывалась тем, что мы в самое ближайшее время ожидали прибытия глаголевской партии из Хара-хото.

Ландшафт урочища Холт сильно изменился за лето. Окачивается, здесь, как и в Хангае, было много дождей, травы пошли в рост, и теперь нас окружали прекрасные луга. Площадка, где ранее располагался мой лагерь, уже давно залита водою и частично снесена речкой. Сейчас палатки стоят метров на 200 выше, над обрывом. Лошади, оставленные в Холте на отдых, также стали неузнаваемы. Они отъелись, округлились, их не легко седлать и трудно ловить — они одичали.

В соседстве с нами стояли теперь лишь две монгольские юрты, население которых обслуживало экспедицию и с готовностью исполняло всякие поручения. Ночь была облачная, прохладная. Спалось очень крепко.

26 июля.

Сегодня я чувствую себя совершенно отдохнувшим и мог бы вновь ехать за сотни километров, лишь бы целью моей поездки было какое-нибудь совершенно новое, неисследованное и интересное место!

Спутники все на работе: кто на раскопках, на обрыве, кто на экскурсии за птичками и зверьками. Я пишу дневник, читаю письма и газеты, прибывшие с последней почтой.

27 июля.

С утра день был прохладный. По небу мчались тучи, дул холодный северо-восточный ветер. Мы оделись в теплые куртки. Приятно, что исчезли все комары, мошки и мухи. Кони и верблюды благодушествуют на хороших пастбищах.

Все мы чувствуем, что наше путешествие приближается к концу. Большинство сотрудников, если не все, рады окончанию

странствования... Рад и я, но вместе с тем мне жаль расставаться с Центральной Азией, с Монголией. Если бы было возможно слетать на аэроплане в культурные центры родной и любимой моей страны, пожить там месяца три, сдать научный материал, побеседовать с друзьями науки, поделиться с широкой публикой своими достижениями, написать краткий отчет и затем вновь отправиться в Азию — в заоблачный Тибет! Ужели я никогда не увижу Лхасы? Любил и люблю я суровый Тибет, его оригинальную природу и своеобразного человека, и дома, на родине, часто мечтой уношусь в его заоблачные выси. Чувствую, что за нынешнее путешествие я полюбил и Монголию, Кентей, Хангай, Гобийский Алтай. Воспоминания, связанные с этими местами, будут и впредь будить желание, как говорил мой учитель Николай Михайлович, «вновь променять удобства и покой цивилизованной обстановки на суровую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь».

Спутники сегодня работали на раскопках: снимали на обрыве верхний слой земли, расположенный над костеносным горизонтом.

Вечером занимался проявлением снимков, сделанных во время моей поездки в Центральную Гоби. Результат удовлетворительный.

28 июля.

Ночь была очень ветреная и прохладная. Окрестную тишину часто нарушал лай нашей своры дворняг, которые чуяли волков.

Утро пасмурное. Спутники уехали на экскурсию в небольшое ущелье северо-западных возвышенностей, где имеются пресные ключи и кустарниковая растительность.

Вскоре, в 10 часов утра, пошел дождь, не прерывавшийся до вечера. С гор внезапно пришли грязные потоки, поднявшие уровень воды в нашей речонке. Такие дождевые потоки в наших местах нередко выносят на поверхность земли и оставляют в сухих руслах палеонтологический материал.

В моей юрте стало грустно и темно: пришлось закрыть дымовое отверстие на крыше из-за дождя и открыть дверь, чтобы пустить хоть немного света.

Анероид и ртутный барометр продолжали падать в течение всего дня. Дождь шел всю ночь.

29 июля.

Серо, прохладно; утром 11,0° С. Мелкий спорый дождь сеет непрерывно. Погода — самая неподходящая для просушки негативов, с которыми я вожусь уже два дня. Спутники ходили вниз по нашему руслу и принесли кое-какой подъёмный материал, между прочим, одну крупную кость какого-то млекопитающего.

Лишь к вечеру дождь перестал, и я вновь занялся проявлением снимков. На этот раз имеются отличные снимки из серии «Эцзин-гол» и «Орок-нор».

30 июля.

Ночью и утром осадков не было, но облака попрежнему окутывали небо, дул крепкий ветер. Во вторую половину дня ненадолго показывалось солнце. Весь день писал деловые письма в Улан-Батор, в Ленинград и в Москву. Хочу отправить Цэрэна с этой почтой в Сайн-ноён-курэ. Елизавета Владимировна сегодня с успехом нашла гнездо пустынной завирушки (*Prunella kozłowi*), правда, с одним только яичком.

31 июля.

С зарею спутники уехали на вершину, где стоит Сончжи, чтобы снять (срыть) всю эту постройку и посмотреть — не хранится ли в ней или под ее фундаментом какого-либо погребения. Сончжи сложена из кирпича-сырца и по внешнему виду несколько напоминает субурган.

Весь день солнце словно стремилось выйти из-за облаков. Долина то освещалась, то снова затенялась тучами, но дождя не было, хотя на северо-западе даже ворчал гром. На биваке и по нашему сухому руслу появилось очень много мошки, беспокойщей не только людей, но и животных.

За дождливые дни птичьи шкурки нашей коллекции отсырели, сделались мягкими, и их приходится вынимать из ящиков и вновь сушить. Июль — самый дождливый месяц в Монголии. В августе к моменту нашего выступления в Улан-Батор, вероятно, погода будет суше. Вечер выдался тихий и относительно теплый. На свечу в моей белой палатке летело довольно много ночных бабочек и жуков.

1 августа 1926 г.

Утро почти ясное, выпала роса. Воздух прозрачен, дали широкие, ветра нет. Насекомые на лугу жужжат по-летнему.

Ездили с Елизаветой Владимировной на тот ключ, у которого мы ночевали, когда сбились с пути. До него оказалось хороших 10 км. Несколько южнее источника (около 5 км) имеется много выходов серого гранита, сильно обточенного и разрушенного атмосферными агентами. Вблизи этих гранитов расположен керексур, окаймленный целой серией гирлянд из камней по углам, а также с юга. На пути к ключу видели небольшие стайки дроф, в гранитных останцах ютился сычик. Елизавете Владимировне удалось добыть хорька, нора которого располагалась среди многочисленных нор мелких грызунов, служивших ему вероятно добычей. Экземпляр оказался отличным, вполне вылинявшим и хорошо убитым, так что в коллекцию был взят весь скелет.

Во вторую половину дня на северо-западе над Хангаем стали грозозлиться грозовые тучи. Гремел гром, блистала в отдалении молния, но до нас гроза не дошла. Вечер был облачный, теплый и тихий, но бабочки почему то совсем не летели на огонь.

2 августа.

Утро полуясное, теплое, безветренное; на траве — обильная роса. Мошки еще больше, чем прежде.

Сегодня Чумыт Дорчжи — здешний состоятельный монгол и мой приятель, который соблазнил меня начать палеонтологические изыскания в Холте, прислал человека провести нас и принес в дар разнообразные плоды своего молочного хозяйства. Старый Чумыт все время хворает, и за время его болезни по недосмотру погибло много скота от всяких стихийных невзгод.

Гусев, работающий на Сончжи, прислал сегодня весточку. Разработка сооружения ведется с большим трудом. Под кирпичной облицовкой оказался плотно сцементированный суглинок — крепкая масса вроде бетона. Мои спутники делают поперечный разрез постройки в 2 м шириною. В глубину достигли лишь второго метра. Пока абсолютно ничего не обнаружено. Колодец, питающий спутников водой, находится в 2 км от места работ и в 1 км от их палатки.

Весь день ушел у меня на окончательную укладку шурупов птиц и зверьков. Впереди еще много возни со спиртовыми сборами. Вечером вновь проявлял пластинки. Из 19 снимков — 15 вышло удачно.

3 августа.

Ночь была полуясная. Под утро с северо-запада пришла темная туча и около 4 часов пополудни разразился настоящий ливень, длившийся всего 15 минут. Благодаря каменистой и песчано-каменистой почве влага быстро исчезает, и в Холте никогда не бывает грязно. Соседние горы Хангая постоянно окутаны свинцовыми тучами; по вечерам там почти ежедневно бывают грозы. Осадки и сильные северо-западные ветры приходят к нам также с Хангая, где образуется скопление более холодных и влажных масс воздуха, стекающих в наши более теплые, нагретые солнцем, низкие предгорья.

Весь день погода стояла переменная: то ярко светило солнце, то начинался дождь. На первом обрыве в красной глине под слоем галечника найдены крупные конечные фаланги пальцев какого-то хищника и бивни. К вечеру с Сончжи прибыл переводчик и подтвердил, что всё сооружение представляет как бы сплошной монолит, работать над которым очень тяжело.

По окончании раскопок мои археологи ежедневно совершают маленькие экскурсии, собирают птиц, насекомых и растения.

4 августа.

Ночь была очень прохладная и во второй своей половине ясная. Утром — небо чистое, безоблачное — тепло и тихо. Занимался печатанием своих снимков.

Ветер и солнце высушили наши палатки и юрты, а главное — коллекции. В эту экспедицию я, между прочим, особенно оценил удобства жизни в юрте. Тяжело, конечно, было бы таскать ее с собою во व्यюках, но пользоваться таким наёмным помещением во время длительных стоянок очень приятно. Во-первых, нет тесноты, которая всегда преследует нас в палатке. Здесь можно расположиться, как в комнате. Кроме того, в хорошую погоду даже на жгучем солнце не жарко, а по ночам в дождливую и ветряную пору тепло и сухо.

Вечером температура опустилась до 10° С, и лёта ночниц почти не было. Около 2 часов ночи с Хангая напоззла на нас темная туча, но дождя не принесла.

5 августа.

Утро было тихое, ясное. На горизонте плыли легкие перистые облачка.

Мы с Елизаветой Владимировной ездили к Сончжи навесить своих товарищей и посмотреть их работу. Путь наш лежал на западо-северо-запад, в горы Готонтэн. Чтобы не карабкаться по крутым склонам горных отрогов, мы, не торопясь, следовали логами и сухими руслами речек и вскоре достигли ближайшей вершины с группой обд. На дальнейшем пути миновали источник, окаймленный прекрасными лугами с цветущими генцианами.

На Сончжи работы были только что закончены: сделан двухметровый поперечный разрез всей постройки, и в результате никаких археологических объектов не обнаружено. Мне кажется совершенно очевидным, что все это сооружение являлось не субурганом, не надгробием, а просто сигнальной башней, которые нередко встречаются в Китае. Вне великой китайской стены на выдающихся вершинах устраивались сончжи, вероятно для того, чтобы факелами сигнализировать в ночное время. Подобные сооружения я видел в Восточном Туркестане, а также в пустыне, на пути от Хара-хото в Алаша-ямынь. С вершины Готонтэн-сончжи открывается прекрасная панорама. Виден Гобийский Алтай, острая вершина неподалеку от реки Тацин-гол, а на севере — горы Ашигэт-хат и Хан-ула. На востоко-юго-востоке блестело озеро Гун-нор и белели палатки нашего лагеря. Гусев добыл мышевидных грызунов и завирушку (*Prunella kozłowi*).

Вечер был тихий, облачный и довольно теплый. Ночных бабочек на биваке летало очень мало, а Гусев в то же время в горах около Сончжи добыл более 40 экземпляров ночниц. Как много зависит от места лова!

6 августа.

Ночь простояла сплошь облачная. Утром пошел мелкий «осенний» дождь и длился до вечера.

К обеду вернулись спутники с Сончжи. Добыли еще одну завирушку моего имени (*P. kozłowi*), пищух и *Microtus*, а также порядочное количество насекомых, в особенности много ночных бабочек. Я занялся приведением в порядок и укладкой этих сборов.

7 августа.

Ртутный барометр и анероид сильно падают. Между тем, дождь перестал, подул сильный западный ветер. В течение дня несколько раз солнце показывалось из-за облаков. Сегодня с удовольствием прочел статью Елизаветы Владимировны о гнездящихся и оседлых птицах Ихэ-богдо. Мне показались особенно интересными ее наблюдения над токованием уларов. Днем занимались укладкой коллекции и всего прочего груза экспедиции для переезда в Улан-Батор. Вечером вместе с нашей собакой Чуфра пошел прогуляться вверх по правому берегу Холта. Последняя очень ловко поймала мне хомячка, поступившего в коллекцию.

8 августа.

Из Сайн-ноён-курэ прибыл нарочный от заведующего отделением Монценкоопа, привез почту и извещение, что верблюды для нас наняты, но придут к нам не 11 августа, как я предполагал, а лишь 18-го. Таким образом я успею съездить на вершину Хан-хохшун-ула, которую мне давно хотелось посетить, и мы уж наверняка дождемся в Холте партии Глаголева.

Гусев добыл неподалеку от лагеря молодого степного орла на взлёте, принес также мух и шмелей. Вообще нынче у нас насекомых собрано много, в особенности ночных бабочек, которым ни в одной из моих прошлых экспедиций не уделялось столько внимания, как в этой.

9 августа.

Погода никак не может наладиться. Снова дождь и ветер мешают нашим работам.

Около двух часов дня приехал Филипп Вторушин—рабочий глаголевской партии—с донесением от Сергея Анатольевича Глаголева. После моего отъезда из Хара-хото спутники ничего не добыли по части археологии, но зато поймали тушканчика¹ (*Salpīngotus*), правда, несколько испортив шкурку. Все мои спутники перехворали желудком, в особенности сам начальник партии, оказавшийся наиболее слабый здоровьем. Одного только К. К. Даниленко это неприятное заболевание не коснулось. На своем пути из Центральной Гоби Даниленко

¹ Этот тушканчик — новый и очень редкий вид, полученный джия Козлова — *Salpīngotus kozłowi*. (Прим. ред.).

вел съёмку, а Глаголев занимался ботаническими и геологическими сборами и наблюдениями. Весь отряд прибудет к нам в ближайшие дни.

10 августа.

Утром моросил дождь, хотя барометры поднялись довольно высоко. Мы продолжали упаковку вещей и готовились с Гусевым в небольшой разъезд в Хангай. Желательно, конечно, дожждаться для поездки лучшей погоды.

11 августа.

Дождь перестал, небо покрыто тонкоперистыми облаками. В 8 часов утра прибыла партия сотрудников из Центральной Гоби. Весь длинный путь им пришлось сделать в самой спартанской обстановке. Из-за дождя и намокшего аргала они часто не имели даже горячего чая, а отсутствие на дороге населенных пунктов не давало им возможности закупать мяса.

До конца дня я выслушивал доклады о деятельности своих спутников и остался доволен результатами их работ. Вечером открыли консервы и как следует угостили усталых товарищей. Молодежь отдохнула быстро, и перед сном мои «мальчишки» спели хором несколько хороших русских песен, после чего мы пустили свои последние ракеты. Этим праздник воссоединения всей экспедиции и закончился.

12 августа.

Воспользовавшись ясным теплым утром, я произвел астрономические наблюдения. Сегодня в долину Холта перекочевало несколько монгольских семейств. Прекрасные в этом году пастбища в этой части страны заставили их раньше обычного покинуть Хангай.

После полудня вновь на севере и северо-востоке стали собираться тучи, а позднее разразилась гроза с дождем и градом величиною с грецкий орех. Все заняты приведением в порядок денежных отчетов, которые нам нужно отправить с ближайшей почтой в Москву.

13 августа.

Обстоятельно беседовал с С. А. Глаголевым. В заключение он читал мне выдержки из своего путевого дневника. В общем я получил полное удовлетворение: Глаголев — вполне сформировавшийся географ. С большим интересом ознакомился также со съёмкой Хара-хото и всей местности, окружающей город, вплоть до долины Эцзин-гола и крайнего восточного рукава его — Ихэ-гола, сделанной К. К. Даниленко. Он вполне оправдал мое к нему доверие.

Под вечер у нас на биваке произошло небольшое приключение: во время кормежки серьезно подрались два наших крупных пса: монгольский Гуло и лайка Гароль. Они так вцепились друг в друга, что мы не могли их разлить водой, хотя

на них был истрачен целый огромный бидон. Тогда переводчик схватил Гуло за ошейник и с силой оттащил от другой собаки, но волкообразный Гароль ринулся снова на недруга и в новой потасовке нечаянно прокусил переводчику руку... Рана оказалась довольно серьезной. После этого случая Гароль прекратил драку и сбежал. Позднее обоих псов сильно выпороли.

14 августа.

Серым облачным утром, около 7 часов, я выступил из Холта в небольшой разъезд, на Хан-хохшун-ула. Со мною поехали Гусев и Цэрэн, а также проводник и погонщики. У нас было всего 4 верблюда (2 верховых — для меня и Гусева — и 2 вьючных) и 3 коня для сопровождающих монголов. Вскоре после моего отъезда все остальные спутники с громоздким багажом экспедиции должны были также покинуть Холт и направиться к монастырю Уйцин-ван, где через несколько дней нам надлежало встретиться и вновь собраться воедино. Таким образом, я предполагал, что, пока большой караван будет медленно двигаться к северо-востоку, я успею сделать порядочный крюк к северо-западу, в Хангай.

Хорошая мягкая тропа вела нас вверх по долине к поперечным грядам с обдутыми и выветрелыми выходами гранитов. На восточной окраине этих горных гряд залегало целое кладбище с плиточными могилами и обычными керексурами — насыпями из камней, обнесенными одним рядом камней в форме кольца или прямоугольника. По дну соседней долины струился прозрачный ручей, то исчезающий под землей, то снова вырывающийся на ее поверхность. Вблизи воды расстилались пышные луга со множеством цветов — голубых горечавок, красных остролодок (*Oxytropis*), желтых хохлаток и много других. На горных склонах травяной покров был относительно беден. В боковых распадках виднелись юрты монголов и их стада. Миновав соленый ключ Дахэ, мы через 18 км поднялись на мягкий луговой перевал Дахэ-дабан, откуда открылся прекрасный вид на Хан-хохшун-ула и весь Хангай в целом. Спуск с перевала, сначала крутой, вскоре превратился в отлогую торную тропу, которая через 4 км привела нас к пресному источнику в урочище Залагэн-сучжи, где мы разбили лагерь. Здесь везде также были прекрасные пастбища и довольно много монгольских юрт. Сосед-монгол тотчас пришел к нам на бивак и принес всяких молочных продуктов. После чая Гусев прогулялся в ближайшие с северо-востока скалистые горы Зала и собрал несколько новых для нас форм растений.

15 августа.

Ночь была тихая, облачная, довольно теплая. Никакие насекомые нас не беспокоили, и мы хорошо выспались. Утро также рассвело облачное. Курс наш стал постепенно склоняться к

северо-востоку, дорога спускалась на дно поперечной долины Улан-эргэ, знакомой нам еще с весны, когда мы некоторое время жили в урочище Уха-обо у моего знакомого Чумыт Дорджи. Впереди, у восточной части восточной окраины массива — Хан-хохшун-ула — виднелось ущелье Тэлэн-гол, к которому мы держали путь. Приближаясь к Тэлэн-голу, мы стали встречать семьи монголов, переселявшиеся из Хангая в Гоби — в район Холта и еще южнее — на Аргуй-гол. Это были пестрые, шумные компании. Верблюды везли юрты, сундуки, тряпье и самих хозяев. На некоторых животных были навьючены пустые ящики, в которых стоя ехали ребяташки. По сторонам каравана гарцевали молодые парни на конях; у каждого в руках торчала длинная тонкая жердь с петлей на конце — приспособление для ловли необъезженных коней в табуне.

Через несколько километров от устья ущелья Тэлэн-гол, вверх по речке, на ее левой береговой террасе, и вверх по горному склону мы отметили ряд древних могил — как плиточных, так и типа керексууров. Здесь были крупные и мелкие, круглые и квадратные сооружения, которые располагались группами и поодиночке.

Около 11 часов утра мы миновали боковой распадок Ихэмодо и вскоре достигли богатого айла Чумыт Дорджи на реке Тэлэн-гол. В ожидании выюков я заехал к своему приятелю. Меня очень приветливо встретили: хозяйка и старший сын-лама вышли из юрты, чтобы оказать мне внимание. Сам старик, вследствие своего болезненного состояния, остался сидеть на своей кровати, переделанной из европейского дивана.

Я был рад увидеть милейшего Чумыта, который на этот раз выглядел гораздо бодрее, чем в предыдущие наши свидания.

Вернувшись на свой бивак, я нашел там вкусные приношения, которые доставили мне молодые невестки моего приятеля.

Отдохнув немного, мы с Гусевым поднялись на соседнюю плоскую каменистую вершину, на южном склоне которой осмотрели гладко отшлифованную серую плиту высотой в 1 м 10 см, шириною в 71 см и толщиной в 22 см.

На этой плите вверху выдолблены три крупных китайских иероглифа, ниже — текст в 17 вертикальных строк. Плиту я сфотографировал, а один из сыновей моего переводчика Цэрэна — Чуватор снял с нее рукописную копию.

К вечеру совсем разъяснело.

16 августа.

Ночь была очень прохладная: В 21 час — всего 4,2° С, ночной минимум 3,0° С. С утра мы с Гусевым и Готопом — сыном Чумыта — поехали на экскурсию вниз по речке в падь Ихэ-

модо. На нижней террасе левого берега Ихэ-мотоэн-гола, усеянной множеством керексуров, мы обнаружили два гранитных изваяния, лежавшие на расстоянии 200 м одно от другого. Первое, очень грубой работы, представляло голову человека с усами. Этот обломок достигал 1 м 10 см в высоту, 44 см в ширину и 20 см в толщину. Второе изваяние — также из серого мелкозернистого гранита — было отделано несколько более художественно. Оно представляло женскую фигуру без головы. Правая рука ее держала у груди сосуд; левая рука, несколько согнутая, была заткнута за пояс, а именно: большой палец был пропущен под пояс, а остальные пальцы обнимали пояс сверху. На поясе видны бляхи или пряжки. Эта фигура имела 1 м 54 см в высоту, 33 см ширины в плечах и 29 см ширины в талии, при общей толщине камня в 13 — 14 см. Обе фигуры были мною сфотографированы.

На ровной террасе, столь богатой керексурами, в настоящее время монголы валяли войлоки. Их юрты стояли по соседству, как на самой террасе, так и по руслу Ихэ-мотоэн-гола. Выше по ущелью вздымалась вершина, сложенная из красных пород. По ее восточному склону также были рассеяны керексуры. С юго-западной стороны очень высоко в скалах виднелось гнездо какого-то хищника, над которым вились три бородача-ягнятника (*Gypaetus barbatus*). Еще дальше вверх по речке на северном склоне темнел лиственничный лес, а все ущелье замыкалось наверху поперечным плоским пустынным валообразным гребнем массива Хан-хохшун-ула.

В лиственничном лесу на полянах пестрели цветы — ромашки, астры, генцианы, колокольчики, гвоздики, пышные зонтичные и другие, и мы быстро обогатили наш гербарий семейнодесятью видами растений. Над лужайками летали бабочки, жужжали мухи, гудели шмели — вообще была совсем летняя картина. Только птиц мы отметили мало. Над лесом с криком носилась пара коршунов, на опушке перелетал конек (*Anthus*), да однажды до меня долетел писк синицы. В альпийской области я, правда, видел еще каменного дрозда (*Monticola saxatilis*) и какого-то чекана. Когда мы вернулись к окраине леса, в 100 м от нас прошел волк. Обратный путь в ущелье Тэлэнгол мы совершили очень быстро и к вечеру были дома.

17 августа.

Ночи стали заметно холоднее. Минимум сегодня был уже 0,5° С, и к утру вся поверхность земли посеребрилась инеем.

Сегодня я еще раз навесил Чумыт Дорчжи, поднес ему в благодарность за помощь, оказанную им экспедиции, кусок парчи и несколько мелких золотых подарков, а, кроме того, пообещал прислать ему книгу о моем путешествии. Старик был очень тронут, сказал, что его внуки наверное уже будут знать

русскую грамоту и смогут эту книгу читать. «Как я рад, — промолвил Чумыт на прощанье, — что я сохранил Холт в неприкосновенности до Вашего прихода и что Вы первый собрали в его обрывах древние кости животных». Мы распрощались с большой сердечностью, и мне от души было грустно, что я вижу этого прекрасного человека в последний раз.

Около 9 часов утра мы с Гусевым и сыном Цэрэна Чуватором отправились в юго-юго-западное ущелье горы Хан-хохшун-ула — Бага-таргиль. В этом ущелье, как и в Ихэ-модо, мы нашли лиственничный лес, богатые травами луга и небольшие заросли кустарников. В вершине ущелья высится зубчатый гребень из розового гранита. Снова собрали много растений и насекомых, а из птиц видели только горихвостку, малого сорокопута и пеночку. Ночь наступила ясная, прохладная. В нашу палатку с вечера несколько раз заглядывали голодные монгольские собаки — очень ловкие вору.

18 августа.

Спали не совсем спокойно из-за тех же собак. Рядом со мною лежал жлыст, у Гусева под подушкой были камни, и мы всю ночь, правда с перерывами, воевали с монгольскими псами, подлезавшими под дверь палатки. Однажды подошел к дверям и громко засопел домашний як. Гусев ловко запустил в него очередной камень, после чего мохнатое чудище мгновенно исчезло, и мы слышали лишь удаляющийся топот копыт.

Ясным тихим утром мы двинулись по направлению к Уйцинван-курэ. Последний в эту экспедицию разъезд был закончен с успехом. Луга серебрились инеем, даль была безгранична, и мы бодро зашагали вниз по Тэлэн-голу, а затем выючной тропой к востоку, пересекая целый ряд горных отрогов. Везде по склонам расстилались великолепные пастбища, на месте старых стойбищ разрослись высокие пышные сорняки, издали выделявшиеся более ярким оттенком зелени. Через 8—9 км от нашей стоянки тропа разделилась: одна отходила к северо-востоку в Сайн-нойон-курэ, другая — восточная, уйцинванская, — избегала на перевал Батэрин-даба, откуда открывался широкий вид на восток, вниз по долине реки Ихэ-хубу. Эта речка вскоре сливается с рекой Шибэты, бегущей с северо-запада, и образует новую — большую гремучую прозрачную Уртэн-гол, по которой мы следовали весь день. Горы, окаймлявшие долину с севера и юга, были высокие с выходами скал по гребням. На северных склонах скалы виднелись и ниже гребня в виде оригинальных матрацевидных отдельностей.

Пройдя 25 км, мы разбили лагерь в урочище Уртэн-ама, в долине все той же речки Уртэн-гол, и, немного отдохнув и добыв тушканчика, мы с Гусевым и проводником Мьямбо поехали на экскурсию за 7,5 км к северо-северо-западу, на горячие ключи Хурумтэн-халюн-усу.

Ключи расположены в широкой долине Даэргэн-гол, понижающейся сначала в северном, а затем в восточном и юго-восточном направлениях, вдоль южного подножия высоких гор, один из массивов которых носит название Абцэг-хайрхан. Издали мы уже отметили в долине как бы оазис, с яркозеленым травяным покровом, вблизи которого виднелись юрты, стоявшие у самых ключей. В голове каждого источника слышался довольно сильный запах сероводорода. Ниже по течению теплых ручьев этот запах утрачивался. Вода была очень прозрачная и приятная на вкус. Около источников находилось 10 каменных ванн небольших размеров. В ванне мог хорошо поместиться сидя один человек. Над четырьмя ваннами были поставлены войлочные палатки, и в них при нас купались ламы. Остальные бассейны стояли открытыми. К каждой ванне вел небольшой жолоб-канавка, через которую и бежала целительная вода. Температура разных источников была весьма различна. В бассейнах с войлочными палатками она достигала 27,7° и 31,0°; 34,2° и 43,7° С. В открытых бассейнах: 26,0°; 26,8°; 35,0°; 37,9°; 41,1° и 47,8°С.

Ниже ванн все источники соединялись в общий ручей с теплой водой, из которого берут воду для еды и питья и где на моих глазах монголка полоскала белье. У места выхода ключей было сложено нечто вроде престола из камней, а перед ним красовались бурханы и отдельные каменные плиты с высеченной на них священной формулой «Ом-мани-пад-мэ-хум». Вся лужайка вокруг источников была каменистая, среди камней везде выступала теплая вода. Говорят, что здесь среди камней и травы скрывается много змей, но нам не удалось обнаружить ни одной. К западу от источников на возвышении в расстоянии 600 шагов стоял субурган.

19 августа.

С утра мы продолжали наш путь к востоку. Вначале мы пересекли долину с горячими ключами и держали курс на массив Арбэн-хирэн-тологой. Корм везде был превосходный. В соседстве со стадом домашнего скота пасся табун дзеренов (*A. gutturosa*), голов в 300. Неподалеку белела точкой дрофа. Вскоре мы вступили в невысокие горы и следовали их мелкими ущельями и сухими руслами до самого монастыря Уйчин-ван. Здесь нам сообщили о месте стоянки каравана экспедиции—поодаль от монастыря на реке Онгиин-гол, куды мы благополучно и прибыли, предварительно посетив Монценкооп и сделав необходимые покупки. В отряде я нашел все в полном порядке.

20 августа.

Ездил утром в монастырь, где недавно закончился праздник; на пути встречалось много пестро одетых монголов. На площади видели борьбу монголов; отличившиеся в этом спорте

получали в награду шляпы! Мимо нас прошел четырехзвездный кавалерийский дивизион. Цирики (монгольские солдаты) были одеты в национальные костюмы (халаты) с саблями через плечо. Сигналы отдавались рожком и гудением в обыкновенную монастырскую раковину. Команда слышалась исключительно на русском языке. Большинство монголов уже развешивались с праздника по своим айлам.

Вечером я был приглашен в монастырь, где состоялось собрание монголов, преимущественно молодых. Как я позднее понял, собрание было устроено в мою честь. Монголы очень тепло приветствовали мое возвращение из экспедиции, говорили немало комплиментов, все речи звучали очень сердечно. Я через переводчика должным образом ответил ораторам и благодарил их за доброе отношение к советской экспедиции и постоянное содействие нашим работам, которое я видел везде на местах. После речей подали угощение — кумыс, водку и закуски. К этому времени меня сменил на этом маленьком банкете Глаголев, а я незаметным образом удалился и поехал на бивак, до которого было 9 км.

21—22 августа.

21 августа мы выступили из Уйчин-вана на Улан-Батор и за два дня прошли 67 км к северо-востоку. Чем больше мы удалялись от Хангая, тем суше и теплее становилось в воздухе. Слоистые облака нередко затягивали все небо, но дождя не было, а в первую половину дня неизменно сияло солнце. Нас окружал горно-степной ландшафт.

Вблизи воды, на колодцах и ключах, стали все чаще попадаться пролётные птицы. В степи видели чеканчика (*Pratincola torquata*), пеночек, а также общества бслыших крошннепов (*Numenius arquatus*), серых цапель (*Ardea cinerea*) и множество молодых белых и желтых плисок.

Кое-где по гребням возвышенностей выделялись гранитные и сланцевые скалы, в ложбинках и по долинам большие площади были заняты дерису. По сторонам везде кричали сурки-тарбаганы, на которых усердно охотились монголы: по уграм слышались частые выстрелы. Вследствие сухости многие источники пересохли; в колодцах воды было достаточно, но сами колодцы нередко располагались вдаль от дороги, и приходилось возить воду в лагерь на верблюдах.

23 августа.

Следовали весь день среди мягких луговых увалов. Погода была отличная — ясная, теплая. К югу от дороги в 5 км отметили небольшую и довольно убогую кумирню Цзойлин-сумэ, в которой насчитывается все же до 150 лам.

В урочище Гэлэн-хошу, или Бурла-хошу, осмотрели и сфотографировали каменное изваяние человека, на поясе которого ясно выделялось высеченное огниво; здесь же стояла каменная

плита с орнаментом. Перевалив высокую гранитную гряду, мы остановились у отрадного источника под скалами. Здесь удалось добыть бекасов, пролётных мухоловок и пеночек среди степи. В скалах жили завирушки (*P. fulvescens*).

24—25 августа.

Оба дня следовали по пересеченной местности к северо-востоку; в долинах часто встречались мелкие озера и болота. На воде отмечали большие стаи крякв, красных уток, горных гусей (*Anser indicus*), а из куликов — песочников, улитов, чибисов и других. По сторонам торной автомобильной дороги пестрели своими светлыми каменными узорами керексуры. 24 августа мы сделали большой переход в 37 км и на следующий день утром, миновав колодец Наринэ-худук, уже прибыли в монастырь Мишик-гун. Здесь в местном отделении Монценко-опа можно было отдохнуть, помыться и узнать последние сведения об автомобилях, нередко курсирующих в Улан-Батор. На наше счастье очень быстро нашлась машина, изъявившая согласие доставить меня, Елизавету Владимировну и часть самых ценных коллекций в столицу Монголии. Я был рад сократить таким образом нудное следование с караваном по знакомой торной, а потому неинтересной дороге.

26 августа.

Выехали на автомобиле в 6 часов утра, а около 5 часов полудни были уже в Улан-Баторе и после обычного осмотра в таможне проследовали в Полпредство, где нас любезно приютили сотрудники. Здесь нас ожидали письма и газеты, и мы сразу окунулись в культурную жизнь.

27 августа.

С утра первой моей заботой было отправиться к китайцу-фотографу и отдать ему для проявления и печатания несколько дюжин пластинок, которые я сам не успел обработать. Затем я посетил Ученый комитет, познакомился с друзьями и пригласил их к себе смотреть коллекции.

28 августа.

Совершенно неожиданно утром ко мне обратились с просьбой показать гостившему в Улан-Баторе китайскому профессору-археологу Юй Ю-женю Ноинульские курганы. Я устал с дороги, и такая спешная поездка в Кентей совсем не входила в мои планы. Всё же пришлось согласиться. В 2 часа полудни мы уже мчались на автомобиле к северу, в Суцзуктэ. Я ехал с китайским профессором и его переводчиком, а во второй машине поместилась «свита» Юй Ю-жениа — целая группа молодых китайцев.

29 августа.

Переночевав в Цзун-модо, как всегда, у любезных, милейших Кузнецовых, мы рано утром были уже на разработанных

нами курганах, которые осмотрели все. На каждой могиле мы останавливались, и я делал краткое сообщение о том, что было в ней добыто. Профессор Юй Ю-жень с большим интересом ко всему прислушивался, задавал вопросы и сам проводил интересные сравнения с археологическими раскопками в Китае. В Улан-Батор мы возвратились в тот же день.

31 августа.

В ожидании экспедиционного каравана мы с Елизаветой Владимировной переехали из Полпредства в отдельный белый домик, в котором мы жили до выступления в Хангай. Здесь в знакомом помещении мы расположились очень уютно, по-домашнему. Места было достаточно для груза и для всех наших товарищей, которые должны были очень скоро появиться.

1 сентября 1926 г.

Сегодня нас посетили многие знакомые, в числе их — представитель Ученого комитета, который очень восхищался нашими палеонтологическими объектами и предложил устроить в Ученом комитете выставку добытых нами материалов. Я с удовольствием согласился. Позднее прибыл Даниленко с письмом от Глаголева. Мой старший помощник доносил, что караван прибудет в Улан-Батор 3 сентября и что в отряде всё благополучно. Вечером пришли китайцы и увлекли меня к профессору Юй Ю-женю. В беседе с последним я узнал, что Юй Ю-жень очень интересовался печатью из Баллодовского кургана. Он сказал, что на ней выгравировано имя китайской женщины «Си-Эр-хо». «Должно быть,—добавил китаец,—вожди, жившие в Ноин-уле, с помощью каких-нибудь тогдашних хунхузов воровали себе жен из Китая». Также большой интерес вызвала у профессора орхонская печать, которую, однако, он считает не китайской. В заключение мы оба выразили сожаление по поводу скорого расставания и обещали друг другу писать. Юй Ю-жень подарил мне свой портрет московской работы и сделал на нем надпись.

3 сентября.

С утра был в Ученом комитете, где видел профессора Б. Б. Пыльнова. Он очень заинтересовался моими снимками в Гобийском Алтае, в особенности фотографией ущелья Битютэн-ама, где долго рассматривал древесную растительность, удивляясь наличию там высоких берез. В это время нам сообщили, что караван вступил в город. Мы с представителями Ученого комитета вышли встретить экспедицию. Верблюды шли очень стройно, спутники все были на местах, собаки были привязаны на сворки. Вблизи таможни нас встретил посланный от монгольского правительства, который дал знак свободно двигаться

ся к дому, не подвергаясь таможенному осмотру. Верблюды очень быстро были развьючены, все вещи внесены в дом. Экспедиция закончилась!.. В этот же вечер я отправил телеграмму в Совет Народных Комиссаров: «Экспедиция благополучно возвратилась Улан-Батор посильно выполнив свою задачу. Палеонтологические успехи превзошли ожидания. Переснарядив караван выезжаем автомобилях тяжелым научным грузом Верхнеудинск. Прошу сообщить сделаны ли соответствующие распоряжения Верхнеудинск и будут ли переведены средства Улан-Батор на переезд экспедиции центр».

4 сентября.

Погода испортилась. Небо заволкло тучами, упало несколько капель дождя. Воеет ветер, стучит ставнями и несет облака пыли по улицам города.

Сегодня изучал договор с Ученым комитетом, который мне предложено заключить. Он вполне приемлем. Мы обязуемся после изучения и обработки археологических материалов из Ноин-ула часть коллекций вернуть в Улан-Батор; некоторые обработанные сборы уже перевезены из Ленинграда и переданы, согласно договору, в Ученый комитет.

5 сентября.

Сырой, дождливый день. Расстаемся с верблюдами и лошадьми. Караван растаял... Грустно. Но с другой стороны радостно то, что каждый день приближает нас к заветной цели — к Родине.

Все в Улан-Баторе относятся с большим интересом и сочувствием к нашей экспедиции. Был на съезде учителей, где меня приветствовали. Журнал «Хозяйство Монголии» просит написать для печати статьи; на 8 сентября назначен мой доклад на учительской конференции.

Спутники заняты пересортировкой и укладкой багажа экспедиции.

14 сентября.

Летчики пригласили меня и моих сотрудников покататься на самолете.

Погода была хорошая, ясная, довольно тихая. Нас прокатили над долиной Толы к западу и к востоку. Я испытал истинное наслаждение. Этот полет навел меня на мысль о возможной экспедиции в Тибет на аэропланах. Я поделился своими предположениями с летчиками, они сильно воодушевились и стали сразу подсчитывать, сколько такая экспедиция может стоить, где должны быть организованы базы бензина и пр. На следующий день командир отряда с двумя своими товарищами навестили меня на дому, и мы продолжили этот разговор. Мы высчитали, что при 12 участниках полета на двух аэропланах такое предприятие может обойтись от

500 000 до 700 000 рублей... Едва закончив экспедицию, я уже загорелся желанием спроектировать новую, на совершенно новых началах, пользуясь достижениями современной техники.

16 сентября.

Был с визитом в Совете министров, благодарил правительство Монгольской Народной Республики за содействие и внимательное отношение к экспедиции. В заключение я сказал, как грустно мне расставаться с Монголией. Мне на прощанье сказали: «Вы — неутомимый исследователь Монголии; мы с интересом и вниманием всё время следили за Вашими работами. Мы счастливы Вашими открытиями, в особенности в области археологии. Наши будущие поколения будут учиться по Вашим книгам. Вы еще бодры, и по ознакомлении центров с результатами экспедиции Вы наверное опять приедете к нам». Я поклонился.

17 сентября 1926 г.

Наконец всё готово. В 12 часов дня весь груз и сотрудники размещены на пяти автомобилях, которые должны доставить нас в Троицкосавск (Кяхту).

Прощай Улан-Батор, прощай Монголия!

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ, ЯВИВШИХСЯ РЕЗУЛЬТАТОМ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ, ПРИВЕЗЕННЫХ ЭКСПЕДИЦИЕЙ

- Бернштам А. Н. Глава «Монгольские гунны» в Истории СССР, ч. I—II, Изд. АН СССР, 1939.
- Бернштам А. Н. Гуннский могильник Нониу-ула и его историко-археологическое значение. Известия АН, 1937.
- Бернштам А. Н. Изображение быка на бляхах из Нониулинских курганов. «Проблемы истории докапиталистического общества», № 5—6, 1935.
- Бернштам А. Н. К вопросу о социальном строе восточных гуннов. «Проблемы истории докапиталистического общества», № 8—10, 1935.
- Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. АН СССР, Ленинград, 1926.
- Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи. Известия АН СССР, № 3—4, 1927.
- Воскресенский А. А. Анализ шерстяных тканей из кургана № 6 раскопок П. К. Козлова. «Известия Государственной Академии Истории материальной культуры» (ГАИМК), т. XI, в. 7—9, 1932.
- Воскресенский А. А., Комонов В. Н. Химико-технологический анализ большого ковра № 14568. «Изв.» ГАИМК, т. XI, вып. 7—9, 1932.
- Воскресенский А. А., Тихонов Н. П. Технологические методы исследования археологического материала. «Изв.» ГАИМК, т. XI, вып. 7—9, 1932.
- Головчинер В. Исследование ковра со стороны техники обработки его вышивкой. «Изв.» ГАИМК, т. XI, вып. 7—9, 1932.
- Клейн В. К., Хвальковский В. Н., Воронков Н. В. Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова. «Изв.» ГАИМК, том XI, вып. 7—9, 1932.
- Козлов П. К. Монгольский заповедник Богдо-ула. «Известия Русского Географического общества», т. 61, вып. I, 1924.
- Козлов П. К. Северная Монголия. Нониульские памятники. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Ленинград, 1926.
- Козлов П. К. Вести из Монголо-Тибетской экспедиции. Русского Географического общества, Хозяйство Монголии, вып. I, Улан-Батор, 1926.
- Козлов П. К. Вести из Монголо-Тибетской экспедиции (1925). «Известия Русского Географического общества», т. 58, вып. 2, 1926.
- Козлов П. К. Хребет Хангай и верховья Орхона с водопадом Экспедиции. «Вестник Маньчжурии», вып. 6, Харбин, 1926.

- Козлов П. К. Монголо-Тибетская экспедиция. Хозяйство Монголии. 1926, вып. 6, Улан-Батор.
- Козлов П. К. Монголо-Тибетская научная экспедиция. Журнал «Новый Мир», 1926, вып. 6, Москва.
- Козлов П. К. Монголо-Тибетская экспедиция. «Хочу все знать». 1926, вып. 12, Москва.
- Козлов П. К. Наша научная экспедиция в сердце Азии (последние сведения о советской научной экспедиции в Монголию и Тибет). «Вестник знания», 1926, вып. 3.
- Козлов П. К. Три года по Монголии и Мертвый город Хара-хото. М.—Л., 1927.
- Козлов П. К. Крайний отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского Географического общества, 1923—1926 гг. Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-тувинской народных республик, Северная Монголия, сборник 3, Ленинград, 1928.
- Ковлова Е. В. Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Центральной Гоби. Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-тувинской народных республик, вып. 12, АН СССР, 1930.
- Кондратьев С. А. О работах по изучению монгольской музыки в октябре—декабре 1923 г. в Урге. «Известия Русского Географического общества», 1924, том 56, вып. 1.
- Колосов В. И. и Казакевич В. А. Восстановление первоначальных крапок ковра из Нойн-ула. Изд. АН СССР и Государственного Эрмитажа. М.—Л., 1937.
- Павлов Н. В. Хангай и Северная Гоби. Предварительный отчет. «Известия Русского Географического общества», 1925, том 27, вып. 1.
- Павлов Н. В. По Монголии. Очерк экспедиции 1923—1924 и 1926 гг. Хабаровск, 1930.
- Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Нойн-ула. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова, АН СССР, Л. 1925.
- Тихомиров Н. П. Обработка древних тканей фото-аналитическим путем. Сообщения ГАИМК, вып. 1, 1931.
- Тревер К. В. Находки раскопок в Монголии 1924—1925 гг. Сообщения ГАИМК, вып. 9—10, 1931.
- Тревер К. В. Памятники преко-баскрийского искусства. Издание Академии наук СССР, М.—Л., 1940.
- Ходушкин И. Первые раскопки в горах Нойн-ула Бюллетень № 1, Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, Иркутск, 1926.
- Alföldi. Die Geistigen Grundlagen des hochasiatischen Tierstiles. Jahrb. des deutschen Archäol. Inst. Bd. 46, 1931.
- Birula A. Zoologische Ergebnisse der von P. K. Kozlov in der Jahren 1925—1926 ausgeführten Expedition nach der Mongolei. I. Skorpione und Solifugen. Ежегодник Зоологического музея АН, 1927, т. 28, Ленинград, 1928.
- Ebert M. Noin-Ula. Reallexikon der Vorgeschichte, t. 8, Berlin. 1927.
- Myer, Prudence R. A reinterpretation of the Noin-Ula embroidered shoe-sole. «Artibus Asiae», vol. 10, № 2, 1947.
- Rostovtzeff M. The animal style in south Russia and China. Monographs in Art. Archaeology, XIV, 1929.
- Trever K. Excavations in Northern Mongolia 1924—1925. Memoirs of the Academy of History of Material Culture, III. Ленинград 1932.
- Yetts W. P. Discoveries of the Kozloff expedition. Burlington Magazine, April, 1926.

СЛОВАРИК МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ

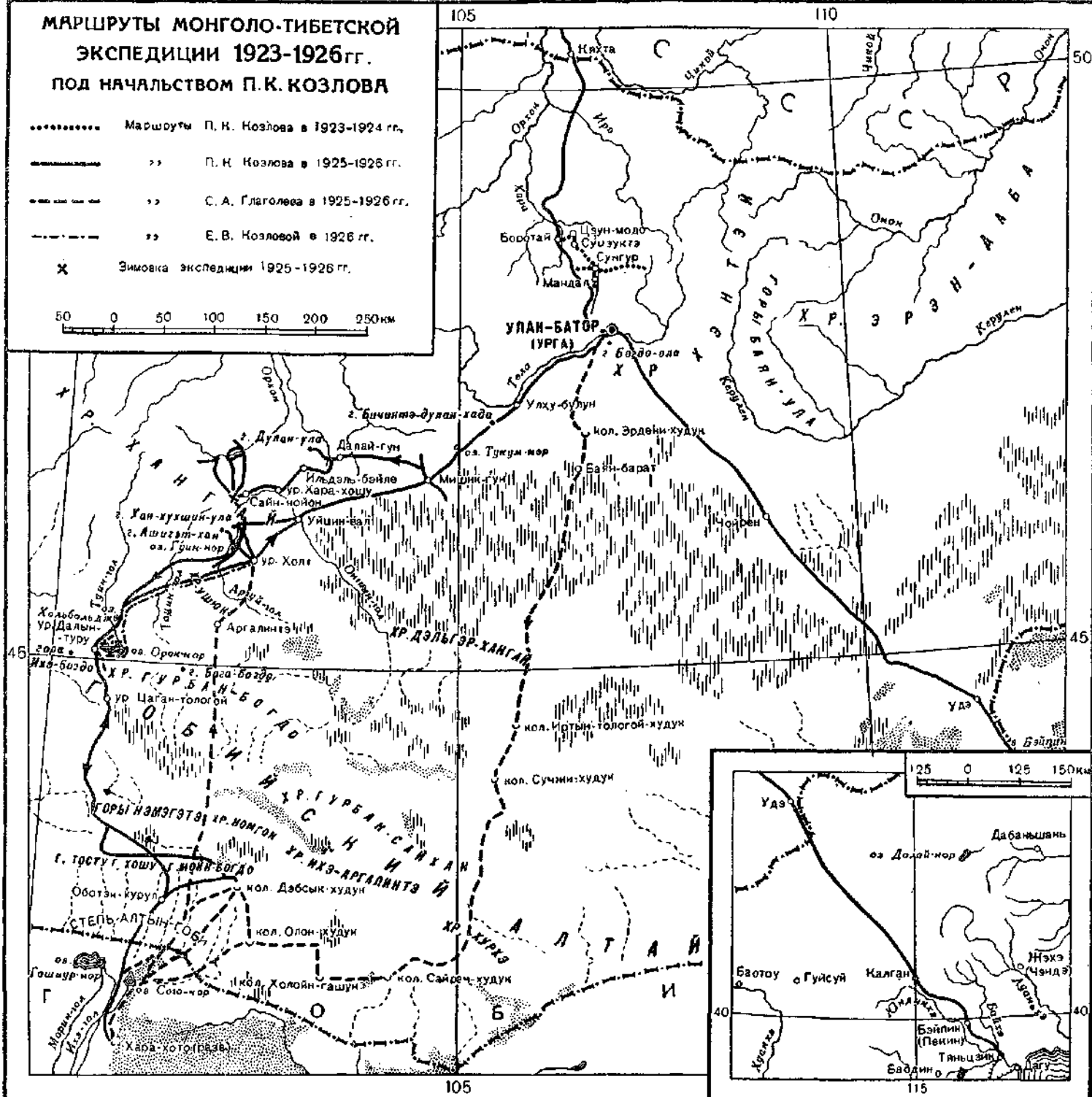
- Айл, аил** — селение, кочевье, прудца юрт.
- Арат** — правильно ард, монгол-скотовод, крестьянин, также народ «Монгол Ард Улс» — Монгольская Народная Республика.
- Аргал** — сухой навоз крупных домашних животных, употребляющийся как топливо повсеместно среди скотоводческих племен Центральной Азии.
- Аршан** — монголо-сибирское название минеральных (горячих и холодных) источников. В Киргизии — арасан, в юрне — сансаритское — «рашнани», то есть нектар, питье богов.
- Богдо-гэгэн (геген)** — глава ламаньской церкви в Монголии, «живой бог», «перерожденец», крупнейший феодал, духовный и светский владыка. Последний богдо-геген умер в 1924 году.
- Бодисаты** — грядущие будды. Святой, достигший высшей степени святости; в любой момент он может полнужиться в нирвану, но продолжает служение миру. Стать бодисатвой — высшая цель верующего ламаньста. В северной форме буддизма — ламанаме — по религиозным канонам — число бодисатв не ограничено, на юге же буддийского мира считается, что бодисатва — один — Майтрея — преемник Будды.
- Бурум-дуу** — деревянный костьюлек, продетый между ноздрями верблюда и служащий для привязывания повода.
- Бурхан** — изображение святых и богов буддийского пантеона в виде статуэток или иконописного изображения.
- Бэйлэ** — один из феодальных титулов в дореволюционной Монголии.
- Бэль** — наклонные равнины, часто изрезанные оврагами, сухими руслами (сайрами), окружающие в нижних частях склонов горные хребты; шлейфы гор. Дословно — «темя».
- Ганчжир (газжир)** — купол, шпиль.
- Гуджир** — солончак, солончаковые почвы.
- Гун** — один из феодальных титулов в дореволюционной Монголии.
- Далай** — необозримый, обширный; также море и самый святой, святейший (например, далай-лама).
- Дериоун (дэрэс)** — монгольское название злака чия.
- Дзамба** — хлебный продукт, широко распространенный среди кочевых скотоводческих племен Центральной Азии. Изготавливается из ячменя или пшеницы, зерна которых поджариваются, а затем мелются в ступках или в ручных мельницах. Употребляют дзамбу, заваренную с чаем и заправленную солью, маслом или бараньим салом в горячем виде. Заваривают или жидко, — в этом случае получается суп-болтушка, — или круто, как наше толокно; тогда эта еда напоминает по виду нашу манную кашу, только цветом темнее ее.
- Докшит** — злой или добрый дух.
- Керексуур** — принятая в русской литературе форма монгольского названия древних могил, погребений «хиргисин-ур», что значит курган.

- Монголы связывают эти курганы с киргизским народом, то-есть с тюркским населением, обитавшим здесь в домонгольском прошлом.
- Монголор — Русско-монгольское горнопромышленное общество, которое в начале XX века занималось добычей золота в Кентейских (Хэнтэйских) горах. Прекратило свою деятельность со времени Великой Октябрьской социалистической революции.
- Монцэнкооп — центральный потребительский кооператив Монгольской Народной Республики.
- Обо — искусственное сооружение в виде кучи камней, построенное верующими буддистами. Священный памятник на перевалах и вершинах гор, воздвигнутый горным духам. История «обо» уходит в далекое буддийское прошлое и связана с культом гор.
- Ом-мани-пад-мэхум — мистическая тибетская религиозная формула: «О, сокровище лотоса».
- Субуртан — буддийский ступенчатый памятник, увенчанный вершиной в виде шпиль. Устанавливается на могилах феодалов и крупных лам, по углам и в стенах монастырей, а также в местах, связанных с какими-либо знаменитыми событиями или явлениями.
- Хадак — «плат счастья». Продолговатые шелковые цветные платки с тисненным или вытканым изображением богов и святых буддийского пантеона. Преподносится при встречах и прощании в виде приветствия; играет роль визитной карточки.
- Хара-сульта — антилопа-джейран.
- Хармык — кустарник-седлачник, ярко-красные соловятовые ягоды которого охотно употребляются в пищу.
- Хошун — феодальное владение. Административная единица в старой Монголии, ныне упраздненная в МНР, но сохранившаяся во Внутренней Монголии.
- Хубилган — «святая перерожденка». В буддийско-ламаистской религии умерший воплощается, перерождается в новую форму.
- Хуралдан, хурал — собрание, конференция, высший выборный орган государственной власти в Монгольской Народной Республике.
- Хутухта — титул, который присуждается хубилганом за выдающуюся деятельность в пользу ламаистской церкви.
- Цаца — изображение богов буддийского пантеона, сделанное из обожженной глины.
- Цирк — солдат Монгольской Народно-Революционной армии.
- Ямта (ямá) — козы.

**МАРШРУТЫ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ 1923-1926 гг.
ПОД НАЧАЛЬСТВОМ П. К. КОЗЛОВА**

- Маршруты П. К. Козлова в 1923-1924 гг.
 ————— » » П. К. Козлова в 1925-1926 гг.
 - - - - - » » С. А. Глаголева в 1925-1926 гг.
 - - - - - » » Е. В. Козловой в 1926 гг.
 X Зимовка экспедиции 1925-1926 гг.

50 0 50 100 150 200 250 км

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Э. М. Мурзаев. Экспедиция П. К. Козлова в Монголию (1923—1926)	3
Е. В. Козлова, Предисловие.	12
П. К. Козлов. Дневники (1923—1926).	15
Выступление экспедиции и ее работы в районе Улан-Батора .	17
Поездка в Ленинград и Москву.	61
Возвращение в Улан-Батор и выезд в Китай.	73
Заключительная деятельность экспедиции в районе Улан-Батора.	78
Выступление в Хангай и путь до верховьев реки Онгини-гол. .	83
Зимовка в Хангае.	113
Путь до урочища Холт и палеонтологические работы.	145
Экскурсия на озеро Орок-нор и в Хара-хотэ.	163
Возвращение экспедиции.	209
Список печатных работ, явившихся результатом изучения материа-	
лов, привезенных экспедицией.	231
Словарик местных терминов.	233

Редактор *Я. А. Марголин*
Худож. редактор *В. В. Шукина*
Технич. редактор *И. Н. Ривина*
Обложка художника *И. А. Костылева*

Слано в производство 17/II-49 г. Подписано к печати
27 IV-49 г. А05008. Формат 60×92 $\frac{1}{4}$. Тираж 10000.
Печатных листов 14 $\frac{3}{4}$ + $\frac{1}{4}$ вкл. Учетно-издательских
лист. 15,34. Цена 8 р. 15 коп. Переплет 1 р. Зак. 370.

6-я типография „Главполиграфиздата“
при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Самотечный 17.